

ISSN 1992–7940

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2024

Учредители

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет»

Редакционный совет

А. А. Чувакин, д. ф. н., проф. — председатель (Барнаул), О. В. Александрова, д. ф. н., проф. (Москва), К. В. Анисимов, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Н. Басовская, д. ф. н., проф. (Москва), В. В. Красных, д. ф. н., проф. (Москва), Л. О. Бутакова, д. ф. н., проф. (Омск), Т. Д. Венедиктова, д. ф. н., проф. (Москва), О. М. Гончарова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Т. М. Григорьева, д. ф. н., проф. (Красноярск), Е. Г. Елина, д. ф. н., проф. (Саратов), Е. Ю. Иванова, д. ф. н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О. Т. Молчанова, д. ф. н., проф. (Польша, Щецин), М. Ю. Сидорова, д. ф. н., проф. (Москва), И. В. Силантьев, д. ф. н., проф. (Новосибирск), К. Б. Уразаева, д. ф. н., проф. (Казахстан, Астана), И. Ф. Ухванова, д. ф. н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А. Д. Цветкова, к. ф. н, доцент (Казахстан, Павлодар), А. П. Чудинов, д. ф. н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т. В. Чернышова

Редакционная коллегия

П. В. Алексеев (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л. А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), К. И. Бринев, М. П. Гребнева, В. В. Десятов, В. Н. Карпухина, Л. М. Комиссарова, А. И. Куляпин, Е. В. Лукашевич, В. Д. Мансурова, С. А. Осокина, Ю. В. Трубникова, Л. Н. Тыбыкова

Секретариат

О. А. Ковалев, С. Б. Сарбашева

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66; Алтайский государственный университет, Институт гуманитарных наук, оф. 405а. Тел.: 8 (3852) 296617. E-mail: soveto1@filo.asu.ru

Адрес на сайте АлтГУ: <http://journal.asu.ru/pm/>

Адрес в системе РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=25826

Адрес в Open Journal System: <http://journal.asu.ru/pm/index>

ISSN 1992–7940

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

В. С. Савельев. Функции курсива в статье Н. М. Карамзина «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» (1802 г.)	7
Т. С. Карпачева. Смердяков и скопчество	18
К. С. Рассказова. Топос леса в творчестве А. П. Чехова 1890–1900-х гг.	34
С. С. Фолимонов. Жанр исторического предания в творческой лаборатории В. Г. Короленко (на материале очерков «У казаков»)	50
Н. В. Чаунина. Детская литература Южной Якутии: региональные и типологические особенности	68
Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая. Эстетика и принципы неореализма в романе Дэйва Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения»	83
М. В. Батюшкина, Т. В. Чернышова. Лингвистическая экспертиза законопроекта: общие подходы	94
Д. А. Бабак, С. А. Осокина. Языковая специфика устойчивых сочетаний слов в англоязычных медицинских текстах	112
Н. В. Кожанова. Тенденции использования англо-американских заимствований в немецких текстах объявлений о вакансии	125
В. А. Черноусов, О. М. Акай. Актуализация использования игровых сленгизмов при переводе видеоигр	137
И. И. Шакалов. Адаптивные ситуации в медиадискурсе молодежной политики	152

Научные сообщения

- М. И. Абдыжапарова, Т. В. Федосова, Т. Ю. Сомикова.**
Актуализация оценочных смыслов в антропоморфной
и артефактной метафорах поэтических текстов
Владимира Андреева 170
- Д. С. Золотухин.** От слова к термину: особенности французской
лексической единицы *terme* в сравнительно-сопоставительном
аспекте 179

Обзоры

- А. Г. Хабибуллина.** Краткая история становления татарской
ареальной лингвистики 188
- Резюме** 195
- Наши авторы** 208
- Требования к оформлению присылаемых в редакцию
материалов** 210

CONTENTS

Articles

V. S. Savelyev. Functions of Italics in the Article by N. M. Karamzin Historical memories and remarks on the way to the Trinity (1802)	7
T. S. Karpacheva. Smerdyakov and Skopchestvo.....	18
K. S. Rasskazova. Forest Topos in Chekhov's works of the 1890s–1900s	34
S. S. Folimonov. The Genre of Oral Historical Narration in the Creative Laboratory of V. G. Korolenko (based on the essays <i>At the Cossacks</i>)	50
N. V. Chaunina. Children's Literature of Southern Yakutia: Genre, Thematic, Motif-figurative Features	68
G. I. Lushnikova, T. Iu. Osadchaia. Aesthetics and Principles of Neorealism in Dave Eggers» <i>A Heartbreaking Work of Staggering Genius</i>	83
M. V. Batyushkina, T. V. Chernyshova. Linguistic Examination of the Bill: General Approaches.....	94
D. A. Babak, S. A. Osokina. The Linguistic Distinction of Fixed Collocations in English-Language Medical Texts	112
N. V. Kozhanova. Trends of the Use of Anglo-American Borrowings in German Job Advertisement Texts	125
V. A. Chernousov, O. M. Akay. Actualization of Game Slang Usage in Videogame Localization	137
I. I. Shakalov. Adaptive Situations in the Media Discourse of Youth Policy	152

Scientific reports

- M. I. Abdyzhaparova, T. V. Fedosova, T. Yu. Somikova.**
Actualization of Evaluative Meanings in the Anthropomorphic and
Artifactual Metaphors of Vladimir Andreev's Poetic Texts 170
- D. S. Zolotukhin.** From Word to Term: Features of the French
Lexical Unit *terme* in the Comparative Aspect 179

Reviews

- L. G. Habibullina.** A Brief History of the Formation of Tatar Areal
Linguistic 188
- Summary**..... 195
- Our authors**..... 208
- Требования к оформлению присылаемых в редакцию
материалов** 210

СТАТЬИ

ФУНКЦИИ КУРСИВА В СТАТЬЕ Н. М. КАРАМЗИНА «ИСТОРИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ НА ПУТИ К ТРОИЦЕ» (1802 Г.)

В. С. Савельев

Ключевые слова: Н. М. Карамзин, функции курсива, «чужое слово», фразовое ударение.

Keywords: N. M. Karamzin, functions of italics, “non-author word”, phrasal stress.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–01

Одной из актуальных задач изучения творчества Н. М. Карамзина является определение особенностей использования им графических средств выделения фрагментов текста. Исследователи его произведений неоднократно обращали внимание на употребление автором различных элементов параграфематики, в том числе и *курсива*, функциональная нагрузка которого у Н. М. Карамзина разнообразна: «В прижизненных изданиях Карамзина часто употреблялся курсив для обозначения слов в переносном значении или для подчеркивания созданных им неологизмов. Однако курсивом он пользовался и для передачи чужой речи, цитат, географических названий и понятий, заглавий книг, указаний дат и т. п.» [Макогоненко, Берков, 1964, с. 786]. Отмечается авторский характер использования данного средства: «К вопросам индивидуальной интонационной пунктуации относится также и употребление разного рода типографских средств: курсива, разрядки и проч. Следует подчеркнуть, что употребление курсива и кавычек у Карамзина не совпадает с современными нормами и не может быть адекватно на них переведено. Курсивом он обозначает не только прямую речь, но и разные формы чужого слова: несобственно-прямую, косвенную речь, а также цитаты из чужих текстов. Одновременно курсив подразумевает ненейтральное отношение автора к разным формам чужого слова. В нейтральных случаях Карамзин использует кавычки. Таким образом, создается возможность

выражения сложных интонационно-оценочных значений и этим способом» [Лотман, Успенский, 1984, с. 520, 521].

В исследовании И. М. Борисовой устанавливаются особенности использования курсива в поэтических произведениях Н. М. Карамзина:

- «...выделение курсивом слов и словосочетаний происходит в 90% случаев, а предложений — в 10% случаев»;
- «в ... 22% случаев лексическое наполнение курсивных выделений составляют слова, однокоренные словам „любовь“, „бог“, „жизнь“, „прощение“, „счастье“, „душа“, „благо“ <...>;
- в 15% случаев — это курсивы слов, обозначающих ощущения, чувства, эмоции и их оттенки»;
- «27% случаев курсив маркирует рифму, а в 5% — конец строки в произведениях с белым стихом»;
- «Чаще всего (44% случаев) курсив у поэта выполняет функцию характеристики предмета, явления, лица <...>;
- в 26% случаев курсив у Карамзина несет на себе функцию выделения пространственно-временных форм <...>;
- в 22% случаев курсив служит средством оформления „нужного слова“» [Борисова, 2016, с. 15–17].

Полученные И. М. Борисовой результаты, на наш взгляд, убедительно доказывают не только значимость курсива как элемента параграфематики Н. М. Карамзина, но и наличие прямой зависимости особенностей функционирования этого средства от типа создаваемого автором текста: можно предположить, что значительная часть отмеченных характеристик вряд ли свойственна нехудожественной прозе Н. М. Карамзина. Для того чтобы убедиться в этом, обратимся к одной из наиболее значимых его статей «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», впервые опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1802 г.

В тексте статьи обнаруживается 25 случаев использования курсива. Какие именно фрагменты текста выделяет автор?

Чаще всего курсивом выделяются словоформы (14 случаев) и словосочетания (2 случая), занимающие позиции различных членов предложения:

<1> «Приставъ сказывалъ мнѣ, что другая *вышка*, которая уже разрушилась, была гораздо пространнѣе» (Николай Карамзин. Историческая воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 219) — подлежащее;

¹ Согласно подсчетам И. М. Борисовой, в 52 произведениях обнаруживается 203 случая использования курсива (см. [Борисова, 2016, с. 14]).

<2> «Святый Сергій, рожденный въ несчастныя времена нашего отечества, когда внѣшніе непріатели и внутренніе раздоры обращали Россію въ истинную юдоль плача» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 287) — дополнение;

<3> «Въ Успенскомъ Соборѣ погребена единственная Лифляндская Королева въ свѣтъ, Марѳа Владиміровна» (там же, с. 300) — согласованное определение;

<4> «<...> истребилъ цѣлую армію злодѣевъ, которые подѣ начальствомъ грознаго, отчаяннаго Хлопка, сего Рускаго Катилины» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802с. С. 36) — несогласованное определение;

<5> «Князь Щербатовъ говоритъ, что лѣтописцы наши не сказываютъ имени сего монаха, а сохранили только его прозваніе *Топорковъ*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 302) — приложение;

<6> «Я воображалъ нашего добраго Рускаго Царя, сидящаго тутъ среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 209) — обстоятельство места;

<7> «Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевести тѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его *честно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтьми, при Успенскомъ Соборѣ» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802с. С. 44) — обстоятельство образа действия.

В качестве частей сложного бессоюзного предложения используются выделяемые курсивом предикативные единицы, в 5 случаях находящиеся в постпозиции (<8> «... здѣсь, отвращаясь сердцемъ и взоромъ отъ мятежной земли, въ безмолвіи пустынь гласилъ онъ съ Пророкомъ древности: *Небеса повѣдаютъ славу Божию! ...*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 287) и под.) и в 1 случае — включающая в интерпозиции не выделенные курсивом «слова автора» (<9> «*Но святый угодникъ*, какъ говоритъ почтенный Историкъ Лавры, *сокрывъ себя въ пустынь, не могъ сокрыть имени своего*» (там же, с. 287).

В трех случаях синтаксическая роль выделяемых курсивом фрагментов требует особого описания:

<10> «Я видѣлъ слѣды батарей, которыми Поляки громили Троицкія стѣны; но и развалины бываютъ *тамъ* могилою непріятели, *здѣ* два сильныя чувства: любовь къ отечеству и вѣра, вооружаютъ защитниковъ» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 288) — выделяются местоименные слова, «организующие» сложноподчиненное предложение местоименно-соотнесительного типа;

<11> «Лѣтописцы наши, столь не охотно отдающіе ему справедливость, признаются, что Борисъ *любилъ въ судахъ правду*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802с. С. 34) — курсивом выделяются все члены предикативной единицы, кроме подлежащего;

<12> «Входя во внутренность ограды, вы видите передъ собою монументы четырехъ вѣковъ, которые, по словамъ Стихотворца, привѣтствуютъ васъ *Одинъ съ угрюмостью своей, Другой съ улыбкою веселой!*» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 289) — курсивом выделяются две стихотворные строки, используемые в качестве части написанного прозой предложения и занимающие в нем ряд синтаксических позиций.

Последние два фрагмента хорошо иллюстрируют потенциал курсива как средства, позволяющего сочетать в тексте «свое» и «чужое» слово: в случае необходимости автор может трансформировать исходную «чужую» синтаксическую конструкцию, добавив в нее «свой» элементы.

Маркирование «чужого слова» в структуре «своего текста», на наш взгляд, может быть признано одной из основных функций курсива в статье Н. М. Карамзина (наблюдается в 16 из 25 случаев). Можно выделить несколько типов «чужого слова», оформляемого именно таким способом:

1. Автор приводит название объекта (<13> «Колодцы деревянные, кромѣ одного, каменнаго, называемаго *громовымъ*, для того, какъ увѣряютъ, что тутъ ударилъ нѣкогда громъ въ землю» (Николай Карамзин. Историческія воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 217)) или имя человека (см. <5>), которые неизвестны читателю. При этом автор может рассказать об истории возникновения номинации (см. <13>) и сообщить о том, что сам он это название знал и ранее (<14> «Они состоятъ въ деревянной церкви, построенной, думаю, еще прежде Царя Алексѣя Михайловича, и въ ветхомъ зданіи, похожемъ на анбаръ и называемомъ *Царскою вышкою*. Это имя было для меня не ново: я слыхалъ, что въ старину назывались такъ высокіе терема, въ которыхъ Рускіе Боя-

ре прохладались иногда лѣтомъ» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 218, 219)).

2. Автор повторяет название объекта, который в предтексте упоминался с помощью нового для читателя слова (см. <1>).

3. Автор использует слово, известное читателю, но «произносимое» в данном фрагменте не рассказчиком, а иным субъектом текста и, соответственно, отражающее «чужое» знание или «чужую» точку зрения (<15> «Что принадлежит до тогдашней народной ненависти къ Царю Борису, о которой говоритъ Князь Щербатовъ, то я не вижу рѣшительныхъ ея доказательствъ. <...> Скорѣ повѣрю я Татищеву, что *Бояре* не любили тогда Годунова» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802с. С. 42, 43), <16> «Г. Миллеръ удивляется, отъ чего Переславль названъ *Зальскимъ*, когда вокругъ его нѣтъ даже и рощи!» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 220)). При этом в <16> новизна восприятия «чужого» в данном случае слова связана с необходимостью оценить его внутреннюю форму.

4. В одном из случаев «чуждость» слова подчеркивается тем, что оно представляет собой архаизм: в <7> слово *честно* в значении «с почестями» маркирует дискурс, принадлежащий не времени автора и читателю, а времени описываемых событий.

Приведенные в пп. 1–4 фрагменты объединяет то, что в их субъектной перспективе «источником» выделяемого курсивом слова является не рассказчик, а иной субъект речи, при этом он а) персонифицирован (<1>, <7>, <15>), сказуемое называет его речевую деятельность (<1>, <7>), б) не персонифицирован (<13>, <14>, <16>), используются формы причастия страдательного залога глагола *наз(ыв)ать* (<13>, <14>, <16>) и 3 лица индикатива глагола *увѣрять* в неопределенно-личном предложении (<13>).

В <5> субъект речи формально персонифицирован, однако в действительности речь идет не о конкретном, а об «обобщенном» авторе текста определенного жанра, на что указывает форма множественного числа подлежащего *лѣтописцы*.

В <16> субъектная перспектива имеет более сложную структуру, чем в других фрагментах: упоминается персонифицированный источник оценки — *Г. Миллеръ*, который высказывает оценку «чужого слова» («Г. Миллеръ удивляется»), принадлежащего неперсонифицированному источнику номинации («Переславль названъ *Зальскимъ*»), в связи с чем, как мы видим, в <16> используются средства оформления субъектных значений различных типов.

5. В отличие от приведенных в пп. 1–4 примеров, субъектная перспектива фрагмента <17> «Россія въ сравненіи съ другими Европейскими землями есть конечно новая страна въ разсужденіи *обитаемости*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 220) не отсылает к какому-либо «внешнему» источнику: слово *обитаемость* оказывается новым для читателя, поскольку оно, по всей вероятности, является авторским неологизмом².

Использование автором пространных «чужих слов» (= «чужих предложений») имеет свою специфику.

6. Автор ориентируется на знание читателем прецедентных текстов: его целью является порождение в сознании читателя импликатур, связанных с «расшифровкой» «чужого» слова (см. <2> и <8>), общеизвестного, а потому не требующего указания «источника» (Пс. 83, 7 и Пс. 18, 1), но допускающего упоминание, что это слово является «чужим» (<8> «въ безмолвіи пустынь гласиль онъ съ Пророкомъ древности»).

7. В противоположность примерам в п. 6, ряд фрагментов содержит пространное «чужое слово», являющееся для читателя новым и представляющее собой нарративный фрагмент чужого текста: <18> «Еще трогательнѣе для меня тогдашнее братское согласіе Рускихъ Воиновъ, избраженное сею милою, простою чертою въ нашихъ лѣтописяхъ: *никакой ссоры между людми Пожарскаго не бывало, но всѣ совѣстно и единомышленно другъ съ другомъ поступали*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 295), а также <9> и <11>. Во всех случаях автор указывает источник приводимой цитаты.

8. В отличие от примеров в п. 7, в ряде фрагментов пространное «чужое слово», являющееся для читателя новым, может представлять собой воспроизведение прямой речи из «чужого» текста: <19> «Гетманъ Желковскій требоваль отъ него, чтобы онъ запретилъ Пожарскому собирать войско, но сей великій мужъ отвѣчалъ ему: *а кто же спасетъ Россію?*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 295), <20> «Юаннъ, по словамъ Курбскаго, такъ плѣнился коварнымъ совѣтомъ монаха, что поцѣловаль руку его съ восторгомъ, сказавъ: *самъ отецъ мой не могъ бы присовѣтовать мнѣ лучше!...*» (там же, с. 302). Обраща-

² Слово *обитаемость* не обнаруживается в обоих изданиях «Словаря Академии Российской» (1789–1794 гг. и 1806–1822 гг.) и «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (1987 г.), но зафиксировано в «Словаре русского языка XVIII в.» со значением «населенность, заселенность», причем в качестве примера приводится рассматриваемый фрагмент из статьи Н. М. Карамзина (см. [Словарь, 2005, с. 241]).

ет на себя внимание то, что во всех остальных случаях, оформляя прямую речь, не восходящую к «чужим» текстам, Н. М. Карамзин использует кавычки (например, «Я хотѣлъ знать, любятъ ли они другъ друга? — „Какъ не любить! мужъ да жена больше, чѣмъ братъ да сестра”» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 222)).

9. Особо следует выделить конструкцию, которая передает «чужое», не разделяемое рассказчиком мнение: <21> «Однакожь на полѣ Куликовскомъ исчезло гибельное суевѣріе Рускихъ, главная вина ихъ постыднаго рабства: *они считали грозныхъ Татаръ бичемъ Небеснымъ, которому ничто не могло противиться*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 292], — не указывая источник выделенной курсивом части текста, автор не дает читателю возможности установить, восходит ли данный фрагмент к конкретному тексту (например, к летописным сообщениям о битве на реке Калке) или является «общим местом» древнерусской письменности.

Еще одним «темным местом» статьи является фрагмент <12>: автор ссылается на некоего «Стихотворца», но не называет его имени. Примечательно, что противопоставление «угрюмости» и «веселости», на котором строится «цитируемое» двустипшие, очень напоминает фрагменты из нескольких текстов самого Н. М. Карамзина: «Тутъ начинается садъ Англійской, картина сельской Природы, въ иныхъ мѣстахъ дикой, угрюмой, въ другихъ обработанной и веселой» («Письма русского путешественника») (Николай Карамзин. Сочинения Карамзина. 1803а. С. 108), «Князь <...> сказалъ <...> съ жаромъ: „Юлія хочетъ промѣнять огненного Амура на холоднаго Гименея! милую улыбку перваго на вѣчную угрюмость послѣдняго!”» («Юлія») (Николай Карамзин. Сочинения Карамзина. 1803б. С. 87, 88).

В ряде случаев использование курсива мотивировано иной, чем необходимость маркирования чужого слова, причиной. С помощью этого параграфемного элемента Н. М. Карамзин указывает, на какое из слов конструкции падает фразовое ударение: <22> «Но я увидѣлъ не далеко отъ дороги прекрасный *водводѣ*» (Николай Карамзин. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице. 1802а. С. 212)³, <23> «Тутъ вѣрно клали имъ перину или устилали полъ травою для свѣжести, отворяя со всѣхъ сторонъ *задвижныя* окна» (там же, с. 219), <24> «Тамъ, на бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, изображены *четыре* эпохи славы его

³ Слово не является для читателя «новым»: в частности, оно зафиксировано уже в 1-м издании «Словаря Академии Российской» (см. [Словарь, 1789, с. 796]).

и незабвенныя услуги, оказанныя имъ Россіи» (Николай Карамзин. Историческія воспоминанія, вместе с другими замечаніями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 291), а также <3>, <4> и <10>.

О двух фрагментах с курсивом, указывающим фразовое ударение, следует сказать особо.

В <6> автор, используя выделяемый курсивом уточняющий член предложения, прибегает к языковой игре: рассказчик, как бы исправляя сам себя, замещает неточно выбранное слово («среди вельможъ своихъ, или, лучше сказать, *передъ ними*») — подобная самокоррекция, уместная для устной речи, является избыточной в речи письменной и должна породить в сознании читателя определенную импликацию.

Во фрагменте <25> «Извѣстно только по запискамъ монастырскимъ, *что* Авраамъ оставилъ по кончинѣ своей: мало богатства, но много славы!» (Николай Карамзин. Историческія воспоминанія, вместе с другими замечаніями, на пути к Троице и в сем монастыре. 1802б. С. 300) выделение курсивом слова *что* позволяет избежать двусмысленности: омонимичный местоимению союз *что* не может выделяться фразовым ударением.

Фразовое ударение является одним из средств акцентирования внимания адресата на коммуникативно значимой части высказывания. Между тем введение «чужого слова» в свой текст также подразумевает «управление» вниманием читателя. В связи с этим вполне логично, что в большинстве случаев выделение курсивом «чужого слова» одновременно указывает и на фразовое ударение. На наш взгляд, наиболее показательным в этом отношении является фрагмент <15>: с одной стороны, выделение курсивом слова *Бояре* адресует читателя к точке зрения В. Н. Татищева, с другой — указывает, что именно находящееся в препозиции слово *Бояре* является не темой, а ремой высказывания. Также обращает на себя внимание использование во фрагменте <2> перед «чужим словом» *юдоль плача* рематизатора «истинная», указывающего на особый коммуникативный статус выделенного курсивом словосочетания.

Выделение курсивом, связанное с указанием особой коммуникативной значимости элемента текста, касается не только отдельных слов, но и более пространственных частей текста: как нарративные фрагменты, так и реплики субъектов нарратива («прямая речь»), восходящие к «чужому» тексту, потому и используются в «своем» тексте, что имеют особую коммуникативную значимость и должны обязательно вызвать пристальное внимание читателя (наиболее показательны в этом отношении фрагменты <9>, <18>, <19> и <20>).

Использование курсива, не связанное с выделением «чужого слова» и/или коммуникативно значимого элемента текста, обнаруживается только в одном случае — в графическом оформлении названия статьи. Примечательно, что в более поздних прижизненных ее изданиях (в «Собрании сочинений» Н. М. Карамзина 1803, 1814 и 1820 гг.) название курсивом не выделяется: поскольку использование курсива в этом случае связано не с отражением особого авторского замысла, а с технической редакцией журнала (названия всех статей «Вестника Европы» передаются курсивом), то и сохранение этой графической особенности впоследствии может игнорироваться (названия всех произведений в трех изданиях «Собрания сочинений» передаются заглавными буквами). Напротив, мотивированное авторским замыслом использование курсива не подразумевает возможности последующего изменения (разумеется, за исключением авторской правки): в трех изданиях «Собрания сочинений» сохраняется курсивное выделение 24 из 25 фрагментов текста. Единственное изменение касается фрагмента <12>: в изданиях «Собрания сочинений» 1814 и 1820 гг. эти стихотворные строки передаются прямым шрифтом, см. (Николай Карамзин. Сочинения Карамзина. 1814. С. 285) и (Николай Карамзин. Сочинения Карамзина. 1820. С. 220).

Таким образом, функции курсива в различных текстах Н. М. Карамзина действительно зависят от того, какому жанру принадлежит текст. В частности, оказалось, что основными функциями курсива в публицистической статье Н. М. Карамзина являются а) выделение «чужого слова» и б) выделение коммуникативно значимого элемента текста. При этом зачастую использование курсива позволяет автору достичь этих двух целей одновременно, что говорит о полифункциональности данного графического средства.

Библиографический список

Борисова И. М. Курсив в поэзии Н. М. Карамзина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 11 (199).

Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Текстологические принципы издания // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984.

Макогоненко Г. М., Берков П. Н. От редакторов // Карамзин Н. М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М. ; Л., 1964.

Словарь Академии Российской. Часть I. От А. до Г. СПб., 1789.

Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 15. Непечатый — Обломатье. СПб., 2005.

Источники

Карамзин Н. М. Историческия воспоминания и замечания на пути к Троице // Вестник Европы. 1802а. Ч. 4. № 15.

Карамзин Н. М. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (Продолжение) // Вестник Европы. 1802б. Ч. 4. № 16.

Карамзин Н. М. Историческия воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре (Окончание) // Вестник Европы. 1802с. Ч. 5. № 17.

Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Издание второе, исправленное и умноженное. Т. 9. М., 1814.

Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Издание третье, исправленное и умноженное. Т. 9. М., 1820.

Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Т. 5. М., 1803а.

Карамзин Н. М. Сочинения Карамзина. Т. 6. М., 1803б.

References

Borisova I. M. *Kursiv v poezii N. M. Karamzina*. [Italics in poetry of N. M. Karamzin]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Orenburg State University]. 2016. No. 11 (199).

Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. *Tekstologicheskie principy izdaniya*. [Textual principles of publication]. In: *Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika*. [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad, 1984.

Makogonenko G. M., Berkov P. N. *Ot redaktorov*. [From the editors]. In: *Karamzin N. M. Izbrannye sochineniya v dvuhtomah*. [Selected works in two volumes]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1964.

Slovar' Akademii Rossijskoj. [Dictionary of the Russian Academy]. Pt. I. From G. to Z. St. Petersburg, 1789.

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka. [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 15. Nepochatyj — Oblomat'sya. St. Petersburg, 2001.

List of sources

Karamzin N. M. *Istoricheskaya vospominaniya i zamechaniya naputi k Troice*. [Historical memories and remarks on the way to Trinity]. In: *Vestnik Evropy*. [Messenger of Europe]. 1802. Pt. 4. No. 15.

Karamzin N. M. *Istoricheskaya vospominaniya, vmeste s drugimi zamechaniyami, naputi k Troice i v semmonastyre (Prodolzhenie)*. [Historical memories, together with other remarks, on the way to the Trinity and in this monastery (Continued)]. In: *Vestnik Evropy*. [Messenger of Europe]. 1802б. Pt. 4. No. 16.

Karamzin N. M. *Istoricheskiya vospominaniya, vmeste s drugimi zamechaniyami, naputi k Troicej v semmonastyre (Okonchanie)*. [Historical memories, together with other remarks, on the way to the Trinity and in this monastery (End)]. In: *Vestnik Evropy*. [Messenger of Europe]. 1802c. Pt. 5. No. 17.

Karamzin N. M. *Sochineniya Karamzina*. [Works by Karamzin]. Vol. 9. Moscow, 1814.

Karamzin N. M. *Sochineniya Karamzina*. [Works by Karamzin]. Vol. 9. Moscow, 1820.

Karamzin N. M. *Sochineniya Karamzina*. [Works by Karamzin]. Vol. 5. Moscow, 1803a.

Karamzin N. M. *Sochineniya Karamzina*. [Works by Karamzin]. Vol. 6. Moscow, 1803б.

СМЕРДЯКОВ И СКОПЧЕСТВО

Т. С. Карпачева

Ключевые слова: Смердяков, Достоевский, Братья Карамазовы, скопцы, скопчество, секта.

Keywords: Smerdyakov, Dostoevsky, «The Brothers Karamazov», the skoptsy, the skopchestvo, the sect.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–02

Введение

В статье рассматривается образ Смердякова, героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — внебрачного сына Федора Павловича Карамазова. Устойчивое в литературоведении понимание этого героя как «карикуры» или «двойника» Ивана Карамазова, на наш взгляд, недостаточно для раскрытия его роли в романе.

Цель работы — рассмотреть признаки, предположительно указывающие на принадлежность Смердякова к секте скопцов, а также выяснить соотношение темы скопчества с криминальным сюжетом отцеубийства.

Выбранный в работе **междисциплинарный метод научного исследования** позволяет опираться на историко-правовые, религиоведческие, а также современные юридические работы для целостного понимания изучаемой проблемы. Феномен скопчества, менталитета скопца и — шире — вообще явления сектантства рассматривался в русской исторической и юридической науке начиная с 60-х гг. XIX в. Вследствие этого для выявления признаков принадлежности Смердякова к секте скопцов необходима опора на труды ученых, непосредственно занимавшихся изучением скопчества.

С детством и юностью Павла Федоровича Смердякова читатель знакомится в главе «Смердяков» первой части романа «Братья Карамазовы» и сразу ужасается тому, как тот «в детстве любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией» (Достоевский. Т. XIV, с. 114). Здесь же рассказывается и о «воспитательных» мерах слуги Григория. Застав раз своего воспитанника за такой «церемонией» с кошками, Григорий его не только «больно наказал розгой», но и подкрепил свое наказание словесно: «Ты разве человек,...ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» (Т. XIV. С. 114)¹. И именно этих слов (а не розог) не смог про-

¹ Здесь и далее ссылки на главы и страницы источника даны по изданию: Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.

стить ему Смердяков, «как оказалось впоследствии» (там же). На уроке по священной истории в ответ на вполне логичный вопрос, свидетельствующий о стремлении ребенка к познанию, о его развитых интеллектуальных способностях: «Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый. Откуда же свет-то сиял в первый день» (Т. XIV. С. 114) — Григорий дал ему пощечину, и именно после этого с ним стали случаться эпилептические припадки. Эти следующие один за другим эпизоды неслучайны и объясняют обиду Смердякова, которая питает его на протяжении всего романа, — обиду на весь мир (включая Бога, создавшего этот мир и «божьих тварей» — кошек) за свое сиротство, за то, что братья никогда не признают его братом. Обида вырастает в чувство мести миру и «божьим тварям».

Обзор литературы

На протяжении всей истории изучения романа и понимания в нем роли образа Смердякова исследователи, по сути, «повторяют» реакцию Григория и его слова, продолжая «бить по щекам» Смердякова и отрицать его человеческую природу, то есть «извергать» из рода людей или даже иных Божьих тварей (потому что формулировка «завелся из банной мокроты» как бы отрицает акт божественного творения). Так, В. В. Розанов называет Смердякова порождением «разлагающегося трупа» Федора Павловича Карамазова, «миазм<ом>», «гниющ<ей>шелух<ой> „павшего в землю и умершего зерна”» [Розанов, 1998, с. 54]. Сравнивая Смердякова с Иваном (позже эта «линия» понимания его как «двойника», «темной стороны» Ивана укрепитя и будет преваляризовать в науке (см., напр.: [Степун, 1990, с. 341; Чирков, 1967, с. 234–301; Ермакова, 1973, с. 165–166] и др.), Розанов опять возвращается к образу шелухи: «Смердяков есть только шелуха его (имеется в виду Ивана. — *Т. К.*), гниющий отбросок» [Розанов, 1998, с. 55]. В. А. Михнюкевич, в свою очередь, наделяет Смердякова «дьявольской», «бесовской» природой [Михнюкевич, 1994, с. 262] вместо человеческой, то есть, по сути, повторяет слова слуги Григория, отрицавшего, пусть и в гневе, принадлежность воспитанника к человеческому роду.

Интересно, что и для советских исследователей, априори симпатизировавших всем «народным» персонажам, а в особенности страдающим от «эксплуататоров», Смердяков, находящийся на положении слуги в доме своего отца, тоже не вызывал ни капли сочувствия. Так, в работе Н. М. Чиркова повторяются сходные уничижительные характеристики в отношении Смердякова, опять же фактически отрицающие его человеческую природу: «Иван осознает свою нарастающую ненависть к *этому существу*» [Чирков, 1967, с. 273] (курсив наш. — *Т. К.*); «...са-

мая фамилия — Смердяков, фатально напоминающая о его матери Лизавете Смердящей, довершает выразительную характеристику его духовного облика, как какого-то *ублюдка*, *„игры природы“*, *пасынка и выкидыша природы*» [Чирков, 1967, с. 273–274] (курсив наш. — Т. К.). Чирков определяет образ Смердякова как «кривое зеркало» Ивана [Чирков, 1967, с. 273] и в его преступлении выделяет лишь социальные причины: «...в процессе социального распада, вызванного капитализацией России и деградацией дворянства, семья и род приходят к неизбежному биологическому вырождению и самоотрицанию» [Чирков, 1967, с. 239]. Более того, даже само рождение Смердякова автор объясняет с точки зрения социальной, и вольно или невольно в этом объяснении прочитывается некая ирония или доля абсурда: «Своим появлением на свет от „смердящей“ Смердяков обязан в конечном счете социальным причинам. Нужна была та крайняя степень морального „беспорядка“ пореформенного времени, которая привела Федора Павловича к физическому соединению с Лизаветой Смердящей» [Чирков, 1967, с. 239].

М. Я. Ермакова, продолжая линию понимания Смердякова как «двойника» Ивана, обличает его за отсутствие «связи с народом»: «Смердяков, не только не имеющий никакой связи с народом, но и не чувствующий никакой ответственности перед ним, все свои мечты обиженного завистника сосредоточил на осуществлении плана утверждения своего личного, эгоистического „я“» [Ермакова, 1973, с. 166]. В. Я. Кирпотин ставит Смердякова в один ряд с Валковским («Униженные и оскорбленные»), Свидригайловым («Преступление и наказание») и даже с его отцом — Федором Павловичем Карамазовым: «...Они разные, очень разные, но все порождение загнившего и гибнущего мира<...> Смердякову не удалось стать участником пира во время чумы — и он вешается» [Кирпотин, 1983, с. 400].

Результаты дискуссии и их обсуждение

С предложенными подходами трудно согласиться: образ Смердякова вполне самостоятелен, его нельзя рассматривать лишь как «двойника» Ивана. Говоря словами И. А. Гончарова, у Смердякова свой «миллон терзаний». Понимание героя лишь как «отражения» того или иного социального слоя, возведение такой социальной типизации в принцип влечет за собой нивелирование его индивидуальности. В один ряд с героями-сладоэстрастниками (Валковский, Свидригайлов, Федор Павлович Карамазов) Смердяков, со своим «скопческим лицом» и презрением к женщинам, также явно не вписывается. Едва ли можно согласиться и с тем, что мотивом его самоубийства могла быть невозможность воспользоваться похищенными у Карамазова-старшего деньгами и осуще-

ствить свою мечту, то есть, по словам Кирпотина, «стать участником пира во время чумы». Возможностей скрыться с деньгами у Смердякова было достаточно, но он ждал своего кумира Ивана, чтобы получить от него награду и одобрение («я только вашим приспешником был, слугой Личардой верным» (Т. XV. С. 59).

Современные исследователи большей частью уже не считают Смердякова «порождением» той или иной формации, «буржуазных отношений» и т.д. Однако понимание его как «двойника», как образ, отражающий либо «снижающий» другой образ, осталось. Так, В. Е. Ветловская идейно сопоставляет Смердякова с Великим инквизитором и называет его некой «сниженной» («лакейской») копией Великого инквизитора [Ветловская, 2007, с. 111–112]. Удивительно, насколько часто «лакейство» Смердякова в исследовательской литературе «вменяется» ему в вину, хотя очевидно, что его социальный статус от его выбора никоим образом не зависит, более того, именно то, что он занимает положение лакея в доме своего отца, и причиняет ему страдания, которые сформировали в нем неизживаемую обиду. Пожалуй, из всех героев Достоевского, занимающих низкое социальное положение, «униженных и оскорбленных» несправедливостью, Смердяков — единственный, кто не удостоился жалости ни читателей, ни даже большинства исследователей Достоевского. Однако социальное положение Смердякова, а также его «двойничество» по отношению к Ивану либо к инквизитору, превалирующие в понимании этого образа, не объясняют его роли в романе. Сюжетная линия Смердякова фактически центральная, потому что именно она приводит к убийству. Более того, в отличие от сюжетных линий других братьев, которые предполагалось продолжить, лишь линия Смердякова оказалась законченной. Поэтому понимание Смердякова как «карикатуры», «двойника» и т.д. явно недостаточно.

Своеобразный взгляд на Смердякова и его роль в романе предлагает Т. А. Касаткина. По мысли исследовательницы, роман «Братья Карамазовы» посвящен спасительной идее братства как пути к спасению всего человечества: «...объединение отъединенных, единственно возможный путь соединения в падшем мире, — это объединение виновных, сознавших свою вину и чужую вину как свою. Если райская гармония — это соединение в любви и невинности, то единственно доступное нам ее восстановление — это соединение в любви и в сознании вины» [Касаткина, 2004, с. 114]. Смердяков, как полагает Касаткина, со своей брезгливостью, стремится «отделиться» от всех, потому, видимо, и не может спастись. Притом интересно, что исследовательница не сомневается в принадлежности Смердякова к скопчеству: «Это „отделение“ его от плоти,

видимо, нашло выражение и в указании на его скопчество» [Касаткина, 2004, с. 115], хотя в тексте содержатся лишь намеки на скопчество Смердякова, подлежащие отдельному рассмотрению и доказательству.

Принципиально иной взгляд на Смердякова и пока единственную в достоянии попытку его понимания и защиты предлагает О.А. Меерсон. Пожалуй, единственная из всех исследователей, Меерсон видит в Смердякове человека и *брата* остальным братьям Карамазовым, и, по ее мысли, главная проблема заключается в том, что «он (Смердяков. — Т. К.) постоянно сознает, что он — четвертый брат, а его братья не признают этого никогда» [Меерсон, 2007, с. 567]. По мысли ученой, все братья (включая Алешу) и шире — все герои в ответе за преступление Смердякова, за то, что отказывались видеть в нем *брата*, а видели лишь лакея, и особенно справедливым это наблюдение кажется в свете слов старца Зосимы «все за всех виноваты». В более «широкий круг» ответственных ученой включает и читателей, поверивших в то, что Смердяков «не человек» и «из банной мокроты завелся», а также в то, что повешение кошек в детстве «предопределило» и убийство Федора Павловича Карамазова впоследствии. Неоднократно Меерсон отмечает, что именно читатель «не замечает» Смердякова, его страданий и забывает о том, что он тоже *брат* братьям Карамазовым: «...автор наделяет <Смердякова> болезненно-обостренным личностным сознанием, тем не менее недоступным или заблокированным для сознания как других героев, так и читателя» [Меерсон, 2007, с. 566]; «У нас есть все сведения, черным по белому, о том, что Смердяков четвертый брат, и однако почему-то, в ходе повествования, мы склонны об этом забывать» [Меерсон, 2007, с. 570]. С линией Смердякова ученой соотносит ветхозаветную историю об Иосифе, проданном братьями в рабство, которую старец Зосима рассказывает в качестве примера библейских сюжетов, понятных простолюдинам и крестьянским детям: «Подобно сыновьям Израиля, и сыновья Федора Павловича не признают своего забытого брата братом...» [Меерсон, 2007, с. 591], а также предостерегает и от «соблазна детерминизма», лежащего на поверхности. Читатель «цепляется» за эпизод с кошками, из которого склонен вывести и все остальные злодеяния Смердякова: «Он был очень жесток с кошками, и это он во взрослом возрасте подучил Илюшу подложить иголки Жучке. Мы воспринимаем эту подлость как продолжение и подтверждение его детских замашек» [Меерсон, 2007, с. 598–599] (на этот «соблазн детерминизма», что интересно, «попадает» В.А. Михнюкевич, который как раз и «выводит» эпизод с собакой из эпизодов с кошками [Михнюкевич, 1994, с. 260–261]). «Соблазн детерминизма» вступает в противоречие с идеей уникальности и индивидуальности

человеческой личности, свободы воли, которой каждый человек наделен от Бога. Меерсон — чуть ли не единственная из всех исследователей, кто обращает внимание на слова Григория о «нечеловеческой природе» Смердякова, приведенные в начале статьи, — «жестокий ответ взрослого жестокости ребенка» [Меерсон, 2007, с. 598]. Эти слова, по мысли автора, «не просто оскорбление в ответ на бесчеловечность. Они не признают за Смердяковым права называться человеком. <...> Его слова заколачивают личность и личностность Смердякова досками. От этого — особая ненависть Смердякова к Григорию, которую мы принимаем за неблагодарность» [Меерсон, 2007, с. 598]. Работа Меерсон, безусловно, значима для понимания не только образа Смердякова, но и всего романа в целом. Пожалуй, лишь в ней содержится попытка понять мотивы поведения «четвертого брата» и жалость по отношению к нему: «Подобно всем детям, обойденным вниманием и обиженным в семье, Смердяков постоянно совершает отчаянные акты самовыражения в надежде быть наконец замеченным как личность» [Меерсон, 2007, с. 599].

Доказательству принадлежности Смердякова к скопческой секте посвящена работа Г.Л. Боград [Боград, 2007, с. 508–522]. Исследовательница подчеркивает, что Смердяков не «карикатура», не «двойник» Ивана, а «играет в романе вполне самостоятельную роль» [Боград, 2007, с. 508]. На наш взгляд, ее выводы, весьма обоснованные и убедительные, требуют все же дальнейшего осмысления и расширения. В качестве основных доводов в пользу того, что Смердяков — скопец и обратился в скопчество, находясь в Москве на обучении поварскому искусству, Боград приводит следующие аргументы из текста, с которыми, пожалуй, следует согласиться:

- возможное влияние на Смердякова слуги Григория, увлекшегося было одно время хлыстовщиной (Т. XIV. С. 89);
- намек на некую «тайну», окружавшую его личность («Очень бы надо примолвить кое-что и о нем специально (курсив наш. — Т. К.), но мне совестно столь долго отвлекать внимание моего читателя на столь обыкновенных лакеев...») (Т. XIV. С. 93) и дальнейшее разъяснение того, что «тайну» свою Смердяков привез из Москвы;
- портрет Смердякова: «скопческое, сухое» лицо и даже прямое указание на соответствующее сходство: «стал походить на скопца» (Т. XIV. С. 115);
- нелюбовь к женщинам (хотя, правда, наравне с женщинами Смердяков питает презрение и к мужчинам: «женский пол он, кажется, так же презирал, как и мужской») (Т. XIV. С. 116) и досада («блед-

нел от досады» на Федора Павловича, когда тот заводил разговоры о женитьбе) (там же);

- эпилепсия, которая в сектантской хлыстовско-скопческой среде рассматривалась как «священная» болезнь².

Из иных доказательств принадлежности Смердякова к скопчеству Боград выделяет эпизод, когда он усмехнулся мученическому подвигу солдата, сохранившего верность Христу, а также еще песню про «царскую корону» («Царская корона — Была бы моя милая здорова»). Реакция Смердякова на рассказ про Фому Данилова (солдата, явившегося реальным прототипом того, подвиг которого обсуждался в доме Федора Павловича), по мысли Бограда, иллюстрирует, что «для Смердякова ничего не стоит отказаться и от Христа, и от собственного крещения (ведь он принял другое — „огненное крещение”»)» [Боград, 2007, с. 517]. А песня про «царскую корону», по мысли исследовательницы, является некой аллюзией на самозванство Кондратия Селиванова, называвшего себя Петром III, и иных скопческих «пророков», выдававших себя за лиц царского рода, а также намеком на то, что Смердяков мог мечтать о своем «царском корабле» [Боград, 2007, с. 519]. Более того, этот «корабль» уже начал формироваться и первыми его «адептами» могли стать Марья Кондратьевна с матерью, которые смотрели на Смердякова «как на высшего пред ними человека» (Т. XV. С. 50). Боград замечает, что «покосившийся бревенчатый домик» на окраине города, куда они переселились, где приютили Смердякова и где он впоследствии и повесился, очень похож на те, в которых подальше от посторонних глаз устраивались радения. И, наконец, от внимания исследовательницы не ускользнули ритуальный белый чулок Смердякова, напугавший Ивана («Ты меня испугал... с этим чулком») (Т. XV. С. 60), где были спрятаны деньги, и восклицание несчастного слуги: «Неужто же, неужто вы до сих пор не знали...» (Т. XV. С. 60). Это восклицание, как отмечает Боград, «несет двойной смысл: с одной стороны, ... является продолжением прерванного разговора о виновности Ивана в убийстве, совершенном Смердяковым, с другой, — удивление тому, что Иван не догадывается о принадлежности Смердякова к секте скопцов» [Боград, 2007, с. 520].

Приведенные ученой доказательства, на наш взгляд, представляются актуальными, хотя и не все они абсолютно очевидно доказывают принадлежность к скопческой секте. Так, связь между увлечением Гри-

² Это отражено, например, в известном очерке о скопцах П. И. Мельникова-Печерского «Белые голуби» (Павел Мельников-Печерский. Т. VI. С. 287–288), где автор отмечает, в том числе, и то, что почитаемые среди скопцов лица («пророки» или «кормщици») часто инсценируют юродство. В этом отношении неудивительно, что Смердяков мог симитировать «падучую».

гория хлыстовщиной и скопчеством Смердякова, конечно, может проследиваться, но вряд ли будет правильным говорить о прямом влиянии, учитывая притом взаимоотношения воспитателя и воспитанника. Влияние Григория, увлекшегося хлыстовщиной (как отмечает рассказчик, «на что по соседству оказался случай») (Т. XIV. С. 89), могло быть лишь невольным и косвенным. Невозможно представить, чтобы замкнутый Григорий «учил» бы Смердякова иной вере, тем более что сам он «не заблагорассудил» переходить в хлыстовщину, чему, как можно предположить, были основательные причины. Скорее всего, Григория должно было остановить: а) запрещенность секты (с его любовью к порядку сложно представить, что он мог бы оказаться замешанным в каком-либо противозаконном деле) и б) «заповедь» хлыстов «разжениться» с женой (хотя при этом плотское сожителство с «сестрой», или так называемой «духовницей», не возбранялось) (см. об этом, напр. [Маргаритов, 1910, с. 29]), а Марфа Игнатьевна играла большую роль в его жизни.

Портретные черты («скопческая испитая физиономия») (Т. XIV. С. 243); «скопческое сухое лицо» (там же, с. 43), а также психологические особенности Смердякова, приоткрывающие, по мысли Боград, тайну его принадлежности к секте, находят подтверждение в исследованиях, непосредственно посвященных «сектантской» теме. Действительно, практически все ученые, занимавшиеся вопросами сект, и, в частности, скопцов, отмечали их скрытность и замкнутость (что очевидно, так как скопцы были связаны общим преступлением) (см., напр. [Буткевич, 1915, с. 181]). Запрет на разглашение принадлежности к секте являлся одной из заповедей скопцов: «дают страшные клятвы никогда никому не открывать ее таинств и скорее тело свое отдать на раздробление, чем постороннему человеку сообщить что-либо из слышанного или виденного в „корабле”» (Павел Мельников-Печерский. Т. VI. С. 274). Эта «связанность» общей тайной, точнее, общим преступлением, и сформировала менталитет, который чуть позже, уже в начале XX в., ученый М. Вебер, выделивший общие характерные признаки сект, назовет «кастовым высокомерием» сектантов [Вебер, 2011, с. 171].

Речь Смердякова, обесценивающего подвиг Фомы Данилова (сказанная, в общем-то, адресно для Ивана, в надежде понравиться ему), вполне объясняется мировоззрением скопцов, для которых любой обман и даже преступление всегда оправданы некоей «высшей» идеей. Фактически идеология скопцов, как и представителей других сект, представляет собой «религиозный вариант» теории Раскольниковца. Так, вовлечение в секту обманом, посещение для «отвода глаз» православных храмов в скопческих «кораблях» не вменялось в грех: важнее было со-

хранить втайне принадлежность к сообществу (см. об этом, напр. [Варадинов, 1863, с. 505; Добротворский, 1869, с. 102; Мельников-Печерский. Т. VI, с. 251]). Неспроста после этой речи, когда Смердяков говорит о том, что такой подвиг совершенно излишен и «не было бы греха и в том, если б отказаться при этой случайности от Христова примерно имени и от собственного крещения своего, чтобы спасти тем самым свою жизнь для добрых дел, коими в течение лет и искупить малодушные» (Достоевский. Т. XIV, с. 117), Федор Павлович называет его иезуитом: «Это он был у иезуитов где-нибудь, Иван. Ах ты, иезуит смердящий, да кто ж тебя научил?» (Т. XIV. С. 119). Показательно, что старик Карамазов здесь почти в точности угадывает «механизм» восприятия Смердяковым подобных идей: кто-то, скорее всего, какой-нибудь скопческий «пророк» в Москве, действительно должен был «научить» его «подстраивать» религиозные взгляды под те или иные обстоятельства (не сам же он это выдумал!), а иезуиты (католический орден, основанный в начале XVI в. Игнатием Лайолой) в свое время «прославились» именно таким умением, благодаря чему само это слово стало нарицательным, обозначающим лицемерие, двуличие ради какой-то цели.

Почитание Марьей Кондратьевной и ее матерью Смердякова как «высшего человека» говорит о том, что обладающий хитростью и смекалкой, умеющий притворяться, инсценировать падучую и хранить тайны Смердяков среди общества скопцов и сочувствующих им мог действительно иметь определенный авторитет. В словах рассказчика «поселился у них *в качестве* жениха Марьи Кондратьевны и проживал пока даром» (Т. XV. С. 50) — прослеживается какая-то недоговоренность, и «в качестве жениха» можно прочесть как «под видом жениха». Неспроста первоначальную любовную сцену между Марьей Кондратьевной (в черновой тетради — Марьей Николаевной) и Смердяковым, историю их взаимоотношений, а точнее, настойчивости Марьи Николаевны, долго звавшей и дозвавшейся наконец Смердякова в гости, Достоевский не включил в текст романа (см. об этом: [Мочульский, 1995, с. 514]), а свидание в главе «Смердяков с гитарой» вместо любовного превратилось в некий социально-политический и культурный диспут, где, как стоит предположить, Смердяков одержал победу, а позже нашел приют у своих «адептов», посчитавших за честь его приютить.

История Смердякова завершается в последнем свидании с Иваном: «белый чулок» окончательно убеждает читателя в его принадлежности к скопчеству. Так, И. М. Добротворский указывает на нитяные чулки как на «радельную» одежду скопцов [Добротворский, 1869, с. 54]. Интересно, что в сцене последнего свидания Ивана со Смердяковым содер-

жится и упоминание о его любви к чаю, «к которому скопцы большие охотники» (см. об этом, напр. [Варадинов, 1863, с. 521]). Марья Кондратьевна описывает его состояние следующим образом: «почти как не в своем уме-с и даже чай велели убрать, пить не захотели» (Т. XV. С. 57).

В доказательствах Г.А. Боград, приводимых в пользу принадлежности Смердякова к скопчеству, есть, впрочем, и положения, вызывающие сомнения. Так, в качестве идентифицирующих Смердякова как скопца признаков исследовательница приводит и совершенно обычные вещи: «чистоплотность (одно из объяснений необходимости оскопления — это стремление к чистоте), предпочтение рыбных блюд мясным, добросовестное отношение к своему делу, видимая честность, работоспособность» [Боград, 2007, с. 517]. Впрочем, чистоплотность скопцов отмечается и в исследовании Т.И. Буткевича: «В жилище скопца всегда соблюдается особая чистота и порядок» [Буткевич, 1915, с. 180]. Говорить об этом признаке как о намеке на принадлежность к скопчеству в принципе возможно, но лишь в ряду других. О «предпочтении» рыбных блюд мясным учена делает вывод на основании того, что «старик Карамазов особо отмечал приготовленные им (Смердяковым. — Т. С.) уху, кулебяку (пирог с рыбой и капустой или кашей), кофе <...> речь не идет о мясных блюдах» [Боград, 2007, с. 509]. Однако сложно представить, чтобы Федор Павлович ориентировался на вкус слуги. Разумеется, как повар, служащий в доме Карамазова, Смердяков готовит те блюда, которые заказывает барин. При этом в тексте содержится косвенное указание на то, что мясные блюда в рационе барина тоже присутствуют, следовательно, Смердяков их готовит. Так, когда после припадка (как впоследствии выяснится, разыгранного) Смердяков лежал «больной», обед готовила Марфа Игнатьевна, которая, в отличие от него, «в поварях не училась», и потому у нее суп «сравнительно с приготовлением Смердякова вышел „словно помои“, а курица оказалась до того пересушенной, что и прожевать ее не было никакой возможности» (Т. XIV. С. 256). Таким образом, если Федору Павловичу было с чем сравнивать, значит, можно предположить, что курицу Смердяков ранее готовил. Мечта Смердякова об открытии в Москве или даже в Европе ресторана вполне соответствует скопческому культу богатства, понимания скопцами богатства как «Божьего благословения» (см. об этом, напр. [Буткевич, 1915, с. 181–182; Даль, 2006, с. 100–101]), однако говорить о Смердякове лишь как о «жадном» и «бесчувственном» (или, как вариант, «завистливом» лакее) невозможно. Прощание с этой мечтой выглядит трагически надрывно, и читатель жалеет Смердякова в последней сцене, непосредственно перед самоубийством, когда он отдает Ивану деньги убитого им Федора Павловича, спрятанные в белом чулке:

«— Но почему же ты мне отдаешь, если из-за них убил? — с большим удивлением посмотрел на него Иван.

— Не надо мне их вовсе-с, — дрожащим голосом проговорил Смердяков, махнув рукой. — Была такая прежняя мысль-с, что с такими деньгами жизнь начну, в Москве али пуще того за границей, такая мечта была-с, а пуще все потому, что „все позволено”. Это вы вправду меня учили-с, ибо много вы мне тогда этого говорили: ибо коли Бога бесконечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе. Это вы вправду. Так я и рассудил.

— Своим умом дошел? — криво усмехнулся Иван.

— Вашим руководством-с.

— А теперь, стало быть, в Бога уверовал, коли деньги назад отдаешь?

— Нет-с, не уверовал-с, — прошептал Смердяков.

— Так зачем отдаешь?

— Полноте... нечего-с! — махнул опять Смердяков рукой. — Вы вот сами тогда все говорили, что все позволено, а теперь-то почему так встревожены, сами-то-с? Показывать на себя даже хотите идти... <...>

— До завтра! — крикнул Иван и двинулся идти.

— Постойте... покажите мне их еще раз.

Иван вынул кредитки и показал ему. Смердяков поглядел на них секунд десять.

— Ну, ступайте, — проговорил он, махнув рукой. — Иван Федорович! — крикнул он вдруг ему вслед опять.

— Чего тебе? — обернулся Иван уже на ходу.

— Прощайте-с!» (Т. XV. С. 67–68).

В этой сцене Смердяков прощается и со своей мечтой, и со своим миром. И какой бы приземленной ни была эта мечта, и как бы ни был недостойн его кумир, все же прощание выглядит трагически.

По мысли Г. А. Боград, «Достоевский ни в коей мере не оправдывает Смердякова, но, исходя из его природы и накопленных им впечатлений, объясняет его мысли и поступки» [Боград, 2007, с. 520]. Здесь следует все же не согласиться с исследовательницей в том, что у Смердякова какая-то особенная *природа*: природа у него такая же, как у всех, — человеческая, главные же «накопленные впечатления» его основаны на его «отверженности». Братья не считают его братом, и в последнем разговоре с Иваном он не может еще раз не упомянуть об этой боли: «...али уж братца так своего пожалели, что собой пожертвовали, а на меня выдумали, так как все равно меня как за мошку считали всю вашу жизнь, а не за человека» (Т. XV. С. 67) (курсив наш. — Т. К.). Иван, а по мысли Мерсон, и читатель — все забывают, что Смердяков тоже «братец», что он

не должен быть противопоставлен Мите как «мошка». Из круга братьев в конце романа исключает Смердякова даже Алеша, когда говорит мальчиком: «Убил лакей, а брат невинен» (Т. XV. С. 189) (курсив наш. — Т. К.).

Именно поэтому Смердяков ищет *иного* «братства» — в скопческом корабле, которого там, однако, тоже нет. «Братья» и «сестры» в секте связаны общей преступной тайной. Как члены любой преступной группы, скопцы были связаны общими преступлениями (членовредительством, вовлечением в секту путем обмана и страхом покинуть секту). Совершая убийство, Смердяков желает связать себя с Иваном теми же узами. И такой криминальный менталитет героя не могло сформировать лишь его безрадостное детство или «детская травма» вследствие воспитания Григория, а сформировала его именно принадлежность к откровенно асоциальной преступной группе, которую в исследовательской литературе почему-то порой называют «народной верой» или «народной религией». Даже Г.Л. Боград, хоть и отмечает разрушительную силу сектантства для личности и общества, тоже говорит о скопчестве как о «народной религии». В Смердякове исследовательница видит «саморазрушение на фоне карамазовской живучести» [Боград, 2007, с. 521], а в «разложение семьи Карамазовых и общества в целом», по ее мысли, «Смердяков <...> вносит народную стихию, будучи сектантом, раскольниковиком, носителем „народной религии”» [Боград, 2007, с. 521].

Антинародность скопческой идеологии понимает на интуитивном уровне Алеша, хотя и не знает о принадлежности к скопчеству Смердякова. Тем не менее, Алеша совершенно серьезно и безапелляционно утверждает, что у «Смердякова совсем не русская вера» (Т. XIV. С. 120). Это утверждение очень важно, и именно сквозь его призму, на наш взгляд, необходимо понимать дальнейшее «раскрытие» скопческой темы вплоть до ритуального чулка, после которого в принадлежности Смердякова к скопчеству уже сомневаться не приходится. Скопчество не «народная вера», а организованная преступная группа, которая оправдывает как обман, так и преступление, и именно в ней сформировался характер и менталитет Смердякова.

Против понимания сектантства как «народной», «самобытной» культуры возражал еще в начале XX в. Т.И. Буткевич: «Кто же будет отрицать, что штунда и баптизм, как свидетельствуют и самые их названия, порождены немецким протестантизмом, пашковщина насаждена английским лордом Редстоком, адвентизм — американцем Вильямом Миллером. <...> Но в то же время пантеистическое влияние язычествующей в христианстве мысли сказалось и в других видах русского сектантства: хлыстовстве, скопчестве, духоборчестве, иеговизме и др.» [Буткевич, 1915, с. 5].

Автор приходит к выводу о том, что невозможно говорить о «самобытности сектантства, о творчестве русского народного гения», так как «в русском сектантстве все — чужое» [Буткевич, 1915, с. 5].

Нельзя, таким образом, сомневаться в том, что в «Братьях Карамазовых» скопчество также изображено как *антинародная* и *антиобщественная* сила. Принадлежность к секте влечет за собой разрушение как своей жизни, так и чужой. Достоевский показывает, что скопчество оказалось убийственным не только по отношению к потомству, но и к родителям. Образ скопца, убивающего отца, конечно, глубоко символичен: насильственно лишая себя потомства, человек утрачивает и ценность жизни вообще. Бунт против плоти оказывается бунтом против самой жизни.

Однако, с другой стороны, принадлежность к скопческому «кораблю», является все же, скорее, «смягчающим» обстоятельством для Смердякова, чем «отягчающим»: в скопческом «псевдобратстве» Смердяков ищет того братства, которого у него не было в родительском доме, а идея дозволенности обмана, лицемерия, а то и преступления ради «вышей» идеи (цели) явно была внушена ему в скопческом корабле. Идея Ивана о том, что «все позволено», и квазирелигиозная идеология скопчества вполне «уживаются» в миропонимании Смердякова и приводят его к преступлению. Обе теории несут в себе «смертельный» заряд: теория Ивана, отрицая бессмертие, «убивает» душу; идеология скопцов убивает плоть. Соединение этих теорий, очевидно, и приводит несчастного юношу к убийству и самоубийству.

Смердяков — одновременно и преступник, и жертва, как и любой преступник-сектант. И здесь мы можем говорить о криминологическом открытии Достоевского, предвосхитившего современные научные знания в области юриспруденции. Такой феномен преступника-жертвы был открыт юридической наукой лишь в наши дни. Так, на «виктимологический аспект тоталитарного сектантства» обращает внимание В.А. Бурковская, отмечая, что в таких организациях «индивид зачастую одновременно является и жертвой, и преступником» [Бурковская, 2006, с. 114]. На этот же феномен указывает и С.В. Розенко, замечая, что при долгом нахождении в секте «у адепта утрачивается способность думать и действовать независимо и самостоятельно. <...> <и> вырабатывается не просто зависимая от сообщества личность, а личность подконтрольная, которая может быть как потерпевшим, так и преступником одновременно» [Розенко, 2011, с. 183]. Именно такой тип преступника, с одной стороны, героя-идеолога, претендующего на «избранность», а с другой стороны, зависимого и несчастного, и представляет собой «четвертый» брат Смердяков.

Заключение

Итак, рассмотрев признаки принадлежности Смердякова к скопчеству, подтвержденные историко-правовыми и религиоведческими исследованиями феномена сектантства, следует отметить ее высокую вероятность. Движущей силой поступков Смердякова является обида: на слугу Григория, в порыве гнева высказавшего, ни много ни мало, сомнение в его, Смердякова, человеческой природе; на весь мир за свое сиротство и за то, что братья никогда не признают его своим братом. Смердяков ищет иного «братства» в скопческом «корабле», которого там тоже нет. Достоевский приходит к выводу о том, что скопчество оказалось убийственным не только по отношению к потомству, но и к родителям. Принадлежность к такой квазирелигиозной преступной группе влечет за собой разрушение как своей жизни, так и чужой. В гениальной художественной форме Достоевский предвосхищает криминологические открытия современной науки: преступник-сектант, реализуя в своих поступках внушенные ему деструктивные идеи, действуя под чужим влиянием, оказывается и преступником, и жертвой одновременно. Такого рода преступником и является Смердяков, так и не дождавшийся того, что братья назовут его братом.

Библиографический список

Боград Г.А. Сектант ли Смердяков? (к теме: «Достоевский и секты») // «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М., 2007.

Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия : дисс. ... докт. юр. н. М., 2006.

Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков. Изд. 2. ; испр. и доп. Петроград, 1915.

Варадинов Н.В. История Министерства внутренних дел. Восьмая, доп. книга. История распоряжений по расколу. СПб., 1863.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 2011.

Ветловская В.Е. Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб., 2007.

Даль В.И. Исследование о скопческой ереси. Ногинск, 2006.

Добротворский И.М. Люди божии. Русская секта так называемых духовных христиан. Исследование профессора Казанского университета И. Добротворского. Казань, 1869.

Ермакова М.Я. Романы Достоевского и творческие искания в русской литературе XX века. Горький, 1973.

- Касаткина Т.А. Да воскреснет Бог! // Достоевский Ф.М. Собр. соч. : в 9 т. Т. 7. Братья Карамазовы. Ч. I–III. М., 2004.
- Кирпотин В.Я. Мир Достоевского. М., 1983.
- Маргаритов С.Д. История русских мистических и рационалистических сект. Изд. 3 ; испр. и доп. Симферополь, 1910.
- Меерсон О.А. Четвертый брат или козел отпущения ехmachina // «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М., 2007.
- Михнюкевич В.А. Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. Челябинск, 1994.
- Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995.
- Розанов В.В. Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В.В. Уединенное. М., 1998. С. 9–200.
- Розенко С.В. Криминальное сектанство: проблемы криминализации и наказуемости // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 4 (14).
- Степун Ф.А. Миросозерцание Достоевского // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов. М., 1990.
- Чирков Н.М. О стиле Достоевского. Проблематика. Идеи. Образы. М., 1967.

Список источников

- Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.
- Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собр. соч. в 6 т. М., 1963.

References

- Bograd G. L. *Sektant li Smerdyakov? (k teme: "Dostoevskiji sekty")*. [Is Smerdyakov a sectarian? (to the topic: "Dostoevsky and the sects")]. In: "*Brat'ya Karamazovy*": *sovremennoye sostoyaniye izucheniya*. ["The Brothers Karamazov": the current state of study]. Ed. by T. A. Kasatkina. Moscow, 2007.
- Burkovskaya V. A. *Kriminal'nyj religioznyj ekstremizm: ugovovno-pravovye I kriminologicheskie osnovy protivodejstviya*. [Criminal religious extremism: criminal law and criminological foundations of counteraction]: Thesis of Doct. Law. Diss., Moscow, 2006.
- Butkevich T. I. *Obzor russkih sekt I ih tolkov*. [Review of Russian sects and their interpretations]. Ed. 2., ispr. and add. Petrograd, 1915.
- Varadinov N. V. *Istoriya Ministerstva vnutrennih del. Istoriya rasporyazhenij po raskolu*. [History of the Ministry of Internal Affairs. The history of the split orders]. St. Petersburg, 1863.
- Weber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalizma*. [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow, 2011.

Vetlovskaya V.E. *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ya Karamazovy"*. [Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"]. St. Petersburg, 2007.

Dahl V.I. *Issledovanie o skopcheskoj eresi*. [A study on the Catholic heresy]. Noginsk, 2006.

Dobrotvorsky I.M. *Lyudi bozhii. Russkaya sekta tak nazyvaemyh duhovnyh hristian*. [People of God. The Russian sect of the so-called spiritual Christians. A study by Professor I. Dobrotvorsky of Kazan University]. Kazan, 1869.

Ermakova M.Ya. *Romany Dostoevskogo I tvorcheskie iskaniya v russkoj literature XX veka*. [Dostoevsky's novels and creative searches in Russian literature of the XX century]. Gorky, 1973.

Kasatkina T.A. *Da voskresnet Bog!* [May God rise again!]. In: *Sobraniye sochineniy. Brat'ya Karamazovy*. [Collected works. The Brothers Karamazov. Voi. 7. Ch. I–III. Moscow, AST, 2004.

Kirpotin V. Ya. *Mir Dostoevskogo*. [Dostoevsky's world]. Moscow, 1983.

Margaritov S.D. *Istoriya russkih misticheskikh I racionalisticheskikh sekt*. [History of Russian mystical and rationalistic sects]. Simferopol, 1910.

Meerson O.A. *Chetvertyj brat ili kozel otpushcheniya ex machina*. [The fourth brother or the scapegoat ex machina]. In: *"Brat'ya Karamazovy": sovremennoye sostoyaniye izucheniya*. ["Brothers Karamazov": the current state of study]. Ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, 2007.

Mikhnyukevich V.A. *Russkij fol'klor v hudozhestvennoj sisteme F.M. Dostoevskogo*. [Russian folklore in the artistic system of F.M. Dostoevsky]. Chelyabinsk, 1994.

Mochulsky K.V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskij*. [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow, 1995.

Rozanov V.V. *Legenda o Velikom Inkvizitore F.M. Dostoevskogo. Opyt kriticheskogo kommentariya*. [The legend of the Grand Inquisitor F.M. Dostoevsky. The experience of critical commentary]. In: Rozanov V.V. *Uyedinennoye*. [Secluded]. Moscow, 1998.

Rozenko S.V. *Kriminal'noe sektantstvo: problem kriminalizacii I nakazuemosti*. [Criminal sectarianism: problems of criminalization and punishability]. In: *Vestnik Permskogo universiteta*. [Bulletin of Perm University]. 2011. Iss. 4 (14).

Stepun F.A. *Mirosozercanie Dostoevskogo*. [Dostoevsky's worldview]. In: [Dostoevsky's creativity in Russian thought 1881–1931]. Moscow, 1990.

Chirkov N.M. *O stile Dostoevskogo. Problematika. Idei. Obrazy*. [On Dostoevsky's style. Problems. Ideas. Images]. Moscow, 1967.

List of sources

Dostoevsky F.M. *Sobranie sochinenij*. [Collected works]. In 30 vols Leningrad, 1972–1990.

Melnikov P.I. (Andrey Pechersky) *Sobranie sochinenij. In 6 vols*. [Collected works]. Moscow, 1963.

ТОПОС ЛЕСА В ТВОРЧЕСТВЕ А. П. ЧЕХОВА 1890–1900-х гг.

К. С. Рассказова

Ключевые слова: Чехов, топос, модернизм, пространство, мифопоэтика, локус.

Keywords: Chekhov, topos, modernism, space, mythopoetics, locus.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–03

Введение

Творчество Чехова связано с неоднозначным статусом писателя на парадигмальных границах классического и неклассического в литературе. Традиционно началом эпохи модернизма в русской литературе считаются 1900-е гг., однако анализ произведений Чехова позволяет говорить о необходимости переноса данных границ на 1880-е гг. Процессы модернизации в литературе наблюдаются системно и на разных уровнях. В жанровом отношении это описано, например, в книге С. А. Комарова «А. П. Чехов — В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX — первой трети XX века» [Комаров, 2002]. В рамках данного исследования мы продолжаем изучение процессов модернизации на пространственном материале и стремимся проследить наличие модернистских смещений на топосах и локусах 1890–1900-х гг. в творчестве Чехова.

На предыдущих этапах нами выделены и проанализированы семь топосов в творчестве Чехова 1890–1900-х гг.: море, степь, сад, железная дорога, церковь, усадьба. Также выделено 3 типа локусов: кабинет, скамья, подземные локусы. В процессе поиска и вычленения пространственных единиц нам удалось зафиксировать появление пространственных функций у непространственных компонентов: света, музыки, одорической составляющей. Собранный ранее материал демонстрирует процессы модернизации как на крупных, так и на малых пространственных уровнях. Предметом изучения в данной статье является топос леса в творчестве Чехова 1890–1900-х гг. Основываясь на ранее полученных результатах, мы предполагаем, что и в этом топосе обнаружим схожие неклассические смещения.

Обзор литературы

Обозначим рабочую исходную дифференциацию между модернистским и классическим пространством. Согласно З. Минц, художественное пространство в модернистских произведениях характеризуется высокой

долей субъективности и метафоричности, появлением новых элементов в пространственной системе и «заполнением знаков пространства новым содержанием» [Минц, 1999, с. 530]. Схожим образом описывает процессы модернизации и С. Бройтман, указывая на преломление пространственной структуры через мышление осознающего и неосинкретичность — возникновение соответствий между категориями, которые ранее воспринимались как отдельные и противоположные [Бройтман, 2008, с. 274]. Схожую мысль находим и у Д. Мережковского, указывавшего на расширение границ художественной впечатлительности в произведениях писателей второй половины XIX в.

Пространство леса в классической литературе прочитывается через призму библейской традиции. Словарь библейских образов приводит несколько модусов, в которых встречается лес в Библии [Словарь библейских образов, 1998, с. 575]:

- место, не приспособленное для проживания людей и возделывания полей;
- насаждение лесов и уход за ними как форма хозяйственной деятельности;
- жилище диких животных, в частности, диких хищников. И место ужаса. Ужас выражается в устойчивых образах лесного пожара и лесной бури;
- источник древесины.

Отметим, что, как и в модернистской традиции, некоторые библейские модальности противоречат друг другу, но семантически оппозиционные образы никогда не встречаются в пространстве одного текста. Иначе строится пространство модернистское, где лес одновременно может ассоциироваться с ужасом и являться местом заготовки дров.

Все происходящее с лесом в Библии и классической литературе трактуется как результат божьих дел. Рост леса ассоциируется с божьим благословением, гибель леса — с божьей карой.

В модернистской литературе авторы обращаются к разным формам мифа: библейскому, сказочному, авторскому.

В. Пропп приводит следующие формы топоса леса в сказочном пространстве:

- лес таинственный, маловероятный, тяготеющий к условности;
- является местом обитания Яги или мужского ее воплощения — Лешего;
- является местом для обряда инициации, задерживает иных, посторонних;

- дорога в новое место, через лес пролегает путь куда-либо [Пропп, 2000, с. 49–89].

На мифопоэтику топоса в чеховских произведениях, очевидно, влияло творчество и воззрения Ницше, произведения которого в России конца XIX в. читали в пересказах и переводах. В 1890-е гг. З. А. Венгерова написала о философе материал для словаря Брокгауза и Ефрона. В обсуждении текста участвовали Михайловский, Шестов, Лопатин, Преображенский. Ницшеанскими современники называли и работы Д. С. Мережковского. Определение «ницшеанец» тогда имело оценочный характер и использовалось для характеристики разных художественных явлений, объединенных новизной и оригинальностью формы и содержания [Коренева, 1991, с. 51]. Идеи Ницше легли на подготовленную почву: «В 90-е гг. XIX века в интеллектуальной жизни России победило самосознание, которое Андрей Белый вслед за Фридрихом Ницше назвал „волей к переоценке“» [Басинский, 2006, с. 13].

Образ лесного человека в творчестве философа занимает особое место. В мире Ницше, в отличие от христианских текстов, человек не имеет преимуществ перед животными. Лесной человек — «простой первообраз человека, его сильнейший порыв и прорыв, восторженный энтузиаст, стоящий в своей подлинной страдающей мудрости не дальше от Бога, чем окултуренный человек, скорее несравненно ближе» [Бибихин].

Лес в работах Ницше — дионисийское пространство. Дионисийскую неизмеримость леса он противопоставляет аполлонической метричности населенных пунктов и садов: «Но кто ненавистен народу, как волк собакам, так это — свободный ум, враг цепей, кто не молится и живет в лесах» [Ницше, 2007, с. 107]. Лес — место встречи с особенными героями и место встречи с собой. Заратустра встречает в лесу старца, воздающего хвалу умершему богу, а позднее говорит и о встрече с внутренним я: «Но злейшим врагом, которого можешь ты встретить, будешь всегда ты сам; ты сам подстерегаешь себя в пещерах и лесах» [Ницше, 2007, с. 66].

У Ницше также встречаем инвертированное лесное пространство: «Я — лес и ночь темных деревьев; но кто не испугается моего мрака, найдет и кущи роз под моими кипарисами» [Ницше, 2007, с. 112]. С помощью обращения к топосу леса герой описывает внутренний мир.

Пространство в произведениях Чехова — категория, которой посвящен большой объем работ в чеховедении. Все исследования можно разделить на три направления. Первый корпус работ направлен на изучение собственно художественного пространства. В диссертации М. О. Горячевой выделены знаковые особенности чеховской картины мира, проведен анализ пространственной структуры в прозе и драматургических

произведениях автора [Горячева, 1992]. Второй корпус работ посвящен связи пространства в чеховских текстах с контекстом эпохи, в частности мещанского городка с «затхлым бытом» [Бахтин, 1975, с. 396]. Задача третьего типа исследований — уточнить периодизацию творческого пути писателя. В свою очередь, здесь также можно выделить три подхода:

- биографический (Н. И. Гитович, И. Е. Гитович, М. П. Громов, Г. П. Бердников) — когда хронология творчества определяется на основе биографических событий без учета художественных особенностей произведений;
- генерализующий (И. Н. Сухих, Е. П. Червинскене) — где особенности выделяются сразу во всем корпусе текстов без учета художественной эволюции;
- синтезирующий (А. П. Чудаков, Д. Рейфилд, Н. Е. Разумова) — в данных работах попытки установки хронологических рамок базируются на сочетании пристального анализа художественных текстов и в то же время на внимании к биографическим аспектам. Сама периодизация, например в работе Н. Е. Разумовой, служит не только задачам уточнения этапов творчества писателя, но и уточнению места всего корпуса текстов Чехова в периодизации русской литературы. Продолжаем развитие данного направления и мы.

В ходе исследования мы обращаемся к произведениям периода 1890–1900-х гг. Такой подход к периодизации творческого наследия Чехова продолжает логику других исследователей: М. О. Горячева выделяет «ранний» (1880-е) и «зрелый» (1890-е) периоды и указывает, что «в зрелых произведениях Чехова описания пространства становятся важнейшими элементами повествования» [Горячева, 1992, с. 7]. Развивая тезис о доминантных пространственных моделях в творчестве Чехова, Н. Е. Разумова выделяет степь как доминанту произведений 1880-х гг., указывает, что путешествие на остров Сахалин является рубежом между двумя большими творческими этапами, и разделяет позднее творчество писателя на три этапа: «послесахалинский», «кризис 1897 года», «последний период творчества» [Разумова, 2001]. Фиксирует неклассические смещения и авторскую работу с мифом К. В. Анисимов в рамках изучения чеховского сибирско-сахалинского травелога: «прагматизм публицистических экскурсов повествователя немедленно приводит к секуляризации мифологического сюжета» [Анисимов, 2011, 256]. Исследование К. В. Анисимова подтверждает рубежный характер периода 1889–1890-х гг. и начало нового творческого периода Чехова.

Методы и материалы

В рамках исследования мы используем следующий терминологический аппарат: топос, локус, модальность пространства, онирическое и миметическое пространства. Проясним значение этих определений.

Поскольку методологическая база исследования построена на сочетании элементов сравнительного, типологического и структурно-семиотического подходов, в определении понятия «топос» мы разделяем прочтение Ю. М. Лотмана и рассматриваем топос как пространственный континуум текста, стремящийся в искусстве XIX в. максимально приблизиться к бытовому окружению писателя и его аудитории. В то же время топос выступает средством выражения непространственных отношений в тексте, определяя организацию и расстановку персонажей в нем [Лотман, 1969, с. 280].

В работах, посвященных художественному пространству, часто происходит смешение понятий «топос» и «локус». В рамках данного исследования мы дифференцируем понятия следующим образом:

- по объему выборки: топосы характеризуются большим числом текстовых фрагментов, чем локусы, являются более крупными единицами художественного пространства;
- по включенности друг в друга и маркированности границ. Топосы характеризуются отсутствием границ: сад и степь, например, простираются далеко за пределы восприятия повествователя или героя. Скамья, лестница, церковь компактны, их границы ощущаются героями произведения. Часто топос может создаваться как сумма общего восприятия и серия локусов: скамья может находиться в саду, лестница и кабинет — быть частью дома;
- по привязке к конкретным событиям. Сюжетные перипетии в пространстве топосов многообразны. В саду герои Чехова пьют чай, ставят спектакли, прогуливаются и выясняют отношения. Локусы более однообразны: скамья — место для разговора, лестница — место встречи, церковь — место для внутреннего диалога. Локусы — функциональные поля, попадая в которые герои включают в ситуацию, присущую данному локусу [Лотман, 1983, с. 253];
- по парасимволичности. Ряд топосов характеризуются архетипическими чертами — сад, парк, лес [Хайнади, 2004]. Обширные описания данных пространственных единиц можно встретить и в эпосе о Гильгамеше, и в древнегреческой литературе, и на страницах Библии. Локусы более свободны от архетипического влияния, в них ярче и выразительнее проявляется оригинальность авторского мифа. Именно поэтому наши исследования построены

на комплексном изучении как крупных, так и малых пространственных единиц.

Понятие «модальность» порождено формальной логикой, заимствовано лингвистикой, а затем и литературоведением. В лингвистике эта семантическая категория описывает отношение субъекта высказывания к высказыванию или отношения между высказыванием и действительностью. Модальность может быть действительной, недействительной, императивной и др. В исследованиях художественного пространства модальность описывает отношения между реальным и художественным пространством. Миметическое (от греч. *Mimesis* — подражание, воспроизведение) пространство является воспроизведением реальных элементов пространства с художественной целью, внешней по отношению к герою средой. Онирическое (от греч. *Oneiros* — сон) — пространство, создаваемое внутри сознания героя. Это может быть сон, наваждение, галлюцинация или воспоминание.

Работа с наследием Чехова состояла из четырех этапов. На первом этапе нами были выделены все текстовые фрагменты из произведений 1888–1904 гг., содержащие буквосочетание «лес». Привлечение произведений, написанных ранее 1890 г., обусловлено двумя причинами. Во-первых, следованием за логикой составителей собрания сочинений писателя и предложенным ими разделением по томам: проведение четкой хронологической границы между произведениями представляется сложным — писатель работал параллельно над несколькими текстами и единое время написания может создать дополнительное перспективное поле для интерпретации. Во-вторых, хронологическими рамками создания пьесы «Леший». Пьесу относят к 1889 г., что достаточно близко к изучаемому периоду. Кроме того, большие фрагменты пьесы «Леший» вошли в произведение «Дядя Ваня» 1896 г. Также оба произведения характеризуются высокой долей текстовых фрагментов с топом леса.

Объем выборки составил 112 текстовых фрагментов. Поскольку объем материала недостаточен для эффективной обработки автоматизированными средствами, выборка производилась вручную, с помощью поиска по ключевым словам на сайте lib.ru. Данный проект, реализованный при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, отличается сплошной полнотекстовая верстка: все тексты, относящиеся к одному тому собрания сочинений писателя, выдаются на единой странице, что упрощает поиск.

На втором этапе из выборки были устранены фрагменты, где буквосочетание «лес» не имеет семантики, связанной в изучаемым топосом, например, отрывки со словами «преlestно» или словосочетания-

ми «всплеснул руками». Также из выборки были убраны отрывки, содержащие устойчивые выражения, пословицы и поговорки со словом «лес». Например, «дело не медведь, в лес не уйдет», «небольшой флигель, окруженный целым лесом репейника». Итоговая выборка включает 88 текстовых фрагментов.

На третьем этапе выборка была приведена в соответствие с нормами цитирования. Верстка материалов в проекте lib.ru не предполагает нумерации и приведение ее в соответствие с собранием сочинений Чехова. Поэтому мы обратились к проекту «Фундаментальная русская библиотека „Русская литература и фольклор“», где тексты Чехова размечены в соответствии с бумажным собранием сочинений и писем в 30 томах, изданных «Наукой» в 1974–1983 гг.

Четвертый этап предполагал смысловой и частотный анализ полученной выборки. Подробнее об этом этапе ниже — в разделе «Результаты и обсуждение».

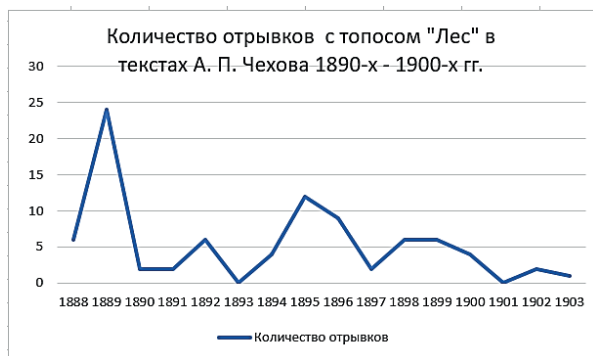
Отметим, что в деле автоматизации работы с художественными текстами мы разделяем тезис В. С. Баевского о том, что в любом литературоведческом исследовании можно продвинуться достаточно далеко с помощью математических методов [Баевский, 2001, с. 3]. Проведенная (преимущественно вручную) в рамках данного исследования и в целом работа по чеховским топосам и локусам открывает широкие перспективы для автоматизации механизма анализа с помощью Natural Language Processing. На момент подготовки данного исследования автор не обладает достаточными компетенциями в реализации такого проекта и открыт для сотрудничества. Обучение нейросети анализу пространственных данных в художественном тексте позволит глубже изучить процессы модернизации на рубеже XIX и XX вв., а также продолжение жизни чеховского мифа в литературе XX и XXI вв.

Результаты и обсуждение

Частотный анализ позволяет сделать два заключения. Во-первых, топос леса не является основным в творчестве Чехова 1890–1900-х гг. Об этом говорит и размер выборки — 88 фрагментов с топосом леса против 257 с топосом сада и распределение фрагментов по годам. На топос *сад* в ряде случаев приходилось до 58 фрагментов в год.

В то же время объем выборки не позволяет отнести лес к локусам. Для сравнения: выборка фрагментов с подземными локусами, включающая локус *яма, колодец, могила*, содержит 34 фрагмента. Это одна из наиболее объемных среди локусов выборок. Объем выборки с топосом леса в два раза больше, а сам лес не является компонентом более ши-

рокой пейзажной рамки, как, например, является частью топоса дома локус *кабинет*, а частью топоса сад — локус *скамья*.

Объем отрывков с топомом леса с распределением по годам

Топос леса в произведениях Чехова предстает в следующих модальностях:

- живой, жуткий лес с разным объемом персонализации от переживания на уровне ощущений, *«стало в лесу неуютно»* (Антон Чехов. Т. 8. С. 306), до воплощения ощущений в образах одушевленных деревьев или бесах;
- коммерческий лес, который от произведения к произведению может выступать или символом бесхозяйственности, вреда: *«Луга у него отравлены свиньями, в лесу по молодяку ходит мужицкий скот, а старых деревьев с каждой зимой становится всё меньше и меньше»* (Антон Чехов. Т. 8. С. 63), или символом аполлонической рациональности: *«позвольте мне продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева»* (Антон Чехов. Т. 12. С. 140);
- лес как место мора, наваждения: *«в походе его было что-то такое, едва заметное, что выдавало в нем существо уже отравленное, слабое, близкое к гибели. И точно в лесу вдруг запахло вином»* (Антон Чехов. Т. 9. С. 338).

Во всех трех модальностях топос леса организован сложно. Это не категорический отказ от библейской мифопоэтики, но соединение и переосмысление мифов о лесе из разных традиций. Пример находим в «Рассказе старшего садовника». Произведение содержательно соотносится с книгой «Остров Сахалин» и рассказом «Пари», где впервые писателем был поставлен вопрос о безнравственности смертной казни.

Развивая тему, писатель вновь обращается к библейской тематике и напрямую: *«веровать в бога нетрудно. В него веровали и инквизиторы, и Бирон, и Аракчеев. Нет, вы в человека уверуйте! Эта вера доступна только тем немногим, кто понимает и чувствует Христа»* (Антон Чехов. Т. 8. С. 343), и при организации пространства. Топос леса формально соотносится с лесом библейским, где таятся опасности — это «голодные бродяги». Но формат (главный герой вспоминает легенду, которую в детстве ему рассказывала мать) отсылает нас к сказочной мифопоэтике.

Герой легенды, доктор, пробирается к пациентам через горы и леса. Встреча с разбойниками в лесу завершается неожиданным и для сказочной, и для библейской мифопоэтики финалом: преступники узнают доктора и с уважением провожают его домой. Полный опасностей лес становится источником добра и поддержки.

Рассмотрим модальности топоса леса в произведениях Чехова 1890–1900-х гг. подробнее. Модальности живого леса и морока, наваждение довольно близки друг другу и часто в произведениях соединяются. Жизнь леса выражается разными средствами. Иногда в фантазиях героев появляется некто третий, кто нашептывает неприятные мысли. В рассказе «Скучная история» 1889 г. топос леса достаточно каноничный, библейский и населенный бесами. Герою бес нашептывает, что *«все эти сосны и ели, птицы и белые облака на небе через три или четыре месяца, когда я умру, не заметят моего отсутствия»* (Антон Чехов. Т. 7. С. 298). В рассказе «Жена» 1892 г. последний исчезает, и деревья сами тянут к герою свои ветви. Но эмоциональный фон героя меняется: вместо страха, который он должен испытывать в рамках библейского канона, герой переживает восторг: *«Я сошел с ума, кучер пьян... — думал я. — Хорошо!»* (Антон Чехов. Т. 7. С. 489).

В повести «Палата № 6» впервые появляется фольклорный мотив удержания посторонних, при этом он сплетается с религиозным канонам. Герой повести борется с навязчивыми мыслями, но они приходят в голову вновь и вновь: *«Это было похоже на то, как один пустынный хотел вырубить себе местечко в девственном лесу; чем усерднее он работал топором, тем гуще и сильнее разрастался лес»* (Антон Чехов. Т. 8. С. 79).

Модальность морока, наваждения, интенсивно проявляется в 1895 г. сразу в трех произведениях писателя: «Убийство», «Три года» и «На подводе». В рассказе «Убийство» топос леса балансируют на грани галлюцинации и реальности. В снежную бурю лес сурово и протяжно шумит, а Матвей встречает по дороге запряженные лошадей сани. Облепленные снегом, они быстро остаются позади и исчезают в темноте, *«как будто*

все это померещилось» (Антон Чехов. Т. 9. С. 136). Герой пугается и ускоряет шаг. Похожие, но уже не визуальные, а одорические галлюцинации испытывает в лесу героиня рассказа «На подводе». Рассматривая своего спутника Ханова, Марья Васильевна отмечает его слабость и болезненность и ощущает вдруг разливающийся в лесу запах вина. Лес будит в героине давно забытые и отброшенные мечты о семье, иной карьере и иной жизни. Но поскольку мечты эти давно отброшены, то и наваждение Марьи Васильевны блеклое и неприятное, усиливающее лишь впечатление о болезненности спутника.

В повести «Три года» топос леса представлен как пространство онирическое — героиня видит его на картинах художников. Эффект наваждения создается резким контрастом: судя по представленным на выставке в художественном училище работам Шишкина, герои рассматривают полотна художников-реалистов, само изображаемое пространство не содержит потенциала для наваждения. Однако, оставшись одна, без сопровождения мужа, Юлия Сергеевна вдруг вовлекается в сюжет одной из картин и словно погружается в него: ей кажется, что она идет по мосту, затем по тропинке *«и там, где была вечерняя заря; покоилось отражение чего-то неземного, вечного»* (Антон Чехов. Т. 9. С. 65).

Проследить усложнение топоса леса позволяет драматургическое наследие Чехова. Как можно увидеть на графике, значимыми с точки зрения разворачивания топоса леса в творчестве Чехова стали 1889 и 1896 гг. Это связано с завершением работы над пьесами «Леший» и «Дядя Ваня». В пьесе «Леший» находим три текстовых фрагмента, раскрывающих изучаемый нами топос, в «Дядя Ване» — двенадцать.

Необходимость в сопоставлении этих пьес продиктована и содержанием. Современники Чехова назвали «Дядю Ваню» испорченным «Лешим». В пьесу вошли некоторые персонажи и крупные фрагменты текста, однако называть ее второй версией «Лешего» или ее переделкой неверно. Пьесы различаются жанром: комедия и сцены из деревенской жизни соответственно. Изменилась система персонажей. В «Лешем» задействованы три семьи, в «Дядя Ване» — одна. Характеры персонажей претерпели изменения: Софья приобретает черты Юлии, Астров соединяет свойства Хрущова и Федора Орловского.

Смешение черт характера имеет важное значение и в раскрытии топосной структуры. В «Лешем» Хрущов близок к классическому резонру: он мало действует и говорит много правильных слов о варварском истреблении лесов и важности их сохранения. Отношение к лесу у него является традиционным для литературы XIX в. и библейской традиции. Свою роль он описывает так: *«душа моя наполняется гордостью от со-*

знания, что я помогаю богу создавать организм» (Антон Чехов. Т. 12. С. 141).

Образ Астрова в «Дяде Ване» продолжает хрущовское стремление к сохранению окружающей среды, но приобретает и новые черты, которые ранее, в значительно более гипертрофированном виде были свойственны Федору Ивановичу Орловскому: страстность, дионисийскую дикость, а также черты сказочного Лешего. Несмотря на то что слово «леший» вынесено в название в первой пьесе, назвать Хрущова Лешим трудно: ничего присущего мифологическому персонажу в нем нет. Иначе выстроен образ Астрова. По сюжету пьесы он увлекается супругой профессора Серебрякова, Еленой Андреевной, и дважды зовет ее покинуть дом и встретиться в лесничестве, которым он заправляет, помогая пожилому лесничему.

Под стать характеру Хрущова — Астрова меняются и места действия в пьесах. События первого действия в обоих случаях разворачиваются перед домом, меняется лишь имя: поскольку семья Желтухиных в «Дядя Ване» исчезает, события переносятся в поместье Серебряковых. Вторые действия разворачиваются в столовой Серебрякова и практически идентичны друг другу по тексту: больной профессор жалуется на боли, на помощь прибывает врач Хрущов — Астров, происходит первый этап разворачивания конфликтов и первые объяснения влюбленных и ссорящихся. Аналогично с третьими действиями: события происходят в гостиной в доме Серебряковых. Радикально меняется топос в действии четвертом. В «Лешем» события происходят на мельнице в лесу, в «Дядя Ване» по-прежнему в поместье, в комнате Ивана Петровича.

На первый взгляд смена локации говорит об уменьшении значения и роли топоса леса в чеховской драматургии. Однако необходим комментарий. Лес и мельница в четвертом действии «Лешего» выполняют пейзажную функцию и не нарушают классическое библейское прочтение леса как места хозяйственной деятельности и заготовки древесины. Бегство Елены Андреевны на мельницу также не связано с дионисическим порывом, что отмечает и Дядин: «*А вы-то зачем бежали? Ведь вашего счастья, ежели рассуждать по совести, нигде нету... Положено канареечке в клетке сидеть и на чужое счастье поглядывать, ну, и сиди весь век*» (Антон Чехов. Т. 12. С. 182).

Заданная в начале пьесы параллель Елена Андреевна — русалка, а Хрущов — Леший также не получает развития. Елена Андреевна, в отличие от сюжетного развития в «Дяде Ване», Лешим не увлекается, а на мельнице скрывается недолго и возвращается в лоно семьи. Поддерживает комедийный компонент цитата из Пушкина про бродящего

в лесу лешего и сидящую на ветвях русалку, которую произносит в конце Федор Иванович: Хрущов — Леший к тому времени уже уехал с мельницы на тушение пожара, а русалка — Елена Андреевна отбыла с мужем в имение Серебряковых. Пожар в лесу также производит мало впечатления на героев. Юля рассуждает о банке кизилового варенья, Федор Иванович описывает пожар как иллюминацию, Хрущов, при всей любви к лесам, размышляет о любви: *«пусть горят леса — я посею новые! Пусть меня не любят, я полюблю другую!»* (Антон Чехов. Т. 12. С. 197).

Топос леса раскрывается в «Лешем» как пространство онирическое. Интерпретация его соответствует классической традиции. Лесные герои ассоциируются с внутренним миром человека — темным, мрачным, полным секретов и жутких существ. *«Во мне сидит леший, я мелок, бездарен, слеп»*, — говорит Хрущов и упрекает в том же грехе Серебрякова (там же, с. 194).

В «Дяде Ване» с топосом леса происходит ряд изменений. Так, Чехов полностью убирает из пьесы образ лешего — герои не называют так Астрова, не описывают с помощью ассоциации с лешим свои внутренние переживания. В то же время сам герой становится менее рациональным, резонерствующим и аполлоническим, активно включается в действие: флиртует с Еленой Андреевной, отказывается в чувствах Соне.

Четвертое действие разворачивается в доме Серебряковых, однако образы мельницы и леса конкретизируются. Появляется новое определение — лесничество. Сама функция лесничества уточняется. Чехов сохраняет в «Дяде Ване» образ Вафли, но переселяет его: теперь он живет не на мельнице, а в доме Серебряковых. Лесничество же полностью становится вотчиной Астрова. Дважды герой предлагает встретиться там с Еленой Андреевной: во время сцены взаимных признаний и перед тем, как чета Серебряковых уезжает из имения.

Онирическое пространство леса, описывающее внутренние метания героев, их темные мысли, исчезает. Лишь единожды в пьесе упоминается бес, который сидит в каждом из нас. Мысли и переживания переведены Чеховым в действия: Астров стремится соблазнить Елену Андреевну, Войницкий пытается застрелить Серебрякова.

Образ Астрова как деятельной фигуры, способствующей изменению мира, усиливается. Показателен в этом отношении фрагмент монолога из первого действия. В «Лешем» Хрущов называет себя помощником бога: *«Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью от сознания, что я помогаю богу создавать организм»* (Антон Чехов. Т. 12. С. 141). Такая характеристика своей работы соответствует традиции классической лите-

ратуры и библейскому канону в прочтении топоса леса. Иначе передает эту мысль Чехов в «Дяде Ване»: *«Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью, и я... (Увидев работника, который принес на подносе рюмку водки.) Однако... (пьет) мне пора. Все это, вероятно, чудачество, в конце концов»* (Антон Чехов. Т. 13. С. 72). Ассоциация себя в качестве помощника бога исчезает, человек становится главным деятелем на планете, дионисийский концепт опьянения сопровождает это слияние с пространством.

Анализ произведений Чехова 1890–1900-х гг. демонстрирует, что автор при создании топоса леса обращается не только к библейской традиции, но и черпает вдохновение из мифопоэтики и изысканий Ницше. В «Палате № 6» ощущение захваченности нездоровыми мыслями передается через сочетание библейского и сказочного мотивов. В рассказе «Убийство» фольклорная дорога через лес и путь к инициации усилены библейской образностью охваченного бурей дубняка. В «Дяде Ване» Чехов обращается к ницшевским открытиям для усиления образа Астрова, наделяя его дионисийскими чертами.

Топосная структура леса, как и другие топосы писателя, организована сложно: классические и неклассические модусы не разделены в пространстве текста. Топосная структура строится сразу на соединении нескольких мифопоэтических сочетаний.

Топос леса не является основным для последнего творческого десятилетия писателя, имеет среднюю частотность в текстах, что ставит его в пограничное положение между топосами и локусами. Несмотря на не самый большой объем вхождений, топос все равно демонстрирует неклассические смещения, подтверждающие тезис о том, что процессы модернизации в русской литературе начались раньше 1910-х гг. и процессы эти наблюдаются как на базе крупных пространственных элементов, так и на элементах со средним объемом раскрытия.

Библиографический список

- Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М., 1974–1983.
- Анисимов. К. В. Сибирско-сахалинский тревелог А. П. Чехова // Чехов и время. Томск, 2011.
- Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. М., 2001.
- Басинский П. В. Горький. М., 2006.
- Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- Бердников Г. П. Чехов. М., 1974.

- Бибихин В. В. Лесной человек Ницше. URL: http://bibikhin.ru/lesnoy_chelovek_nitsche
- Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008.
- Гитович Н. И. Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 2000.
- Горячева М. О. Проблема пространства в художественном мире А. П. Чехова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
- Громов М. П. Книга о Чехове. М., 1993.
- Комаров С. А. А. Чехов — В. Маяковский: комедиограф в диалоге с русской культурой конца XIX — первой трети XX века. Тюмень, 2002.
- Коренева М. Ю. Д. С. Мережковский и немецкая культура (Ницше и Гете. Притяжение и отталкивание) // На рубеже XIX и XX веков. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1991.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1969.
- Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
- Малюгин А. А., Гитович И. Е. Чехов. М., 1983.
- Мережковский Д. С. О причинах упадка и новых течениях русской литературы. М., 2016. URL: <https://www.litres.ru/book/dmitriy-merezhkovski/o-prichinah-upadka-i-o-novyh-techeniyah-sovremennoy-r-175053/>
- Миц З. Г. Структура «художественного пространства» в лирике Ал. Блока // Поэтика Александра Блока. СПб., 1999.
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 4. М., 2007.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000.
- Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001.
- Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. М., 2022.
- Словарь библейских образов. СПб., 1998.
- Сухих И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова. СПб., 2007.
- Хайнади З. Архетипический топос // Литература. 2004. № 29.
- Червинскене Е. П. Единство художественного мира. А. П. Чехов. Вильнюс, 1976.
- Чудаков А. Поэтика Чехова. М., 1971.

References

- Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tomakh*. [The complete works of Chekhov in 30 volumes]. Moscow, 1974–1983.
- Anisimov K. V. *Sibirsko-sahalinskij travelog A. P. Chehova*. [The Siberian-Sakhalin travelogue by A. P. Chekhov]. In: *Chehov i vremja*. [Chekhov and time]. Tomsk, 2011.

Baevskiy V. S. *Lingvisticheskie, matematicheskie, semioticheskie i komp'yuternye modeli v istorii i teorii literatury*. [Linguistic, mathematical, semiotic and computer models in the history and theory of literature]. Moscow, 2001.

Basinskiy P. V. *Gor'kiy*. [Gor'kiy]. Moscow, 2006.

Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy poetike*. [Forms of Time and Chronotope in the novel: essays on historical poetics]. In: *Voprosy literatury i estetiki*. [Questions of literature and aesthetics]. Moscow, 1975.

Berdnikov G. P. *Chekhov*. [Chekhov]. Moscow, 1974.

Bibikhin V. V. *Lesnoy chelovek Nietzsche*. [Nietzsche's forest man]. Bibikhin.ru. URL: http://bibikhin.ru/lesnoy_chelovek_nitsche

Broytman S. N. *Poetika russkoy klassicheskoy i neklassicheskoy liriki*. [Poetics of Russian classical and non-classical lyrics]. Moscow, 2008.

Gitovich N. I. *Letopis' zhizni i tvorchestva A. P. Chekhova*. [Chronicle of the life and work of A. P. Chekhov]. Moscow, 2000.

Goryacheva M. O. *Problema prostranstva v khudozhestvennom mire A. P. Chekhova*. [The problem of space in the art world of A. P. Chekhov]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 1992.

Gromov M. P. *Kniga o Chekhove*. [The Book about Chekhov]. Moscow, 1993.

Komarov S. A. A. *Chekhov — V. Mayakovskiy: komediograf v dialoge s russkoy kul'turoy kontsa XIX — pervoytreti XX veka*. [Chekhov — V. Mayakovskiy: comedian in dialogue with Russian culture of the late XIX — first third of the XX century]. Tyumen, 2002.

Koreneva M. Yu. *D. S. Merezhkovskiy i nemetskaya kul'tura (NitssheiGete. Prityazhenie i ottalkivanie)*. [Merezhkovskiy and German Culture (Nietzsche and Goethe. Attraction and repulsion)]. In: *Na rubezhe XIX i XX vekov. Iz istorii mezhdunarodnykh svyazey russkoy literatury*. [At the turn of the XIX and XX centuries. From the history of international relations of Russian literature]. Leningrad, 1991.

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta*. [The structure of a literary text]. Moscow, 1969.

Lotman Yu. M. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'*. [In the school of the poetic word: Pushkin. Lermontov. Gogol']. Moscow, 1988.

Malyugin L. A., Gitovich I. E. *Chekhov*. [Chekhov]. Moscow, 1983.

Merezhkovskiy D. S. *O prichinakh upadka i novykh techeniyakh russkoy literatury*. [About the causes of decline and new trends in Russian literature]. Moscow, 2016. Litres.ru. URL: <https://www.litres.ru/book/dmitriy-merezhkovski/o-prichinakh-upadka-i-o-novyh-techeniyah-sovremennoy-r-175053/>

Mints Z. G. *Struktura "khudozhestvennogo prostranstva" v lirike Al. Bloka*. [The structure of the "art space" in the lyrics of Blok]. In: *Poetika Aleksandra Bloka*. [The Poetics of Alexander Blok]. St. Petersburg, 1999.

Nietzsche F. *Tak govoril Zarathustra*. [Thus spoke Zarathustra]. In: *Polnoe sobranie sochineniy v trinadtsati tomakh*. [The complete works]. Vol. 4. Moscow, 2007.

Propp V. Ya. *Istoricheskie kornivolshebnoy skazki*. [The historical roots of the fairy tale]. Moscow, 2000.

Razumova N. E. *Tvorchestvo A. P. Chekhova v aspekte prostranstva*. [Creativity of A. P. Chekhov in the aspect of space]. Tomsk, 2001.

Rayfield D. *Zhizn' Antona Chekhova*. [Anton Chekhov - A Life]. Moscow, 2022.
Slovar' bibleyskikh obrazov. [Dictionary of Biblical Images]. St. Petersburg, 1998.

Sukhikh I. N. *Problemy poetiki A. P. Chekhova*. [Problems of Chekhov's Poetics]. St. Petersburg, 2007.

Hajnady Z. *Arkhetipicheskiy topos*. [Archetypal topos]. In: *Literatura*. [Literature]. 2004. No. 29.

Chervinskene E. P. *Edinstvo khudozhestvennogo mira. A. P. Chekhov*. [Unity of the artistic world. A. P. Chekhov]. Vilnius, 1976.

Chudakov A. P. *Poetika Chekhova*. [Chekhov's Poetics]. Moscow, 1971.

ЖАНР ИСТОРИЧЕСКОГО ПРЕДАНИЯ В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ В. Г. КОРОЛЕНКО (НА МАТЕРИАЛЕ ОЧЕРКОВ «У КАЗАКОВ»)

С. С. Фолимонов

Ключевые слова: нарратив, В. Г. Короленко, этнопсихология, коммуникативное поведение, фольклоризм, казаки.

Keywords: narrative, V. G. Korolenko, ethnopsychology, communicative behavior, folklorism, cossacks.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–04

Обращение В. Г. Короленко к народной культуре как к источнику сведений о бытовой и духовной жизни, менталитете и этнопсихологии многонационального народа России носило целенаправленный и планомерный характер. Интерес к фольклорно-этнографическому наследию возник у писателя на почве увлечения идеями народничества еще на этапе подготовки к хождению в народ, а впоследствии, в ссылках и путешествиях по стране, постепенно превратился в неотъемлемую часть общественно-политической и творческой деятельности. Фольклорная составляющая стала основополагающим элементом поэтики короленковской прозы, повлияла на формирование идиостиля.

Несмотря на плодотворную работу короленковедов, направленную на выявление фольклорно-литературных взаимодействий в художественно-публицистическом наследии прозаика, остается немало аспектов, требующих филологического истолкования. По установившейся в короленковедении традиции творчество писателя рассматривается не столько в разрезе хронологическом, сколько в региональном. Такая структуризация продуктивна как с точки зрения литературного краеведения, так и с позиции изучения фольклоризма, поскольку каждый из региональных периодов позволил В. Г. Короленко ввести в культурный оборот уникальные фольклорные тексты. В противном случае многие из них были бы утрачены.

В свете этого особого внимания заслуживает «уральский период», связанный с поездкой В. Г. Короленко в 1900 г. в область Уральского казачьего войска. Ее целью стало завершение многолетней подготовительной работы к написанию исторического романа о Е. И. Пугачеве, получившего в черновых набросках название «Набеглый царь». Выработанная творческой практикой методика сбора и обработки «жизненного ма-

териала» подразумевала аккумуляцию информации из всех доступных источников, включая документы (выписки из Уральского войскового архива), сочинения авторитетных краеведов и любителей старины, казачий и общерусский фольклор, освещающий события Крестьянской войны 1773–1775 гг., устные рассказы уральцев о прошлом и настоящем Приуральского края. В том числе были записаны образцы устной казачьей поэзии и прозы. Часть из них фиксировалась непосредственно в процессе общения с носителями устной культурной традиции и потому имеет особую научную ценность. Отдельные произведения заимствованы из местной литературы, сохранившей угасшие на момент приезда В. Г. Короленко в Уральск темы, мотивы и сюжеты. Значительная часть из записанного вошла в цикл путевых очерков «У казаков», увидевший свет в 1901 г. в журнале «Русское богатство» [Фолимонов, 2005].

Как известно по дневниковым записям и письмам, В. Г. Короленко не планировал писать отчет о поездке на Урал. Своим появлением очерки обязаны в первую очередь той непростой творческой ситуации, что сложилась у автора на подступах к освоению большой исторической темы. Именно поэтому, отдаваясь свежим воспоминаниям об увиденном, писатель, тем не менее, решает в художественном пространстве очерков задачи, далеко выходящие за рамки банального описания путевых впечатлений. Одной из таких задач следует считать сопоставление исторических сведений и современного состояния социально-психологической жизни общины, позволявшее точнее реконструировать детали отдаленных во времени событий, механизмы регулярно повторяющихся исторических процессов. Будучи хранителями народной памяти, предания способствовали реализации авторских интенций, превращая очерковый цикл в своего рода пролог к роману.

Методологические основы анализа устной несказочной прозы заложены в работах классиков отечественной фольклористики [Азбелев, 1965; Соколова, 1968; Лазарев, 1970; Кругляшова, 1974; Морохин, 1977]. Однако определение жанра исторического предания до сих пор носит дискуссионный характер и в частных исследованиях нередко используется в форме рефлексива, поэтому представляется необходимым перечислить основные отличительные черты, позволяющие квалифицировать отобранные для анализа текстовые фрагменты в качестве произведений данной жанровой категории. К ним следует отнести повествовательную форму, наличие сюжета (или его элементов), свободную трактовку исторических событий с сохранением ключевых реалий, присутствие устойчивых мотивов, корреляцию ментально-психологических особенностей местной культуры и позиции рассказчика.

Рассмотрим фабульную основу и сюжетно-композиционные функции фольклорных претекстов, использованных В. Г. Короленко в уральских очерках.

Исторические предания в повествовательной структуре цикла «У казаков» представлены с разной степенью фабульной детализации: от значительных по объему отрывков (цитат) до эскизно намеченных мотивов и отдельных символических деталей. Их основная функция — служить строительным материалом для наррации, обеспечивая содержательность и познавательность текста, что имеет особое значение для литературы нон-фикшн. Пластичная жанровая форма путевого очерка позволяет автору не заботиться в строгом смысле слова о конструкции сюжета. Как правило, он складывается спонтанно, под влиянием полученных впечатлений, и задача очеркиста заключается в том, чтобы выявить в информационном разнообразии ключевые элементы, способные стать источниками социальных или нравственных коллизий, ярких образов, катализаторами самого повествовательного движения.

Открыв для себя уникальное фольклорное наследие уральских казаков, почти неизвестное образованной российской публике того времени, В. Г. Короленко стремился с максимальной полнотой представить в очерках наиболее заметные образцы их устного творчества, вписав таким образом народную культуру Приуралья в общенациональный культурный континуум империи¹. Однако использование значительного объема претекстов создавало опасность фрагментации единой повествовательной ткани, поэтому писатель объединяет предания в тематические группы, сохраняя установку на циклизацию, заложенную в самой устной исторической прозе [Левинтон, 1988, с. 333].

Тематика исторических преданий, создававшихся на Урале, была тесным образом связана с отстаиванием общиной ее исконных прав, основанных на принципах свободы и относительной автономности от метрополии. На практике это выражалось в периодических вспышках борьбы с административным давлением официального Петербурга, пытавшегося превратить казачью вольницу в часть общероссийского регулярного войска (общинники называли навязываемый уклад «ненавистным регулированием»). С позиций государственной целесообразности стремление

¹ В. Г. Короленко на протяжении всей творческой жизни занимался собиранием устного народного творчества и профессионально разбирался в эстетической и научной ценности обнаруженного материала. О трепетном отношении к образцам подлинной народной поэзии свидетельствует одно из писем литератора к жене, отправленное из Уральска, где он рассуждает о предпочтительном формате публикации собранных сведений, обеспечивающем доступ к ним широкого круга читателей (Владимир Короленко. Собрание сочинений. Т. 10. 1956. С. 314).

самодержавной власти упразднить казачьи вольности имело под собой достаточно веские основания. Но принципы так называемого «казачьего права», базирующиеся на идее «избранности», мифологизировавшейся в сознании общинников, ставили отстаивание этих самых прав в один ряд с проблемой национальной и культурной идентичности [Фолимонов, 2014, с. 50]. Отсюда проистекает социально-политическая напряженность общественной жизни уральцев и, как следствие, ее эстетизация средствами устного народного творчества. В результате складывается устойчивая закономерность: всплеск творческой активности коррелирует с периодами активизации народного движения.

Особо выделяется линия поведения казаков в отстаивании свободы и равноправия, добытых многими поколениями их предков в кровопролитной борьбе. Она высвечивает своеобразную черту казачьей психологии, которую В. Г. Короленко очень образно и точно называет «степным верноподданством». В четвертом очерке он формулирует смысловое содержание этого этнопсихологического феномена: *«Оно решительно отделяет царя от реальной власти, идеализирует его, но вместе превращает в отвлеченность. И затем противится реальной власти во имя этой мифической силы ...»* (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 164).

Идеализация фигуры царя и соотнесение ее с персонажами социально-утопических легенд, где сакральная ипостась наместника Отца Небесного на земле выступала гарантом обретения в мире дольнем духовной и социальной гармонии, создавали фантастическую картину мира, не соответствующую реальному положению вещей. Возникший вследствие всего этого когнитивный диссонанс оказался главной пружиной стратегии свободолюбивого Уральского войска: демонстративное неповиновение законным распоряжениям властей чередовалось с показным выражением гражданской покорности. Политика «степного верноподданства» ощущалась казачеством как безальтернативный способ сохранения культурной идентичности в условиях господствующего авторитаризма. Между тем на практике выбранная стратегия не только не предотвращала прямых столкновений с властью, приводивших к роковым последствиям, но и провоцировала (зачастую искусственно) конфликтные положения.

Поскольку исторические предания сконцентрированы лишь на самых драматичных моментах противостояния, продолжительная история казачьих бунтов требовала определенной художественной реконструкции, в связи с чем автор обращается к архивным документам и свидетельствам очевидцев, дополняя ими фольклоризировавшуюся информа-

цию². Такой подход к работе с фольклорными текстами давал возможность обнаружить сюжетно-композиционный потенциал темы, уловить перспективы ее развития в очерковом цикле и будущем романе. Кроме того, преодоление фабульной фрагментарности (естественной для устной прозы) обеспечивало цельность картины сложного исторического процесса и оказывало влияние на качество читательского восприятия.

Символическим центром группы рассказов, освещающих бунтарские выступления уральцев, В. Г. Короленко посчитал предание «Кочкин пир» и включил его в четвертый очерк. Такое композиционное решение не случайно. Оно является результатом многочисленных наблюдений, сделанных во время общения с казаками-информантами. Статус претекста-доминанты отражается уже в построении заголовка, где обозначены ключевые эпизоды повествования. «Кочкин пир» выступает кульминационным центром, знаком борьбы за общинные права и стойкости казачьей натуры. Все остальные предания, упоминаемые в четвертой главе, лишь демонстрируют угасание былого героического духа.

Источником популярного среди уральцев произведения, название которого символизировалось и вошло в казачий пословичный фонд, стали рукописи уральского патриота, историка и писателя И. И. Железнова, обнаруженные В. Г. Короленко в войсковом архиве. Очевидно, что находка заинтересовала очеркиста. Об этом свидетельствуют записные книжки, где сохранились подробные выписки. Сравнительный анализ конспектов, черновых набросков и окончательного варианта «У казаков» дает возможность проследить движение творческой мысли автора, понять принципы поиска того или иного стилистического решения.

Основная проблема, стоявшая перед прозаиком, — определение целесообразного с художественной точки зрения объема заимствований и характера трансформаций инотекстов. Литературная практика выработала два эффективных приема решения такой задачи: лаконизация претекстов и близкий к первоисточнику пересказ или дословное цитирование.

Строгий лаконизм помогает наглядно передавать степень символизации устного произведения в фольклорном сознании и открывает возможности для наблюдений над особенностями менталитета и чертами национальной психологии. Вместе с тем он приводит к утрате значительной доли

² Следует заметить также, что и с самими преданиями очеркисту часто приходилось знакомиться не в их живом бытовании, а по вторичным источникам, где аутентичное произведение народной фантазии было подвергнуто литературной обработке. В целом это не снижало ценности находок, поскольку местными собирателями сохранялись центральные мотивы, образы главных героев и, главное, — *дух народности* [Коротин, 1999б, с. 16]. А акценты и авторское отношение к содержанию нивелировались В. Г. Короленко путем тщательного анализа всех доступных источников.

местного колорита. Например, в черновом варианте «У казаков» мы найдем меткую казацкую афористику, передающую ритмику и мелодику народной речи: «Понимаем, понимаем, батюшка, — говорили втихомолку несогласные, — что на устах-то у тебя медок, да в душе-то ледок!.. Видим, видим, батюшка, твой лисий хвост, да не скрылся от нас и волчий твой зуб!..» (Архив Короленко. С. 5). В окончательный текст пословицы не вошли.

Короленковед Н. М. Щербанов пытался объяснить авторскую редактуру стремлением **адаптировать текст для массового читателя** [Щербанов, 1976, с. 52–53]. Безусловно, опасения перенасытить повествование этнографическими реалиями могли иметь место, ведь излишний этнографизм воспринимался в литературной среде как стилистический недостаток, снижающий эстетическую ценность произведения. Однако богатое очерковое наследие В. Г. Короленко содержит немало фактов включения подобного рода аутентичного материала (в том числе якутского, украинского, еврейского), не подвергавшегося олитературиванию. Думается, логичнее предположить, что писатель руководствовался комплексом творческих задач жанрово-композиционного и изобразительно-выразительного плана. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, отказаться от излишней детализации заимствований потребовала сюжетно-композиционная схема путевого цикла о Приуралье, рассматривавшаяся в качестве творческой лаборатории будущего исторического романа: развернутый пересказ или цитирование затрудняли реализацию замысла. Отсюда существенная переработка исторических преданий с сохранением лишь фабульного ядра. Во-вторых, выбор в пользу сжатого варианта объясняется необходимостью встроить фольклорный претекст в эпизоды реальных путевых встреч с целью моделирования среды естественного обращения устного творчества. К тому же отказ от некоторых деталей делал заимствованный элемент более пластичным в плане продуцирования контекстуальных смысловых связей.

Воспоминания о перипетиях «Кочкиного пира» всплывают в разговоре В. Г. Короленко с жителями Трекиных хуторов. Функции рассказчика и слушателей в диалоге выстроены таким образом, что автор-повествователь проецирует рассказываемую им историю (на то, что она излагается автором, указывает специальная ремарка, обозначающая границы фольклорного претекста) крупной вспышки народного гнева на своих коммуникантов — потенциальных участников подобных событий. При этом возникает иллюзия перераспределения коммуникативных ролей: предание начинает излагаться как бы от лица станичников. Эффект подкрепляется внешними атрибутами общения, типичными для интеракций такого рода: очеркист описывает основные этапы разговора, пси-

психологические сложности установления контакта с носителями народной культуры, спонтанность зарождения и развития основной темы, возникшей в беседе из-за ошибки старого казака, в слабеющей памяти которого смешались черты Емельяна Пугачева и князя Волконского.

В. Г. Короленко намеренно сфокусировал внимание на последнем обстоятельстве. Метод соотнесения отдаленных во времени и современных событий активно применялся им на этапе подготовки к написанию романа «Набеглый царь». Сопоставительный анализ продемонстрировал читателю предсказуемость казачьего мышления в том, что касалось исходных для уральцев мифологем, в частности, мифологемы о царе-избавителе: допустив фактическую ошибку, станичник тем не менее верно уловил подоплеку рассказанного.

Несмотря на то что предание «Кочкин пир» представлено тезисно, в нем отчетливо выделяются основные сюжетные компоненты:

- экспозиция (предыстория акта неповиновения, основанная на исторических фактах: попытка введения на Урале «чередовой» службы, волнения в войске, отказ направить полк в Грузию);
- завязка (первый приезд оренбургского губернатора князя Волконского с тайной миссией);
- развитие действия (второй приезд с солдатами и башкирами);
- кульминация (стояние на морозе «за башней»);
- развязка (массовое избиение казаков под предводительством майора Кочкина).

Главный герой «Кочкиного пира» — князь Волконский. Его образ проработан писателем в мельчайших психологических деталях. Будучи человеком государственным, губернатор понимал, что действовать в сложившейся ситуации прямолинейно нельзя. Поэтому он на первом этапе «операции» пытается играть роль демократичного политика, искренне интересующегося положением простого народа. Исползованная чиновником маска призвана была до определенной степени имитировать священную для казаков мифологему царя-избавителя (в том числе поэтому в народной памяти много лет спустя произошла подмена образа Пугачева на Волконского). В архиве В. Г. Короленко сохранились черновые наброски этого фрагмента. Они содержат избыточную подробностями и психологическими нюансами характеристику поведения князя. Кроме того, в черновом конспекте писателю удалось выразительно передать чувства казаков к вероломному гостю: *«Приезжает из Оренбурга князь Волконский, чтобы разузнать все на месте, вглядывается во все. Принимает на себя замашки суворовские, притворяется простачком, ходит по домам, заводит беседы с казаками, с бабами толкует об их жи-*

тье-бытье, как юродивый, собирает вокруг себя толпы ребятишек, оделяет их пряниками, орехами, медными деньгами, выходит с ними за город в поле, потешается с ними, выливает из нор сусликов, гоняется за земляными тушканчиками, — словом, „накладывает на себя”, по выражению казаков, блажь...» (Архив В. Г. Короленко. С. 4). В окончательном варианте характеристика сократилась более чем в два раза: *«Сначала он <Волконский> „принял на себя суворовские замашки”, притворился простачком, ходил по домам и толковал с бабами об их житье-бытье, а с ребятами выходил потешиться в поле, выливать земляных тушканчиков...»* (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 162).

Отказ от деталей, рисующих яркую и динамичную картину губернаторского визита и стилистически достоверно передающих специфику устного повествования, рассчитанного на непосредственное восприятие аудитории, позволил сосредоточиться на главном — стратегии Волконского и ее оценке. Лаконизм изложения стилистически мотивировал введение емких афористичных формул, соединяющих взгляды автора и простого народа и в то же время обладающих высокой степенью художественной точности. Две из них («суворовские замашки» и «генеральская блажь») выполняют функцию семантического центра завязки. Эффект «двухголосия» превращает короткие словосочетания в многогранные запоминающиеся образы, одновременно литературные (подчеркнутая логичность и реминисцентность) и фольклорные (сохранение оттенка ироничной настороженности как проявление казачьей психологии).

Поскольку этнопсихологическая сторона социального и коммуникативного поведения казаков интересовала В. Г. Короленко в первую очередь, в его интерпретациях большую роль играют экстралингвистические средства, высвечивающие скрытые мотивы поступков и интенции участников интеракции. Наиболее зримо они проявляются в диалогах уральцев с князем. Главным маркером иносказательности в них служит лицемерно-ироничный тон. Именно он открывает путь к подтексту: между собеседниками нет искренности, в каждой реплике чувствуется недоверие, настороженность и даже враждебность. Демонстрируемое общинниками показное смирение (на него указывает интонационная палитра, замкнутая в рамках микрожанров просьбы, ласкового увещевания) лишь маскирует истинные намерения бунтовщиков. Их цель — обмануть противника, олицетворяющего собой государственную власть, хотя бы на время усыпить его бдительность.

Экстралингвистическая составляющая межличностного общения объясняет специфичность группового коммуникативного поведения в пограничных ситуациях, когда до открытого конфликта с оружием

в руках остается один шаг. Моделирование описанных условий было важно для В.Г. Короленко. Оно приближало к пониманию феномена «русского бунта» (на этом строилась концепция исторического романа «Набеглый царь»). Столкновение двух начал — законопослушности и свободолюбия — порождало так называемое «пассивное упорство», не дающее выхода стихийным силам и, как результат, аккумулирующее негативную энергию внутри народных масс. Модель поведения, показанная писателем, позволяет представить социально-психологическую атмосферу предпугачевских времен и предположить, в какой момент грань между пассивным упорством и русским бунтом, бессмысленным и беспощадным, может быть пройдена.

Мотив борьбы за права казачьей вольницы продолжает развиваться в предании «Об уходцах». Основой для него послужил очередной акт гражданского неповиновения, спровоцированный армейской реформой 1874 г.³ Сюжетное ядро передано очеркистом в форме короткой исторической справки, в которой расставлены смысловые акценты, детерминирующие его дальнейшее развертывание: «... генерал Крыжановский, — пишет В.Г. Короленко, — перед какой-то новой частичной реформой, вздумал вперед заручиться покорностью казаков и потребовал, чтобы казаки дали подписку: мы — дескать, такие-то, обязуемся повиноваться верховной власти. Ничего больше. Но эта нелепая беспредметная подписка взбудоражила все войско. К чему? Что значит? На какой предмет?.. Сразу встала старая подозрительность и пассивная крамола...» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 164).

Наиболее полную реконструкцию картины произошедшего, подтвержденную архивными данными и воспоминаниями очевидцев, удалось осуществить уральскому краеведу А. Б. Карпову. Стереотипность ситуаций и поведенческих реакций он объясняет негативным историческим опытом общинников: «Они знали, помнили только одно, что каждая реформа, что каждый новый „штат“ отнимал у них их старину, их самоуправление, накладывал на них все новые и новые обязанности» [Карпов, 1992, с. 78].

Взаимосвязь отдаленных друг от друга событий хорошо осознавалась не только исследователями истории Приуралья, но и самими уральцами, поэтому мотив борьбы с «регулярством» как приоритетная тема любой

³ Окончательное смысловое значение лексемы «уходцы» на Урале установилось не сразу. Изначально под «уходцами» понимали казачьих ходоков-правдоискателей, обращавшихся от имени войска с письменными жалобами к царю. Однако события 1874 г. трансформировали исходный смысл, придав слову статус символа, вербализующего один из архетипов казачьей картины мира.

беседы актуализировал воспроизведение в одном контексте одновременно того и другого произведения в строгой хронологической последовательности. На это указывает и многозначительная ремарка В. Г. Короленко: «Упоминание о Кочкином пире дало направление разговору» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 164).

Принцип переработки претекста «Об уходцах» отличается от предыдущего предания. Автор позволяет себе более подробное, развернутое изложение сюжета, не скупится на комментарии и детализацию. Изменение тактических установок формирования сюжетно-стилевой структуры в рамках одного эпизода объясняется разным статусом и, как следствие, композиционным функционалом задействованных преданий. «Кочкин пир» в качестве символа, первообраза выступает несущей конструкцией и катализатором смыслов по отношению к позднейшим текстам. Приходящая ему символичность во многом строится на временной дистанции, отделяющей рассказчиков от предмета речи. Предание же «Об уходцах» имеет закономерную тенденцию к расширению и обогащению мотивной структуры, так как его исполнители — реальные участники или свидетели акта неповиновения.

Наиболее развернута в фабульном отношении развязка предания «Об уходцах», повествующая не только о трагедии общины в целом, но и о личных драмах отдельных ее персонажей. Такая персонификация становится возможной и актуальной именно благодаря свидетельствам очевидцев, у каждого из которых собственный взгляд на произошедшее и, соответственно, свой эпизод в большой исторической драме. Стремясь передать полифонию свидетельских суждений, В. Г. Короленко предоставляет слово трем очевидцам, представляющим старое и молодое поколение и стоящим на разных ступенях социальной лестницы, отмечая при этом единодушие в оценке действий *сурьезного войска* у всех информантов.

Единство в оценке главного собирательного героя находит объяснение в механизмах формирования общественного мнения. Многочисленные мемораты об уходцах, имевшие хождение в казачьей среде, чаще всего подчиняются идеям, распространенным слухами и толками. Большое внимание им уделяет историк А. Б. Карпов. На основе собранных сведений он выделяет три основных мотива, истолковывающих очередную попытку введения «регулярщины»: отчуждение Урала (основного источника добычи биоресурсов и главного ценностного ориентира казаков), колонизация общинных земель за счет переселения крестьян из центральной части России, искоренение в Приуралье старообрядчества [Карпов, 1992, с. 78–79].

Как видим, все три мотива тесно связаны с опасностью утраты сакральной идеи вольности, с восприятием Приуралья в качестве «земли обетованной». Логика слухов и толков выстраивалась с опорой на известную дихотомию, разделявшую власть на царя и чиновников. Фигура монарха, являющегося в глазах казаков гарантом справедливого мироустройства, не подвергалась критике, поэтому, согласно доктрине «степного верноподданства», реформа могла быть только результатом заговора влиятельных лиц из царского окружения.

Потребность в авторитетных доказательствах побудила молву обратиться к старинной легенде, рассказывающей о получении казаками от царя Михаила Федоровича «владенной грамоты», которая легитимизировала их права на владение Яиком и прияикскими территориями, а также на автономность внутриобщинной жизни, предполагающую самостоятельное решение вопросов организации военной службы. Для усиления воздействия легенды на уральцев один из борцов за верность старинным идеалам Федор Стягов распространил «копии», якобы снятые им с хранящегося в Уральском войсковом архиве оригинала [Карпов, 1992, с. 79].

В развязке предания «Об уходцах» доминирует религиозный мотив, затрагивающий коренной вопрос духовной жизни старообрядческого Урала. Подтверждение находим в представленных здесь фабулатах, интерпретирующих поступки уходцев как мученичество, принимаемое за приверженность истинной вере.

Распространенность мотива «мученичества» неоднократно фиксировалась фольклористами, историками и краеведами в аутентичных текстах уральской устной поэзии и прозы. Например, В. Н. Витевский записал священные стихи, имевшие хождение среди уходцев первой волны: *«За наши земные сласти / Послал нам Господь злые власти; / Стали делать перемену, / Веры Христовой измену; / Лишимся, братие, земных сластей, / Станем против злых властей!.. / За веру Христову пострада- ти, / А своим детям путь показать»* (Владимир Витевский. 1878. С. 207).

Нельзя не заметить, что социальная проблематика в них полностью переведена в плоскость надмирную, а гражданский подвиг во имя общины подменяется подвигом духовным. Таким образом, доктрина «степного верноподданства» трансформируется в идею подвижничества во имя Христа, которого, как известно, каждый из уральцев обретал по-своему, в обход учения канонической церкви. Противостояние гражданской власти (изначальный мотив преданий, характеризующийся конкретикой и фактологичностью) заменяется поединком с мировым злом и превращается в отвлеченность.

Сложившуюся тенденцию заметил и писатель В. В. Крестовский. В 1890-х гг. он встречался с уходцами в форте Джулек (место их ссылки) и пытался облегчить их положение, но казаки, считавшие своим долгом пройти мученический путь до конца, принципиально отказались от покровительства. При этом они, по свидетельству литератора, не утратили на чужбине культурную самобытность и бытовой уклад. «Присущие казачеству консерватизм, неприятие нового, обостренное чувство товарищества, сплоченность...» позволили изгнанникам остаться верными сынами Яика Горыновича (Всеволод Крестовский. 1884)⁴.

В. Г. Короленко на страницах очерков также неоднократно возвращается к мысли, что любые проявления интеллектуальной или духовной деятельности казака так или иначе соотносятся с изначально заложенными принципами общинной формы существования, и ориентир этот никогда не меняется, направлен ли поиск на способы преодоления социальных противоречий (например, многочисленные попытки найти таинственное Беловодье) или на обретение тайной формулы благочестия, зашифрованной в библейской метафорике (среди казаков были очень популярны схоластические диспуты, пользовались большим уважением так называемые «начетчики»). Неуспокоенность казаков, их желание доискаться до истины — суть проявление духовных запросов простого народа, не причастного книжной культуре и привыкшего получать знания о мироустройстве самостоятельно.

В авторской интерпретации развязки предания «Об уходцах» слияние мотивов древнего благочестия и общинной солидарности показаны в образе девяностолетнего старика, решившего отправиться на чужбину вместе с изгнанниками. В его поведении преобладают типичные черты, характерные для героев легенд и житийной литературы: склонность к религиозному экстазу («*Во всю дорогу заливался, плакал!*...»), преодоление физической немощи силой веры («*Оделся, посошок взял в руки и пошел себе за уходцами*»), восприятие мира через призму христианских идеалов, детская открытость и доверчивость («... *взял его брат на руки, как ребенка малого, посадил в телегу, айда назад*»). Общинный праведник у В. Г. Короленко олицетворяет прошлое уральского войска, выработавшего особый социально-психологический тип личности, ощущающей себя неотъемлемой частью локального казачьего мира и готовой разделить с ним любую судьбу: «*куда старое войско, туда ... и я ... Помру, говорит, со старым войском ...*» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 165).

⁴ Более детальный культурологический и фольклористический анализ духовной жизни уходцев в изгнании содержится в статье Е. И. Коротина [Коротин, 1981, с. 56–60].

Трагедия казачьего войска, выступившего против Положения 1874 г., глубоко запечатлелась в народной памяти. В фольклорном архиве Западно-Казахстанского государственного университета хранятся записи экспедиций 1960–1970-х гг., зафиксировавшие развитие в поэтическом сознании уральских казаков тему народных восстаний. Среди них имеются фабулаты, затрагивающие уходчество. Увеличение временной дистанции ослабило фабульный потенциал события, зато (как и в случае с «Кочкиным пиром») увеличило степень символизации. Отсюда интерес к теме со стороны песенных жанров.

Судя по архивным данным, наибольшее распространение получили песни «Как во 75-й год в заточенье был народ» и «Ой, вы любезные мои друзья-товарищи». В них вновь на первый план выдвигается идея войскового единства, а религиозный аспект страдания нивелируется. Хотя лирический сюжет и эмоциональный тон в песнях разные, их объединяет ключевая фраза, открыто выражающая протестное настроение: *«не желам мы подписаться»* [Коротин, 1999а, с. 191].

Интересно появление в первой из них образа генерала Бизянова, фигурирующего в рассказах и преданиях и выведенного В. Г. Короленко в четвертом очерке. В лирической ипостаси известного исторического лица явно прослеживается растерянность и неуверенность в себе. Генерал заискивает перед казаками, умоляет их пойти на компромисс, и в глазах «сурьезного войска» выглядит жалко: *«Наш Бизянов атаман / По станицам пробегал, / Нас братьями называл: / — Старички мои, уральцы, / Однокровица я ваш, — / Подпишите вы приказ!..»* [Коротин, 1999а, с. 191].

Совсем иным мы видим его в диалоге устного рассказа, вошедшего в очерковый цикл. В нем Бизянов ведет себя как настоящий командир, убежденный в незыблемости своих прав и военной дисциплины. Он требует у вызванного им для беседы казака Пахомова пресловутую подписку и даже не пытается расположить к себе подчиненного дружеской интонацией.

Вторая песня, утратившая исторические реалии, актуализировала мотив слез. Однако религиозно-экстатическая символика в нем отсутствует. Лирический герой плачет о потерянной воле и невозвратимом героическом прошлом Урала. Более того, в финале звучит нота безысходной печали и возникает образ смерти: *«А мы не желаем, братцы, только подписаться, / А мы ведь желаем, братцы, только закопаться!»* [Коротин, 1999а, с. 191]. В итоге отказ от подписки уже не выглядит вызовом власти. Он не более чем эхо былого богатства.

Этнопсихологические трансформации, отразившиеся в казачьем фольклоре, натолкнули В. Г. Короленко на мысль выделить эту проблему

в качестве сквозной сюжетной линии. С композиционной точки зрения прием очень удачный. Он, с одной стороны, концептуализировал размышления очеркиста о судьбе общины как таковой перед лицом надвигающейся цивилизации. С другой — насыщал повествование ярким, увлекательным материалом. Уловив цикличность в ряде записанных во время поездок по Приуралью нарративов, писатель поместил их во второй очерк, в котором реализуется микротема «господа наказные атаманы и обычай». Переключки новых фабулатов с рассмотренными историческими преданиями не оставляют сомнений в их генетической связи, но произведения, появившиеся на рубеже XIX–XX вв., уже не обладали прежним гражданским пафосом, они «изображают действительность в обыденных формах» [Зуева, 2001, с. 794], в них все отчетливее прослеживаются жанровые черты анекдота с элементами иронии и сатиры.

Несмотря на то что рассказчики проецируют образы чиновников нового времени на легендарные фигуры Волконского / Перовского, представляются они персонажами комичными. Наказной атаман, как правило, глупый солдафон, отличающийся гипертрофированной жаждой власти над подчиненными, высокомерием, демонстративным презрением к казачьим обычаям.

В первых двух нарративах (о замене плетней заборами и неудачном уходе за станичной девушкой-подростком) прототипом главного героя служит реальное историческое лицо — князь Г. С. Голицын, совмещавший одно время должности военного губернатора и наказного атамана. По соображениям писательской этики В. Г. Короленко сохраняет в очерках анонимность персонажа. Но невозможность пренебречь цензурными требованиями в данном случае дала возможность автору выйти за рамки отдельного факта, типизировать явление, заявить о негативном влиянии цивилизационного фактора на самобытность народной культуры.

О князе Г. С. Голицыне в записных книжках собраны довольно подробные сведения и даже сделаны эскизные наброски отдельных сцен с его участием, определен тип поведения атамана, выраженный глаголом «популярничал» (Владимир Короленко. Записные книжки (1880–1900). 1935. С. 395–396). В записях, посвященных художественной интерпретации устных рассказов, имеется также фрагмент современной народной песни, образно выражающей метаморфозу казачьего характера: «*От Гурьева и до Бакайки / Каз<ак> наш новый проскакал / И роль бесстр<унной> балал<айки> / Отлично всюду разыграл*» (там же, с. 396). По всей видимости, очеркист планировал использовать четверостишие во втором очерке.

Кульминацией в разработке темы «наказные атаманы и обычай» становится фабулат об атамане, грубо нарушившем традиции багренья, свя-

щенные для казаков. Несмотря на то что он основывается на современном событии, фольклорное сознание казаков улавливает в нем «характерную картину, напомнившую старые яицкие времена» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 149).

Багренье — это одна из форм общественной жизни уральцев, актуализировавшая весь комплекс общинных прав и свобод. Организация рыбной ловли на заповедной реке превратилась в ритуал. Каждое действие обросло традициями, роль участников ловли строго регламентировалась. При этом на багренье царил дух демократизма, и социальная дифференциация на время утрачивала свою силу. Решение вопросов общинного рыболовства производилось исключительно на принципах парламентаризма, и зачастую формальная сторона дела оказывалась гораздо важнее того, что происходило на практике.

Конфликтная ситуация в нарративе о багренье тоже возникает по формальному поводу, но глубинные механизмы поведенческой реакции уральцев коренятся все в том же проявлении «степного верно-подданства». Катализатором социально-психологического напряжения становится авторитарный стиль общения наказного атамана, не пользовавшегося уважением в войске. Казаки воспринимают его как проявление «регулярщины».

Сатирическая направленность устного рассказа определяет расстановку действующих лиц. Она представляет собой типичную для подобных жанров бинарную оппозицию, укладывающуюся в схему «свой — чужой», «свобода — регулярщина», «самобытность — унификация» и др. Поскольку столкновение происходит не на межличностном, а на онтологическом уровне, персонажи изображаются типажированно, однолинейно. «Сурьезное войско» (образ собирательной личности) олицетворяет угнетенный народ, чьи законные права грубо попираются представителями официальной власти, чиновничество (атаман и саратовский губернатор) — беззаконие и волюнтаризм. Композиция произведения построена на резком контрасте: драматическое (с эпическими нотками) изображение происходящего охватывает большую часть повествования до кульминационной сцены окружения начальства разгневанными общинниками, а развязка — подчеркнута комична. Посрамление отрицательных персонажей в финале указывает на связь нарратива с традициями социально-бытовых и сатирических сказок. Об этом же, в частности, свидетельствуют преувеличенно комичные (фарсовые) положения, в которые попадают отрицательные герои: «Гость-то ... Саратовский... Кинулся поскорее к саням, пал кверху тормашками и кричит кучеру: — Гони в город. Нахлестывай!.. Ну их, дескать... Спасибо на угощении» и «Ата-

ман испужался, снял папаху, давай кланяться войску. — „Простите, господа войско. Я по новости ваших обычаев еще не узнал”» (Владимир Короленко. Полное собрание сочинений. Т. 6. 1914. С. 150–151).

Подведем итоги. Исторические предания и близкие к ним по жанровым признакам формы устной народной прозы выполняют в очерковом цикле «У казаков» важные сюжетно-композиционные функции. Они обеспечивают единство повествования, поддерживают развитие ключевых сюжетных линий, способствуют формированию пространственно-временного континуума. Кроме того, устные нарративы, введенные в художественную иную среду, стали частью общерусского интертекста, расширили представления читающей публики о локальных феноменах национальной культуры. Наконец, художественное осмысление уральского фольклорного материала позволило В. Г. Короленко приблизиться к созданию концепции исторического романа о Е. И. Пугачеве.

Библиографический список

Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров) // Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965.

Зуева Т. В. Предание // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.

Карпов А. Б. Памятник казачьей старины. Краткие очерки из истории казачьего войска. Уральск, 1992.

Коротин Е. И. Уральские казаки в Средней Азии // Вестник Кара-Калпакского филиала АН Узб. ССР. Нукус. 1981. № 3.

Коротин Е. И., Коротин О. Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков : в 2-х ч. Ч. 1. Самара ; Уральск, 1999а.

Коротин Е. И., Коротин О. Е. Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков : в 2-х ч. Ч. 2. Самара ; Уральск, 1999б

Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.

Лазарев А. И. Предания уральских рабочих как художественное явление. Свердловск, 1970.

Левинтон Г. А. Предания и мифы // Мифы народов мира : в 2 т. Т. 2. М., 1988.

Морохин В. Н. Прозаические жанры русского фольклора. М., 1977.

Соколова В. К. О некоторых типах исторических преданий (к проблеме жанрового своеобразия) // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968.

Фолимонов С. С. За тенью «набеглого царя». Из истории создания неоконченного романа В. Г. Короленко // Волга — XXI век. 2005. № 7–8.

Фолимонов С. С. «Особенный человеческий тип». (Русский национальный характер в осмыслении В. Г. Короленко) // Филология и человек. 2014. № 3.

Щербанов Н. М. В. Г. Короленко и фольклорно-этнографическое наследие И. И. Железнова // Фольклор Урала. Литература и фольклор. Свердловск, 1976.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Архив В. Г. Короленко. Отдел рукописей РГБ. Ф. 135. П. 12. Ед. хр. 651.

Витевский В. Н. Раскол в уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце XVIII и в XIX в. Казань, 1878.

Короленко В. Г. Записные книжки (1880–1900). М., 1935.

Короленко В. Г. Полное собрание сочинений: в 9 т. Т. 6. СПб., 1914.

Короленко В. Г. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М., 1956.

Крестовский В. В. Степное гнездо // Санкт-Петербургские ведомости. 1884. № 62.

References

Azbelev S. N. *Otnosheniye predaniya, legendy i skazki k deystvitel'nosti (s tochki zreniya razgranicheniya zhanrov)*. [The relationship of tradition, legend and fairy tale to reality (from the point of view of differentiation of genres)]. In: *Slavyanskiy fol'klor i istoricheskaya deystvitel'nost'*. [Slavic folklore and historical reality.]. Moscow, 1965.

Zuyeva T. V. *Predaniye*. [Tradition]. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy*. [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2001.

Karpov A. B. *Pamyatnik kazach'yey stariny. Kratkiye ocherki iz istorii kazach'yego voyska*. [Monument to Cossack antiquity. Brief essays from the history of the Cossack army]. Ural'sk, 1992.

Korotin Ye. I. *Ural'skiye kazaki v Sredney Azii*. [Ural Cossacks in Central Asia]. In: *Vestnik Kara-Kalpakskogo filiala Akademii Nauk Uzbekskoy SSR*. [Bulletin of the Kara-Kalpak branch of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR]. Nukus. 1981. No. 3.

Korotin Ye. I., Korotin O. Ye. *Ustnoye poeticheskoye tvorchestvo ural'skikh (yaitskikh) Kazakov*. [Oral poetic creativity of the Ural (Yaik) Cossacks]. Ch. 1. Samara; Ural'sk, 1999a.

Korotin Ye. I., Korotin O. Ye. *Ustnoye poeticheskoye tvorchestvo ural'skikh (yaitskikh) Kazakov*. [Oral poetic creativity of the Ural (Yaik) Cossacks]. Ch. 2. Samara; Ural'sk, 1999b.

Kruglyashova V. P. *Zhanry neskazochnoy prozy ural'skogo gornozavodskogo fol'klora*. [Genres of non-fairy tale prose of Ural mining folklore.]. Sverdlovsk, 1974.

Lazarev A. I. *Predaniya ural'skikh rabochikh kak khudozhestvennoye yavleniye*. [Legends of the Ural workers as an artistic phenomenon]. Sverdlovsk, 1970.

Levinton G. A. *Predaniya i mify*. [Traditions and myths]. In: *Mify narodov mira*. [Myths of the peoples of the world]. T. 2. Moscow, 1988.

Morokhin V. N. *Prozaicheskiye zhanry russkogo fol'klora*. [Prose genres of Russian folklore]. Moscow, 1977.

Sokolova V. K. *O nekotorykh tipakh istoricheskikh predaniy (k probleme zhanrovogo svoeobraziya)*. [On some types of historical legends (to the problem of genre originality)]. In: *Istoriya, kul'tura, fol'klor i etnografiya slavyanskikh narodov*. [History, culture, folklore and ethnography of the Slavic peoples]. Moscow, 1968.

Folimonov S. S. *Za ten'yu "nabeglogo tsarya". Iz istorii sozdaniya neokonchennogo romana V. G. Korolenko*. [Behind the shadow of the "raiding king." From the history of the creation of the unfinished novel by V. G. Korolenko]. In: *Volga — XXI vek*. [Volga — XXI century]. 2005. No. 7–8.

Folimonov S. S. *"Osobennyy chelovecheskiy tip". (Russkiy natsional'nyy kharakter v osmyslenii V. G. Korolenko)*. ["A special human type." (Russian national character as understood by V. G. Korolenko)]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2014. No. 3.

Shcherbanov N. M. *V. G. Korolenko i fol'klorno-etnograficheskoye naslediyе I. I. Zheleznova*. [V. G. Korolenko and the folklore and ethnographic heritage of I. I. Zheleznova]. In: *Fol'klor Urala. Literatura i fol'klor*. [Folklore of the Urals. Literature and folklore]. Sverdlovsk, 1976.

List of sources

Arkhiv V. G. Korolenko. Otdel rukopisey RGB. [Arkhiv V. G. Korolenko. Otdel rukopisey RGB], F. 135. P. 12. Yed. khr. 651.

Vitevskiy V. N. *Raskol v ural'skom voyske i otnosheniye k nemu dukhovnoy i voyenno-grazhdanskoy vlasti v kontse XVIII i v XIX v.* [The split in the Ural army and the attitude of the spiritual and military-civil authorities towards it at the end of the 18th and 19th centuries]. Kazan', 1878.

Korolenko V. G. *Zapisnyye knizhki (1880–1900)*. [Notebooks (1880–1900)]. Moscow, 1935.

Korolenko V. G. *Polnoye sobraniye sochineniy*. [Complete works]. T. 6. St. Petersburg 1914.

Korolenko V. G. *Sobraniye sochineniy*. [Collected works]. T. 10. Moscow, 1956.

Krestovskiy V. V. *Stepnoye gnezdo*. [Steppe nest]. In: *Sankt-Peterburgskiyе vedomosti*. [St. Petersburg Gazette]. 1884. No. 62.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЮЖНОЙ ЯКУТИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Н. В. Чаунина

Ключевые слова: региональная детская литература, Южная Якутия, Людмила Носкова, Татьяна Демина.

Keywords: children's literature of Southern Yakutia, genre, thematic, motif-figurative features, Noskova, Demina.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–05

Региональная литература находится на периферии литературного процесса. Литературное доминирование столицы над провинцией всегда отчетливо проявлялось. Это связано с рядом факторов. Во-первых, удаленность от культурного центра — столицы и крупных городов-миллионников. Во-вторых, ограниченность возможностей выстроить эффективные контакты с единомышленниками, собратьями по перу, издательствами. Например, попасть на книжную ярмарку, презентацию новой книги, литературную встречу, заседание конкурсной комиссии и др. не всегда возможно. В-третьих, публикации требуют значительных финансовых вложений, которыми не всегда располагают авторы. Отсюда ограниченный тираж изданий и малый охват читателей. Большую роль здесь играют реклама, пиар-акции, наличие хороших литературных агентов. В-четвертых, региональные авторы зачастую не являются профессиональными писателями, малоизвестны в писательских и издательских кругах. Это касается и мастеров, создающих произведения для детского чтения.

Тем не менее региональная литература обладает и рядом преимуществ. Основное — максимальная близость к читательскому менталитету по факту нахождения в одной местности, на одной территории, сходный культурологический кругозор. Для детей и подростков литература родного края особенно важна, поскольку знакомит с историей, природой, традициями, приобщает к культуре родного края, формирует любовь к Родине.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена все возрастающим интересом к наследию национальных, в том числе региональных, литератур [Алиева, 2023; Ашуров, 2022; Фролкина, 2021; Гаврилов, 2021; Альшевская, 2020; Беженару, 2018; Бритаева, 2018; Зозуля, 2018;

Козина, 2017; Карпухина, 2015; Хомич, 2014; Региональная литература, 2011; Сибирский текст в русской культуре, 2003; Алтайский текст в русской культуре, 2021, 2023 и др.].

В термине «региональная литература» в первую очередь заложена характеристика литературы с позиции локализации, местоположения в географическом пространстве: с одной стороны, это место, где создавалось произведение, с другой стороны — место рождения, нахождения и смерти автора. Существует и другой подход к определению этого феномена как категории духовной жизни, продукта художественной мысли. «Это и совокупность мнений об определенном месте, ... литературный миф, это модель мира, отмеченная региональной топонимикой, это и региональное самосознание себя как сына своей „малой родины“, ее представителя и выразителя» [Региональная литература, 2011, с. 9].

Следуя обозначенной концепции, в рамках данной статьи мы представим анализ жанровых, тематических и «идейных» особенностей произведений для детей, созданных поэтами и писателями Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия). Материалом исследования стали книги Людмилы Носковой («В краю ручьев и бабочек», «Таежная сказка») и Татьяны Деминой («Ивашка — на голове кудряшка», «Волшебный поросенок и золотые бусинки», «Чудесная страна Мармеландия», «Девочка Леночка и Новогоднее чудо», «Рыжий котик»).

Цель исследования — выявление региональных и типологических особенностей литературы Южно-Якутского региона, развивающейся в контексте современной русской литературы для детей.

Специфика культурной жизни региона напрямую зависит от его становления и развития. Считаем необходимым включить небольшую историко-географическую справку об одном из обширных районов Южно-Якутского региона — Нерюнгринском районе.

Нерюнгринский район расположен на юге Якутии и по размерам сопоставим со средней европейской страной. Граничит с Амурской областью и Хабаровским краем. В состав района входит пять поселков (Чульман, Беркакит, Серебряный бор, Золотинка, Хани) и одно село (Иенгра). Районный центр — город Нерюнгри.

История города и района напрямую связана с освоением угольного месторождения данного региона (1950–1960-е гг.). В 1972 г. Указом Президиума Верховного Совета ЯАССР был образован поселковый совет с центром в поселке Нерюнгри, а в 1975 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок Нерюнгри был преобразован в город республиканского подчинения [Историко-географическая справка, 2024].

На строительство промышленных объектов, транспортных систем (авто-, авиа- и железнодорожного сообщения), городской инфраструктуры приехали специалисты из разных уголков нашей необъятной Родины. После введения в эксплуатацию угольного разреза, обогатительной фабрики, ГРЭС и комплекса предприятий районного значения городское население пополнилось специалистами инженерных профессий. Многие остались здесь, обзавелись семьями и даже увлеклись литературным творчеством.

Ключевая особенность местных авторов — они все приезжие, носители самобытного культурного локуса, возвращенные иной, несевойной, малой родиной. Этот «привезенный» культурный опыт претерпел значительные трансформации при соприкосновении с самобытной культурой разных народов, проживающих на территории Нерюнгринского района, в том числе коренного населения — эвенков и якутов.

Объединяющим центром для самобытных писателей стали местное литературное объединение «Пульс», клуб «Встреча», иницирующие различные культурно-массовые мероприятия для горожан (литературные гостиные, конкурсы и др.).

Эту особенность провинциальной литературы подчеркивал еще исследователь Ю. С. Постнов: «...литература области или края — это часть общенациональной литературы, представленная художниками, которые тесно связаны с общественной и культурной жизнью данной области и участвуют в местном литературном движении» [История русской литературной критики Сибири, 1989, с. 170].

Одной из самых ярких фигур на местном литературном Олимпе является Людмила Носкова¹. Уроженка Пермской области, после окончания Пермского пединститута приехала в Нерюнгри. Преподавала русский язык и литературу в образовательных учреждениях района. Организовала литературный клуб для школьников. В настоящее время на пенсии, но продолжает делиться опытом с начинающими авторами. О своем творчестве говорит так: «Это мой поплавок в омуте жизни. Стало привычным для сохранения душевной гармонии выплескивать избыток эмоций на бумагу» (Людмила Носкова. Таежная сказка. 2021. С. 3).

Значительную часть творческого наследия Л. Носковой составляют произведения для детского чтения: стихи, пьесы, рассказы. Рассмотрим наиболее показательные примеры.

Сборник стихотворений «В краю ручьев и бабочек» (Людмила Носкова. 2015) условно можно разделить на два основных блока: собственно

¹ Носкова Л. МБУ «Нерюнгринская городская библиотека». 2013. URL: <https://nergb.ru/wp-content/uploads/2013/06/Noskova.pdf>

пейзажная лирика и «природоведческие» стихи (сюда мы отнесем произведения о погодных явлениях, диких животных тайги, лекарственных растениях и их применении).

Уже первое стихотворение сборника представляет собой яркий пример пейзажной лирики, раскрывающей красоту суровой северной природы в простых узнаваемых образах:

*В царстве Снежной королевы
Обжились давным-давно,
Под метельные напевы
Смотрим снежное кино*

<...>

*Девять месяцев хрустальных
Лишь морозы да пурга...
Наконец, снега растают,
Оживет моя тайга!*

<...>

*Наше северное лето
Словно краткий, сладкий сон!
Ах, закаты! Ах, рассветы!
Всюду птичий перезвон!
Наберешь маслят корзинку,
Да брусники бы набрать —
Будешь ты потом всю зиму*

Щедрость лета вспоминать (Людмила Носкова. В краю ручьев и бабочек. 2015. С. 3–4).

С первых строк читатель погружается в настоящую зимнюю сказку: вся природа засыпает, убаюканная метельными напевами и укутанная пушистыми снегами. Природная стихия живет по своим законам, человек здесь только наблюдатель, ему остается лишь терпеливо ждать завершения «снежного кино», чтобы насладиться богатством таежных даров.

Все стихотворение пронизано любовью к родному краю, радостным принятием его противоречий и крайностей. Автор учит юного читателя подмечать прекрасное («узоры на окне», «в синем небе — облака»), слышать («метельные напевы», «ветры дико завывают», «птичий перезвон»), чувствовать («Все по сердцу, все по нраву, / Жизнь прекрасна и легка!»), с благодарностью относиться к родной природе («Будешь ты потом всю зиму / Щедрость лета вспоминать») (там же).

Людмила Носкова говорит со своим читателем легко и непринужденно, словно мягко берет за руку и ведет к новым открытиям. И вот уже мы оказываемся в жаркий летний день на лесной тропинке, где ручеек подставляет прохладные струйки бабочкам (с. 5²), любимся топодем, который «макушкой гладит тучи» (там же), собираем голубику — «якутский виноград» (с. 13).

В «природоведческих» стихотворениях автор знакомит детей с лечебными свойствами диких растений и ягод («Розовый ландыш», «Тысячелистник», «Курильский чай», «Полынь», «Можжевельник», «Донник», «Малина», «Смородина» и др.). Дается не только описание лекарственного растения с акцентированием внимания на характерных признаках (размер, цвет, место произрастания и др.), но и даже способ приготовления и применения. На место созерцанию приходит активное изучение природы. Например, одни ингредиенты подходят для витаминных чаев, другие — для настоев, третьи — полезны своим целебным ароматом, поэтому используются для окуливания местности:

*Там, где сосны, там, где ельник,
Вырос кустик можжевельник.
Ты его не трогай лучше,
Потому что он колючий.
Кустик этот необычен.
У эвенков есть обычай
Можжевельным дымком
Все окуливать кругом.
Дым микробов убивает,*

Быть здоровым помогает (Людмила Носкова. В краю ручьев и бабочек. 2015. С. 25).

Таким образом, юные читатели не только пополняют знания об известных природных объектах, но и знакомятся с традициями коренного народа, проживающего на территории Нерюнгринского района.

Стихи Л. Носковой учат подмечать природные «предсказания» («Перед грозой», «Дачные приметы»), учат быть чуткими и наблюдательными, заботиться о братьях наших меньших:

*Ну и жарница вторую неделю!
Высохли лужи, ручьи обмелели.*

² Здесь и далее ссылки на страницы даны по изданию: Людмила Носкова. В краю ручьев и бабочек. 2015.

*Бедной лягушке нельзя без воды,
Выжить не может без влажной среды.*

<...>

*Ее повстречали мы возле опушки
Решили помочь бедолаге лягушке.
Мы в дачный ее отнесли водоем,*

Лягушке понравилось, видимо, в нем (Людмила Носкова. В краю ручьев и бабочек. 2015. С. 10).

В целом можно сказать, что стихотворения сборника «В краю ручьев и бабочек» продолжают традиции русской классической поэзии, вошедшей в круг детского чтения. Идиллические картины природы, созданные Л. Носковой, напоминают тексты А. К. Толстого, Ф. Тютчева, А. Фета, С. Есенина. А манера написания, доверительный тон лирического повествования в «природоведческих» текстах роднит с творчеством Е. Благиной и И. Токмаковой.

Значительное влияние на творчество Л. Носковой оказало знакомство с эвенкийской культурой. Несколько лет Людмила Максимовна преподавала в экспериментальной школе-интернате «Арктика», где обучаются дети представителей малочисленных народов Севера — эвенов, эвенков, чукчей, долган, юкагиров. На территории Нерюнгринского района расположено село Иенгра, основное население которого составляют эвенки-оленеводы.

Результатом знакомства с эвенкийскими легендами стала пьеса для детей «Таежная сказка» (Людмила Носкова. 2021), написанная по рассказам одного из старейших жителей села, каюра-проводника Филиппа Леханова. Основная тема пьесы-сказки — борьба с нечистой силой, олицетворением которой выступает Болотная Баба (чудовище из Нижнего мира, которое охраняет подземные клады). Сюжет истории разворачивается вокруг семьи охотника-эвенка, которая жила в чуме на берегу реки и не боялась Болотной Бабы, чем и навлекла на себя беду. Охотнику, его жене и сыну не по силам справиться с нечистью, единственный выход — просить помощи у Хозяина тайги — бурого медведя. Для этого охотник совершает священный ритуал и готовит угощение великому гостю. В итоге нечисть повержена, то болото, в котором она обитала, высохло, там вырос лес, где стали люди добывать «горючий камень», «чтобы он дарил людям свет, тепло и радость». А на месте охотничьего чума люди построили красивый город Нерюнгри (Людмила Носкова. Таежная сказка. 2021. С. 17).

Пьеса-сказка Л. Носковой представляет собой сложный синтез народного сказания (с характерным представлением о трехчастной структуре мира, обитателями каждого их миров, тотемным родовым животным, магическими ритуалами и др.), исторического экскурса (упомянуты реальные факты, связанные с открытием угольного месторождения) и современной действительности (строительство города чуть более сорока лет назад).

Чтение подобных произведений позволяет глубже прочувствовать и осознать культурную и историческую ценность родного края, освоение которого шло в тяжелейших природно-климатических условиях. Кроме того, установка на поликультурное общение, популяризирующееся в современном социуме, требует от ребенка посильного освоения регионального культурного опыта, в том числе в рамках образовательных программ школ, ссузов и вузов.

Творчество Татьяны Деминой, еще одного талантливого автора Южно-Якутского региона, также многогранно и разнообразно³. Уроженка г. Иваново, с 1984 г. она проживает в Нерюнгри, работает эмульсоваром на ремонтно-механическом заводе, где, в том числе, возглавляла театральную студию. Татьяна — член Нерюнгринского литературного объединения «Встреча». Пишет стихи, сочиняет романсы и песни, рассказы и пьесы, детские сказки, которые издаются как отдельными книгами, так и публикуются на страницах периодической печати. Является лауреатом и дипломантом республиканских и российских фестивалей и конкурсов.

Татьяна Демина известна и как автор детских книг («Волшебный поросенок и золотые бусинки», «Ивашка — на голове кудряшка», «Девочка Леночка и Новогоднее чудо», «Рыжий котик» и др.), написанных в рамках благотворительных акций в пользу детских домов г. Алдана (Якутия) и Санкт-Петербурга.

Демина-сказочница, с одной стороны, продолжает традиции русских народных сказок, с другой стороны, значительно «осовременивает» их содержание. Так, например, в сказке «Волшебный поросенок и золотые бусинки» (Татьяна Демина. 2013а) соединились элементы бытовой и волшебной сказки. Вместо привычного зачина («жили-были») автор сразу вводит читателя в обстановку заурядной деревенской жизни: *«Жила в маленькой деревушке Агафья. Никого у нее не было: ни родни, ни детей, ни мужа. <...> Дом ее был ветхим, и стоял он на окраине деревни, возле старой заброшенной мельницы»* (с. 3). Далее идет вполне реалистичное повествование: жизнь Агафьи в семье, отношения с роди-

³ Носкова Л. МБУ «Нерюнгринская городская библиотека». 2013. URL: <https://nergb.ru/wp-content/uploads/2013/06/Noskova.pdf>

телями, любимое хобби — выращивание цветов и т.д. Особый акцент на воспитании любви к труду, заботе о ближнем, соблюдении семейных традиций. Детство героини показано как идеальное, счастливое время, о котором она очень часто вспоминает. Из детства приходит воспоминание о золотистой бусинке, которая, с одной стороны, символизирует связь с любимой мамой, с другой стороны — праздник, радость и веселье. Именно бусинки становятся своеобразной платой за спасение поросенка, который оказался волшебным. Интересно, что автор называет бусинки золотистыми, подчеркивая тем самым не их материальную ценность, а ту красоту, которая радует людей и делает их счастливыми. Агафья щедро делится этим богатством с людьми: *«Пусть эти бусинки украсят ваши дома и согреют ваши сердца. Пусть они принесут вам счастье и много-много радости»* (с. 28).

Таким образом, основная идея сказки прочитывается как приоритет духовного над материальным, воспевание труда и традиционных семейных ценностей. Несмотря на то что героиня небогата и одинока, она сохранила чуткое любящее сердце и готова броситься на помощь любому, кто в этом нуждается, не думая о награде.

Такими же добрыми и отзывчивыми показаны герои сказок «Ивашка — на голове кудряшка» (Татьяна Демина. 2013б) и «Чудесная страна Мармеландия» (Татьяна Демина. 2015). Это волшебные сказки о простых людях, которым приходится много трудиться, претерпевать жизненные трудности. На пути им встречаются испытания, справиться с которыми помогают волшебные помощники. Интересно, что переход из реального мира в сказочный показан как нечто естественное и привычное. Так, например, Ивашке из одноименной сказки снится сон, предвещающий ему обретение счастья, если отправится он в путь-дороженьку. Проснувшись, герой выполняет предначертанное.

Одна из особенностей сказок Деминой — частотность включения в сюжет описания сна героя. Так, в сказке про волшебного поросенка Агафья во сне получает указание отправиться на речку, сделать особенный гребень, благодаря которому впоследствии будут появляться золотистые бусинки.

В сказке про Ивашку сон-предсказание также выполняет функцию завязки: герой отправляется в путь, где его ждут приключения. Устав от долгой дороги, он засыпает в дремучем лесу, а проснувшись, встречается с говорящим медведем, который гостеприимно приглашает в свою избу поесть и отдохнуть (аналог Бабы-Яги). Здесь сон становится своего рода проводником из мира реального в волшебный. Все, что происходит потом (помощь медведю, спасение ежика, дятла, возвращение

на небо упавшей звездочки), прочитывается как обязательные и все более усложняющиеся испытания для получения великой награды — любимой Варварушки.

С жителями мармеладной страны пастух из сказки «Волшебная страна Мармеландия» тоже знакомится, внезапно пробудившись после долгих поисков пропавшего стада. Герой даже больно щиплет себя за ногу, чтобы убедиться в реальности происходящего. В противовес фольклорной традиции сон воспринимается не как враждебное препятствие, помеха на пути к достижению цели, а как возможность отпустить ситуацию, отдохнуть и набраться сил для встречи с волшебством (про функцию сна в народных сказках см. [Добровольская, 2021]).

Интересно, что у героев нет намерения попасть за тридевять земель в тридевятое королевство, волшебный мир сам идет навстречу, вовлекая в новые приключения.

В ряду сказок Деминой особняком стоит книга «Девочка Леночка и Новогоднее чудо» (Татьяна Демина. 2021). Здесь обнаруживаются явные черты святочного рассказа (жанровые признаки рождественского и святочного рассказа обстоятельно рассмотрены в работе Т.Н. Козиной [Козина, 2017, с. 137–144]). События происходят в праздничные новогодние дни в обычной семье, где растет очень капризная девочка, которую родители прозвали «Хочухой» за ее постоянные требования: *«С самого раннего утра до поздней ночи она кричала: „Хочу шоколадку, хочу мармеладку, хочу мороженое, хочу пирожное!” Родители говорили ей о том, что нельзя так громко кричать, что слово „хочу” — это плохое слово, но девочка не обращала на них никакого внимания, наоборот, она кричала еще громче: „Хочу, хочу, хочу...”»* (Татьяна Демина. Девочка Леночка и Новогоднее чудо. 2021. С. 5).

История капризной девочки стремительно развивается: от истерик героиня переходит к активным вредоносным действиям (разбрасывает и ломает игрушки, портит вещи, даже игрушечного Деда Мороза в гневе забрасывает в угол, потому что он не дал ей подарков). И тут происходит чудо (обозначим его как чудо-наказание): привлеченная необычным ярким светом, Леночка пытается рассмотреть через стекло его источник, видит играющего на улице мальчика, дразнится, высунув язык, и тот, наконец, намертво прилипает к холодному стеклу. Наказанная девочка страдает, мучается, зовет на помощь и вдруг видит через окно настоящего Деда Мороза! В эту минуту к Леночке приходит осознание того, что это происшествие — наказание за ее плохие поступки. Она раскаивается, ей стыдно, хочется все скорее исправить. И тут происходит второе чудо (чудо-спасение): Дед Мороз освобождает героиню, но берет

с нее обещание измениться. С той самой минуты «Хочуха» превращается в девочку Леночку.

Произведение имеет явную дидактическую направленность. Благодаря простоте сюжета, узнаваемости образа главной героини юный читатель легко улавливает этот посыл. Нравственный урок преподнесен твердо и безапелляционно. Встав на путь исправления, героиня получает заслуженную награду — огромный Новогодний подарок от Деда Мороза.

«Разоблачает» зло чудо, а победа добра возможна только при обязательной работе человека над своими пороками. Леночка не стала хорошей по мановению посоха Деда Мороза, она сама захотела стать другой: аккуратной, заботливой, внимательной к своим родным — и стала такой. А это большой труд. Так прочитывается ключевая идея произведения.

Стихи Татьяны Деминой по оригинальности не уступают ее прозе. Автор тонко чувствует детскую душу, говорит с читателем на его языке, видит мир его глазами. Например, в стихотворении «Я рисую» мы видим, как маленький герой берет в руки краски и начинает выражать на бумаге свою богатую фантазию:

*Светлый дом я нарисую,
В доме дверцу расписную.
Золотое в небе солнце.
И открытое оконце.
Паучка и паутинку,
И крыжовник, и малинку.*

<...>

*В речке рыбку золотую.
И лягушку непростую.
Птичек разных нарисую.
Все рисую и рисую...*

<...>

*Появились в небе звезды,
Рисовать уже так поздно.
Мне пора ложиться спать.*

Завтра буду рисовать... (Татьяна Демина. Рыжий котик. Стихи для детей. 2020. С. 3).

Персонажи стихотворений Деминой — живые, активные, любознательные дети. Они подмечают то, что взрослые упускают из виду, фантазируют («Самолетик»), рисуют, бегают под летним дождиком («Дождик»), играют с друзьями («Эй, мальчишка, оглянись»), отмечают

праздники («День Рождения»), любят природу («В глуши»), засыпают под мамины сказки («Буду сладко, сладко спать») и др. Живут своей детской жизнью, в которой царят любовь и гармония.

В жанровом отношении стихи Деминой напоминают произведения детского фольклора — заклички, дразнилки, колыбельные. Например, в стихотворении «Солнце» соединились черты заклички, считалки и потешки:

*Солнце, солнце, солнце, солнце!
Раз, два, три и раз, два, три!
Посмотри в мое оконце,
Ну-ка, ну-ка посмотри.
Вместе сделаем зарядку:
Раз, два, три, четыре, пять,
Поиграем вместе в прятки
И пойдем с тобой гулять... (там же, с. 12).*

Связь с фольклорной традицией прослеживается на уровне тематики (темы природы, детских игр), ритма, лексики. Прочитывается установка на двигательную активность под счет. Маленький читатель легко вовлекается в эту веселую игру, ведь и его приглашают присоединиться к ней. Подобные произведения чрезвычайно ценны. Они развивают воображение, речь, память, учат чувству ритма, прививают любовь к родному слову, привлекают интерес к чтению и др.

Стихи Татьяны Деминой продолжают традиции лучших образцов детской лирики С. Михалкова, А. Барто, С. Маршака и др.

Поводя итог проведенному анализу, можно сделать следующие выводы.

Детская литература Южно-Якутского региона представляет собой оригинальный сплав русских фольклорных традиций, наследия русской классической литературы, в том числе входящей в круг детского чтения, и самобытной интерпретации этого грандиозного культурного массива сквозь призму авторского мироощущения.

Наиболее популярными жанрами для авторов Нерюнгринского района являются сказки, пьесы, лирические стихотворения, рассказы.

Преобладают темы, связанные с миром детства, с его радостями и печалью (темы дружбы, детского творчества, страхов, взросления и др.). Кроме того, присутствуют темы, касающиеся таких сложных аспектов, как жизнь человека (его добрые и злые поступки, образ мысли и действия, нравственные уроки, воспитание и др.), темы семьи, взаи-

моотношений между людьми, бережного и чуткого отношения к природе и др.

Одни авторы гармонично вплетают в повествование региональные элементы (например, Л. Носкова много пишет о родной якутской природе, подвергает литературной обработке национальные легенды и сказания малочисленных народов Севера). Другие авторы не делают строгой привязки к месту, опираясь на духовный, культурный и литературный опыт русского народа, складывающийся на протяжении многих веков. Примером служат сказки Т. Деминой.

Проведенный анализ продемонстрировал наличие преемственных связей произведений региональных авторов с базовыми тенденциями русской классической детской литературы, что свидетельствует о высоком художественном качестве созданных произведений, достойных внимания критики и читательского интереса. К сожалению, современная детская литература не всегда может похвастаться качеством ввиду частотности коммерческих издательских проектов.

На наш взгляд, произведения упомянутых авторов можно продуктивно использовать в образовательных учреждениях разного уровня не только для привития любви к чтению, расширения представлений о родном крае, но и для понимания значимости вклада в общее культурное наследие страны мастеров слова, являющихся соотечественниками.

Библиографический список

Алиева Т. С. Детская литература и фольклор // *Colloquium-journal*. 2023. № 29 (188).

Алтайский текст в русской культуре : сб. ст. / под ред. М. П. Гребневой. Барнаул, 2021. Вып. 9.

Алтайский текст в русской культуре : сб. ст. / под ред. М. П. Гребневой. Барнаул. ю 2023. Вып. 10.

Альшевская О. Н. Новые практики распространения литературы для детей и юношества в Сибири и на Дальнем Востоке // *Библиосфера*. 2020. № 4.

Ашуров Б. Ш. Основные тенденции развития узбекской детской литературы // *Вопросы науки и образования*. 2022. № 6 (162).

Беженару Л. Е. Художественное освоение действительности через призму регионально-национального // *Брестчина и соседи*. Брест, 2018.

Бритаева А. Б. Традиции В. В. Бианки в творчестве осетинских детских писателей // *Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева*. 2018. № 30 (69).

Гаврилов В. В. «Югорский текст» как культурный феномен: к постановке проблемы // *Филология: научные исследования*. 2021. № 11.

Добровольская В. Спящие герои и сны в русской волшебной сказке // Антропология сновидений. М., 2021.

Зозуля Е. А. Формирование патриотизма посредством изучения региональной литературы // Наука и образование: новое время. 2018. № 1 (24).

История русской литературной критики Сибири: проспект. Новосибирск, 1989.

Карпухина В. Н. Дискурс детской художественной литературы в процессах институализации общества // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2.

Козина Т. Н. Жанровое своеобразие рождественского и святочного рассказов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23. № 4 (168).

Региональная литература: хрестоматия научно-критических материалов. Вып. 1. Барнаул, 2011.

Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2003.

Фролкина Д. И. Русскоязычные произведения для детей в литературе коренных народов Якутии : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Хомич Э. П. Скромное обаяние детской книги Алтая // Филология и человек. 2014. № 1.

Список источников

Демина Т. МБУ «Нерюнгринская городская библиотека». 2013. URL: <https://nergb.ru/wp-content/uploads/2013/06/Demina.pdf>

Демина Т. Волшебный поросенок и золотые бусинки. Нерюнгри, 2013а.

Демина Т. Девочка Леночка и Новогоднее чудо. СПб., 2021.

Демина Т. Ивашка — на голове кудряшка. Нерюнгри, 2013б.

Демина Т. Рыжий котик. Стихи для детей. СПб., 2020.

Демина Т. Чудесная страна Мармеландия. Нерюнгри, 2015.

Историко-географическая справка. Нерюнгринский район // Муниципальное образование «Нерюнгринский район». 2024. URL: <http://www.neruadmin.ru/neryungrinskiy-rayon/istoriko-geograficheskaya-spravka/>

Носкова Л. МБУ «Нерюнгринская городская библиотека». 2013. URL: <https://nergb.ru/wp-content/uploads/2013/06/Noskova.pdf>

Носкова Л. В краю ручьев и бабочек. Стихи для детей. Нерюнгри, 2015.

Носкова Л. Таежная сказка: пьеса для детей. Нерюнгри, 2021.

References

Alieva T. S. *Detskaya literature i fol'klor*. [Children's literature and folklore]. In: *Colloquium-journal*. 2023. No. 29 (188).

Al'shevskaya O. N. *Novye praktiki rasprostraneniya literatury dlya detey i yunoshstva v Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. [New practices for distributing literature for children and youth in Siberia and the Far East]. In: *Bibliosfera*. [Bibliosphere]. 2020. No. 4.

Altayskiy tekst v russkoy kul'ture. [Altai text in Russian culture]. Ed. by M. P. Grebneva. Barnaul. 2022. Iss. 9.

Altayskiy tekst v russkoy kul'ture. [Altai text in Russian culture]. Ed. by M. P. Grebneva. Barnaul. 2023. Iss. 10.

Ashurov B. Sh. *Osnovnye tendentsii razvitiya uzbekskoy detskoy literatury*. [Main trends in the development of Uzbek children's literature]. In: *Voprosy nauki i obrazovaniya*. [Issues of science and education]. 2022. No. 6 (162).

Bezhenaru L. E. *Khudozhestvennoe osvoenie deystvitel'nosti cherez prizmu regional'no-natsional'nogo*. [Artistic exploration of reality through the prism of regional-national]. In: *Brestchina i sosedi*. [Brest region and neighbors]. Brest, 2018.

Britaeva A. B. *Traditsii V.V. Bianki v tvorchestve osetinskih detskikh pisateley*. [Traditions of V.V. Bianki in the works of Ossetian children's writers]. In: *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy im. V.I. Abayeva*. [News of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V.I. Abayeva]. 2018. No. 30 (69).

Gavrilov V.V. "Yugorskiy tekst" kak kul'turnyy fenomen: k postanovke problemy. ["Ugra text" as a cultural phenomenon: towards the formulation of the problem]. In: *Philology: scientific researches*. [Philology: scientific research]. 2021. No. 11.

Dobrovol'skaya V. *Spyashchiegeroiisny v russkoy volshebnoy skazke*. [Sleeping heroes and dreams in a Russian fairy tale]. In: *Antropolog i yasnovideniye*. [Anthropology of Dreams]. Moscow, 2021.

Zozulya E.A. *Formirovanie patriotzma posredstvom izucheniya regional'noy literatury*. [Formation of patriotism through the study of regional literature]. In: *Nauka i obrazovanie: novoevremya*. [Science and education: new times]. 2018. No. 1 (24).

Istoriya russkoy literaturnoy kritiki Sibiri. [History of Russian literary criticism of Siberia: prospekt]. Novosibirsk, 1989.

Karpukhina V.N. *Diskurs detskoy khudozhestvennoy literatury v protsessakh institucionalizatsii obshchestva*. [Discourse of children's fiction in the processes of institutionalization of society]. In: *Siberian Journal of Philology*. [Siberian Philological Journal]. 2015. No. 2.

Kozina T. N. *Zhanrovoe svoeobrazie rozhdestvenskogo i svyatochnogo rasskazov*. [Genre originality of Christmas and Yuletide stories]. In: *Izvestiya Ural'skogo Federal'nogo universiteta*. [News of the Ural Federal University]. Iss. 1. 2017. Vol. 23. No. 4 (168).

Regional'naya literatura: khrestomatiy anauchno-kriticheskikh materialov. [Regional literature: a reader of scientific and critical materials]. Iss. 1. Barnaul, 2011.

Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture. [Siberian text in Russian culture]. Tomsk, 2003.

Frolkina D. I. *Russkoyazychnye proizvedeniya dlya detey v literature korennykh narodov Yakutii.* [Russian-language works for children in the literature of the indigenous peoples of Yakutia]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2021.

Khomich E. P. *Skromnoe obayanie detskoj knigi Altaya.* [The modest charm of Altai children's books]. In: *Filologiya I chelovek.* [Philology & Human], 2014. No. 1.

List of Sources

Demina T. *Munitsipal'noye byudzhetnoye uchrezhdeniye "Neryungrinskaya gorodskaya biblioteka"*. [Municipal budgetary institution "Neryungri City Library"]. 2013. URL: <https://nergb.ru/wp-content/uploads/2013/06/Demina.pdf>

Demina T. *Volshebnyy porosenok i zolotyie businki.* [Magic pig and golden beads]. Neryungri, 2013a.

Demina T. *Devochka Lenochka i Novogodnee chudo.* [Girl Lenochka and the New Year's miracle]. St. Petersburg, 2021.

Demina T. *Ivashka — na golove kudryashka.* [Ivashka — a curl on the head]. Neryungri, 2013b.

Demina T. *Ryzhiy kotik. Stikhi dlya detey.* [Redcat. Poems for children]. St. Petersburg, 2020.

Demina T. *Chudesnaya strana Marmelandiya.* [The wonderful country of Marmelandia]. Neryungri, 2015.

Istoriko-geograficheskaya spravka. Neryungrinskiy rayon. [Historical and geographical information. Neryungri district]. In: *Munitsipal'noe obrazovanie "Neryungrinskiy rayon"*. [Municipal entity "Neryungri district"]. 2024. URL: <http://www.neruadmin.ru/neryungrinskiy-rayon/istoriko-geograficheskaya-spravka/>

Noskova L. *Munitsipal'noye byudzhetnoye uchrezhdeniye "Neryungrinskaya gorodskaya biblioteka"*. [Municipal budgetary institution "Neryungri City Library"]. 2013. URL: <https://nergb.ru/wp-content/uploads/2013/06/Noskova.pdf>

Noskova L. *V krayuruch'ev i babochek. Stikhi dlya detey.* [In the stream and stream sand butterflies. Poems for children]. Neryungri, 2015.

Noskova L. *Taizhnaya skazka: p'esa dlya detey.* [Taiga fairy tale: a play for children]. Neryungri, 2021.

ЭСТЕТИКА И ПРИНЦИПЫ НЕОРЕАЛИЗМА В РОМАНЕ ДЭЙВА ЭГГЕРСА «ДУШЕРАЗДИРАЮЩЕЕ ТВОРЕНИЕ ОШЕЛОМЛЯЮЩЕГО ГЕНИЯ»

Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая

Ключевые слова: неореалистическая эстетика, принципы неореализма, пост-ирония, художественно-документальная проза, Дэйв Эггерс.

Keywords: aesthetics of neorealism, principles of neorealism, post-irony, documentary fiction, Dave Eggers.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–06

Современный литературный процесс характеризуется нелинейностью, возвращением к установкам предыдущих эпох, синтезом различных направлений. Особенно показателен в этом отношении неореализм, возникающий на рубеже веков, начала и конца XX столетия как результат поиска авторами нового взгляда на реальность: «неореализм выражает собой две наиболее показательные тенденции рубежных культур: стремление к возвратным процессам и тенденцию к синтезу, диффузии, будучи промежуточным эстетическим явлением между реализмом и модернизмом» [Тернова, Насонов, 2022, с. 79], а затем и между постмодернизмом и пост-постмодернизмом.

По словам исследователей, реализм в литературе никогда не может исчезнуть полностью, поскольку в обществе всегда был и будет запрос на правдивое изображение действительности, однако он способен меняться под влиянием ключевых тенденций эпохи: «остов реализма, лежащий в основе культуры, в любую эпоху основан на реальной событийности, сама же „несущая конструкция“ реалистического здания всегда вписывается в культурную архитектонику времени. Реагируя на социальный заказ эпохи, она является эстетическим осмыслением этого заказа конкретными писателями» [Калита, 2016, с. 77]. Необходимо отметить, что под влиянием неклассической парадигмы неореализм приобретает специфические черты: во-первых, писатели исходят из установки, что литература способна воссоздать не саму действительность, а лишь ее субъективное восприятие; во-вторых, реалистическое познание действительности сочетается в произведениях с восприятием мира с помощью мифологического мышления.

По словам зарубежных исследователей, неореализм в современной литературе возникает как ответ на запрос о правдивом изображении действительности в рамках тотального постмодернистского деконструктивизма: «...neorealism responds to the call for the return of realism and meets the requirements of representing reality» [Cong, 2022, p. 169].

Неореализм можно назвать этической доминантой в рамках постпостмодернистского направления, которую характеризует смещение внимания авторов с онтологических проблем (являющихся предметом рассмотрения в постмодернизме) на этические, возвращение к принципам антропоцентризма: «позиционирование реализма состоит <...> в нравственном императиве, заключающемся в уважении действительности и преклонении художника перед жизнью как таковой, как перед высшей Идеей, манифестирующей в нашей жизни, перед человеком, являющимся средоточием тайны бытия, сконцентрированной в одной личности» [Казначеев, 2011, с. 94]. Другими словами, ключевыми и неизменными можно назвать следующие установки неореализма: «...реалистическую интенцию на максимально глубокое постижение объективных законов действительности, создание целостного и непротиворечивого образа реальности и связь художественных образов с социальной почвой» [Серова, 2015, с. 7].

В неореализме современной эпохи модернистские и постмодернистские повествовательные стратегии и приемы используются для реализации принципов реализма как в мимезисе, так и в тематике произведений: «it is a new form of realist literature in the postmodern context, integrating the self-consciousness of modernism and language dominant of postmodernism, with an attempt to articulate and evaluate the relationships between the individual self and “signified” social reality in the textualized world» [Cong, 2022, p. 172]. Таким образом, можно утверждать, что «неореализм занял специфическое место между литературными потоками, реализмом и модернизмом, противопоставив при этом себя постмодернизму со свойственным ему отрицанием ценностей» [Тернова, Насонов, 2022, с. 80].

К основным положениям неореализма, которые прослеживаются в ряде произведений художественной литературы XXI в., можно отнести следующие установки: правдивое изображение действительности, объединяющее в себе субъективизм и объективизм; совместное конструирование реальности автором и читателем; выбор и трактовка традиционных тем в нетрадиционном ключе; использование иронии как приема для создания доверительной атмосферы; «становление оптимистического миропонимания и поиск положительного героя, способного пред-

ставить современного (как правило, молодого) человека в контексте его жизненной активности» [Фаттахова, 2021, с. 165].

Произведения, созданные современным американским писателем Дэйвом Эггерсом, отличаются глубиной и разнообразием тем, жанров, нарративных тактик, они привлекают читателей яркими художественными образами, оригинальной манерой изложения, стилистическими находками. Надо отметить, что Д. Эггерс неоднократно обращается к жанру художественно-документальной прозы (автофикшн), подразумевающему творческую интерпретацию фактов действительности. Главная особенность данного жанра заключается в представлении модели художественной реальности, созданной на основе документальных материалов, в задачи исследователя, соответственно, входит определение параметров фактуального и фикционального нарративов, установление корреляции факта и вымысла. Изучение современных тенденций в литературном творчестве и, в частности, такого важного течения, как неореализм, на материале подобной прозы представляет существенный научный интерес.

Целью статьи является рассмотрение реализации эстетики и принципов неореализма в романе Д. Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» [Eggers, 2001], документальность которого в значительной степени базируется на ключевых неореалистических установках. Внимание ученых к ведущим тенденциям современного литературного процесса, в частности, к произведениям, в которых прослеживаются тенденции неореализма, а также соединяется фактуальный и фикциональный нарративы, с одной стороны, и отсутствие в отечественном литературоведении работ, посвященных выбранному для анализа роману Д. Эггерса, — с другой, обуславливают актуальность настоящего исследования.

Представим наиболее характерные неореалистические черты и их специфику в данном романе.

Во-первых, неореализм в романе актуализируется как определенный тип мимезиса, то есть возможность воссоздать в тексте то, что в рамках постмодернистского нарратива считалось невозпроизводимым: смысл, истину, правдивое изображение действительности. При этом надо отметить, что объектом репрезентации выступает субъективное восприятие реальности автором произведения, а не только реальность как таковая: «to call a text mimetic in this sense would thus not necessarily mean that it reproduces conventions of nineteenth-century realism, but that it lays claim to a certain authenticity and referential accuracy of representation, that

it endeavours to hold up a mirror to either an objective or a subjective reality» [Huber, 2014, p. 8].

Автор утверждает, что воспроизводит реальные события, случившиеся с реальными людьми, при этом он также признает, что данный роман нельзя считать документальным в полном смысле этого слова, так как многие достоверные эпизоды вымышлены, в разной степени и по разным причинам изменены. Д. Эггерс повторяет известное клише, предвещающее художественные произведения, видоизменяя его для сообщения о том, что все персонажи, события и разговоры реальны и не являются плодом авторского воображения. Таким образом, Эггерс обращает внимание читателя на тот факт, что, учитывая этические трудности и невозможность объективного изображения действительности, он более других авторов старается воспроизвести реальность такой, как она есть: «...by acknowledging the ethical difficulties and artistic impossibilities of writing about real life, he seems more honest than other writers» [Hamilton, 2009, p. 37].

Главным приемом повествования является документирование собственной жизни без каких-либо купюр, отказ от личного неприкосновенного пространства: «his book documents a life lived according to Real World principles: A. H. W. O. S. G refuses the possibility of a private world, of a space where one would be living life “off camera” <...>. Eggers constantly senses the presence of his audience; cannot escape the feeling that he is being watched always» [Hamilton, 2009, p. 38-39].

Кроме того, для воссоздания собственной версии реальности Эггерс использует прием доверительного общения с читателем, который можно охарактеризовать как исповедальность. Например, мы узнаем, что главный герой является единственным взрослым, который полностью отвечает за несовершеннолетнего брата, и в связи с этим очень боится за его здоровье и благополучие. Иногда совершенно безосновательно он боится, что Тоф может утонуть, иногда он без всяких на то причин думает, что официальные органы могут вмешаться в их жизнь, иногда Дэйву кажется, тоже без каких-либо оснований, что Тофа могут убить. Причиной всех страхов является большая ответственность за ребенка, возложенная на Дэйва, который сам еще довольно молод, по сути, не готов еще к такой сложной задаче, поэтому склонен во всем винить себя. По признанию Дэйва, все трудности и страхи преодолеваются благодаря его любви к брату, которая становится центром и смыслом его жизни.

Стремясь наиболее точно воссоздать реальность, автор откровенно рассказывает и о собственной неуверенности в себе. Мучительные размышления, постоянный поиск верной линии поведения хотя и явля-

ются предметом самокритики автора-рассказчика, вызывают уважение и восхищение читателя.

Второй отличительной чертой неореализма Д. Эггерса в рассматриваемом романе является следование положениям эстетики данного направления. Неореалистическая эстетика пост-постмодернизма, как было сказано выше, базируется на положении о том, что правдивое воспроизведение действительности возможно через коммуникацию, совместное конструирование реальности автором и читателем. В связи с этим писатели все больше внимания обращают на внутренний мир человека, сосредоточиваясь на том, что объединяет людей, создавая у читателя чувства «присутствия» и узнаваемости ситуации, описывая искренность и доверие персонажей друг к другу: «“accuracy” or “realism” is a vehicle for shared understanding, the best and perhaps only mode of accurate communication» [Toth, 2011, p. 77].

Эстетика неореализма в романе «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» проявляется в том, что образ героя-рассказчика обладает не только индивидуальными чертами, но и чертами, характерными для определенного типа людей, для людей, в той или иной мере похожих на него: «the idea was that he would act as co-author of a story that was much bigger (“more”) than the story of his own life: he wanted to show there is a connection, based on a similarity, between himself and others. His claim that he is “like you” should have made it easier for “you” to empathize with him, so that the story would no longer be only about him, Dave, but about everyone *like* him» [Timmer, 2012, p. 242].

Д. Эггерс нацеливает своего читателя на сотворчество на протяжении всего романа: он постоянно обращает внимание на общий социокультурный фон, багаж знаний, опыт социализации. Это позволяет автору прежде всего создать доверительные отношения с читателем, ведь у них так много общего, автор чувствует все то же, что мог бы почувствовать читатель в похожих ситуациях, благодаря этому читатель начинает осознавать свою причастность к происходящим событиям. Кроме того, на основе взаимопонимания с читателем писатель позволяет себе критиковать современное общество, что ведет к укреплению доверительных отношений сторон.

Сотворчество проявляется и в том, что автор иронизирует по поводу постмодернистских приемов и приглашает читателя разделить с ним подобное отношение и скепсис. Так, Эггерс описывает постмодернистский подход к изображению идентичности человека, в рамках которого считается, что идентичность — это не что-то конкретное и неизменное, а постоянно изменяющаяся под влиянием обстоятельств сущность.

Чтобы показать несостоятельность такого подхода, автор использует юмор: во включенной в роман записи интервью Дэйва с продюсером реалити-шоу *The Real World*, отвечая на разные вопросы, Дэйв позиционирует себя абсолютно по-разному. Еще одним примером иронии по поводу постмодернизма можно назвать описание деятельности журнала «Мощь» / *“Might”*, который является воплощением постмодернистской эстетики. Его закрытие и работа Дэйва над новыми проектами символизирует необходимость новой искренности, правдивого воссоздания жизни и деятельности нового поколения.

Особый интерес представляет собой предложение автора, адресованное читателям, по поводу способа прочтения, характера восприятия и даже участия в корректировке книги, что отражает современный тип взаимодействия автора и читателя, его интерактивные формы. Так, автор, по его словам, несмотря на утверждение о документальности повествования, не возражает, если читатель будет считать все написанное выдумкой. Кроме того, он говорит о том, что книгу можно читать не в последовательном, а любом порядке, избранном читателем — начиная с конца, середины, с любого фрагмента. Автор предлагает выслать в обмен на бумажную версию книги по просьбе читателей ее электронную версию с измененными именами героев и названиями мест действия.

В-третьих, как показал анализ, неореализм проявляется в выборе и трактовке тем, которые представляют собой классические темы, поднимаемые в произведениях художественной литературы всех эпох и стран. Это темы семьи и семейных ценностей, дружбы, ответственности, выбора своего места в жизни и характерная для американской литературы тема американской мечты. В Примечаниях к своему роману Д. Эггерс по-другому называет темы, которые, как он считает, раскрываются в его романе, при этом ставя акценты на важных для него аспектах рассматриваемых традиционных тем: а) *The Unspoken Magic of Parental Disappearance*; б) *The Brotherly Love*; в) *The Painfully, Endlessly Self-conscious Book Aspect*; г) *The Telling the World of Suffering as Means of Flushing or at Least Diluting of Pain Aspect* и другие. В данном случае автор выполняет функцию исследователя, интерпретатора своего произведения, предлагая свою собственную неординарную формулировку главных аспектов своей книги. Центральной темой романа, в каких бы формулировках она ни выражалась, является тема семьи, отношение между родителями и детьми, супругами, братьями и сестрами.

В-четвертых, на страницах романа находит яркое воплощение и свойственное неореализму сочетание романтического и реалистического взглядов на мир. Романтические мечты и планы главного героя относи-

тельно его деятельности показаны на фоне и во взаимодействии с реальностью. Его романтическое стремление совершить нечто потрясающее, нечто, способное поразить и обогатить мир, разбивается о реально существующие препятствия как внутреннего, так и внешнего характера. Герой и его единомышленники терпят поражение на поприще осуществления своей мечты — журнал, имеющий такое символичное название «Мощь», который, по их замыслу, должен был взорвать мир, прекращает свое существование. Но, несмотря на этот провал, конец романа оптимистичен, так как герой не опускает руки, он полон решимости и желания двигаться дальше, строить новые планы, выбрать новое поприще деятельности, найти новое место в жизни.

Неореалистическая оптимистичность реализуется и во взгляде автора на молодое поколение. Опять же по контрасту с постмодернистским пессимистическим отношением к новому поколению молодые люди — персонажи романа Эггера — вызывают симпатию своей целеустремленностью, готовностью работать неограниченное время, практически не получая материальной компенсации, только для осуществления своих смелых замыслов. Достойны уважения их взаимоотношения, бескорыстное стремление помогать и поддерживать друг друга в трудные минуты. Вместе с тем портреты главного и второстепенных героев романа далеки от идеализации, они реалистичны, достоверны, это подтверждается не только тем, что писатель заявляет о том, что все его герои не вымышленные, а реальные люди, но и самим ходом повествования, вследствие чего описанные поступки, чувства персонажей выглядят убедительно и правдиво.

В-пятых, в неореализме по-особому реализуется ирония: в отличие от ее уничтожающей, обличительной роли в постмодернизме, в неореализме ирония, как и юмор, используется не как тональность повествования, а как прием, инструмент. В исследуемом романе автор обращается к иронии для смягчения горечи ситуации, создания особой атмосферы доверительности, имитации разговора с читателем. Можно сказать, что в данном случае ирония получает приставку 'пост-', поскольку служит реализации принципа новой искренности: «in Eggers' case, sincerity and irony go hand in hand» [Altes, 2008, p. 122].

Кроме того, ирония является своеобразным клапаном для уравновешивания чрезмерной искренности и серьезности повествования: «ultimately, postirony is a Metamodern literary tool par excellence as it features the Metamodern embrace of the Postmodern irony while marrying it with a profound sincerity to promote the quest for truth and meaning» [Dilmi, 2021, p. 190].

Можно утверждать, что именно пост-ирония играет ключевую роль в создании атмосферы искреннего общения между автором и читателем, что способствует новому способу воссоздания реальности в литературе, который соответствует принципам неореализма: «...post-ironic literature, especially in its nonfiction form, addresses its reader in a particular way intended to establish some form of sincere communication and by using an engaging narrator, at best, transports an intradiegetic feeling into the reader's extratextual world. That is, moving beyond existing realms in literature and establishing nothing less than a new real-world movement» [Hoffmann, 2017, p. 35].

В-шестых, в романе создан положительный образ главного героя. Можно сопоставить описание ситуации потери родителей и ее последствий в романе Д. Эггерса с подобной ситуацией в романе постмодернистского писателя И. Макьюэна «Цементный сад». У Макьюэна она описана мрачными постмодернистскими красками, автор приходит к печальному выводу о невозможности оптимального выхода из сложившихся обстоятельств, показана негативная модель поведения детей, получивших неограниченную свободу действий, оказавшись без контроля, внимания и заботы взрослых. В этом плане роман Макьюэна считают продолжением темы, поднятой У. Голдингом в его известном произведении «Повелитель мух». Д. Эггерс убедительно доказывает, что благоприятное развитие событий в такой ситуации возможно, что в рамках полной свободы дети в состоянии выбрать правильный путь, что чувства любви и ответственности берут верх над инфантилизмом, другими негативными качествами и диктуют верный тип поведения.

Перед нами образ главного героя до и после трагедии, при этом его образ в ситуации «после» представлен в оптимистическом ключе. Читатель не может не восхищаться главным героем, который с честью выполняет свой долг, стремясь не просто создать необходимые условия своему младшему брату, но и превратить его жизнь в праздник, чтобы он ни на минуту не ощущал своего сиротства, чтобы его жизнь была не хуже, а даже лучше жизни сверстников, живущих с родителями.

Итак, можно утверждать, что в произведении Д. Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения» проявляется ряд ключевых тенденций неореализма: 1) определенный тип мимезиса; 2) эстетика, подразумевающая совместное конструирование реальности автором и читателем; 3) традиционная для автобиографий и мемуаров тематика; 4) сочетание романтического и реалистического взглядов на мир; 5) пост-ирония как прием создания доверительной атмосферы; 6) образ положительного героя.

Каждая из этих тенденций получает на страницах романа оригинальное воплощение. Удивительным образом сочетаются субъективное и объективное начала, документальность в изложении реальных фактов и событий и художественная образность в создании персонажей и воплощении главных идей. Неореалистическая эстетика получает своеобразное преломление в вовлечении читателя в процесс наррации; автор не ограничивается традиционными обращениями к читателю, он фактически ведет с ним разговор, превращает в соавтора, используя, в том числе, современные интерактивные приемы. Традиционные темы семьи, любви, дружбы, ответственности трактуются по-особому — персонажи показаны в экстремальной ситуации, когда жизненная трагедия ставит перед ними сложные задачи, решение которых требует максимальной душевной отдачи, причем не одномоментной, а на протяжении длительного периода. Столкновение романтического и реалистического взглядов на действительность также представлено в романе неординарно — реализм не разбивает романтические помыслы главного героя, он не разочаровывается, не отчаивается, встречаясь с трудностями, романтик в его характере неизменно побеждает. Ирония Эггерса отличается от постмодернистской тем, что служит иным целям. В романе ирония не подвергает уничтожающей критике все и вся, она помогает рассказчику смягчать восприятие жестокой действительности, адекватно оценивать себя и окружающих, достойно преодолевать препятствия. И наконец, Д. Эггерс создает образы персонажей, которые обладают реалистичными чертами, они не лишены недостатков, но в своей основе являются положительными, что существенно отличает их от сломленных, раздражаемых противоречиями и склонных к негативному поведению героев большинства постмодернистских произведений.

Библиографический список

Казначеев С. М. Новый реализм: очередное возрождение метода // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4.

Калита И. «Новый реализм» русской литературы в зеркале манифестов XXI века // Slavica Litteraria. 2016. № 19 (1).

Серова А. А. Неореализм как художественное течение в русской литературе XXI века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2015.

Тернова Т. А., Насонов А. Л. Неореализм как смысловая и эстетическая доминанта в литературе XX века // Вестник Воронежского государственного университета. 2022. № 1.

Фаттахова А. Р. Новый реализм в современной русской литературе (на примере творчества А. Ганиевой) // Иностранные языки в Узбекистане. 2021. № 4 (39).

Altes L. K. *Sincerity, Reliability and Other Ironies: Notes on Dave Eggers» A Heartbreaking Work of Staggering Genius // Narrative Unreliability in the Twentieth— Century First-Person Novel*. Berlin, 2008.

Cong W. *A Literary Review of Neorealism in British and American Literature // International Journal of Literature and Arts*. 2022. Vol. 10. № 3.

Dilmi S. A. *A Metamodern Disclaimer of Postmodernism in Literature // Algerian Scientific Journal Platform*. 2021. № 2 (3).

Hamilton C. *Blank Looks: Reality TV and Memoir in a Heartbreaking Work of Staggering Genius // Australasian Journal of American Studies*. 2009. № 28 (2).

Hoffmann L. *Postirony. The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers*. Bielefeld, 2017.

Huber I. *Introduction: Epitaph on a Ghost, or the Impossible End of Postmodernism // Literature after Postmodernism: Reconstructive Fantasies*. London, 2014.

Timmer N. *Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. Leiden, 2012.

Toth J. *The Passing of Postmodernism: a Spectroanalysis of the Contemporary*. Albany, 2011.

ИСТОЧНИК

Eggers D. *A Heartbreaking Work of Staggering Genius*. New York, 2001.

References

Altes L. K. *Sincerity, Reliability and Other Ironies: Notes on Dave Eggers' A Heartbreaking Work of Staggering Genius*. In: *Narrative Unreliability in the Twentieth— Century First-Person Novel*. Berlin, 2008.

Cong W. *A Literary Review of Neorealism in British and American Literature*. In: *International Journal of Literature and Arts*. 2022. Vol. 10. No. 3.

Dilmi S. A. *A Metamodern Disclaimer of Postmodernism in Literature*. In: *Algerian Scientific Journal Platform*. 2021. Vol. 2. No. 3.

Fattakhova A. R. *Novyy realizm v sovremennoy russkoy literature (na primere tvorchestva A. Ganievoy)*. [New Realism in Modern Russian Literature]. In: *Inostrannyye yazyki v Uzbekistane*. [Foreign Languages in Uzbekistan]. 2021. Vol. 4. No. 39.

Hamilton C. *Blank Looks: Reality TV and Memoir in a Heartbreaking Work of Staggering Genius*. In: *Australasian Journal of American Studies*. 2009. Vol. 28. No. 2.

Hoffmann L. *Postirony. The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers*. Bielefeld, 2017.

Huber I. *Introduction: Epitaph on a Ghost, or the Impossible End of Postmodernism*. In: *Literature after Postmodernism: Reconstructive Fantasies*. London, 2014.

Kalita I. "Novyy realizm" russkoy literatury v zerkale manifestov XXI veka. ["New Realism" in Russian Literature as Reflected in the 21st Century Manifestos]. In: *Slavica Litteraria*. 2016. Vol. 19. No. 1.

Kaznacheev S. M. *Novyy realizm: ocherednoe vozrozhdenie metoda*. [New Realism: Another Revival of the Method]. In: *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. [Humanitarian vector. Series: Pedagogy, Psychology]. 2011. No. 4.

Serova A. A. *Neorealizm kak khudozhestvennoe techenie v russkoy literaturе XXI veka*. [Neorealism as an Artistic Movement in Russian Literature of the 21st Century]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Nizhniy Novgorod, 2015.

Ternova T. A., Nasonov A. L. *Neorealizm kak smyslovaya i esteticheskaya dominanta v literaturе XX veka*. [Neorealism as a Semantic and Aesthetic Dominant in the Literature of the 20th Century]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Proceedings of Voronezh State University]. 2022. No. 1.

Timmer N. *Do You Feel It Too? The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. Leiden, 2012.

Toth J. *The Passing of Postmodernism: a Spectroanalysis of the Contemporary*. Albany, 2011.

Source

Eggers D. *A Heartbreaking Work of Staggering Genius*. New York, 2001.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЗАКОНОПРОЕКТА: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

М. В. Батюшкина, Т. В. Чернышова

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, законопроект, текст закона, государственный язык, аспекты, этапы и задачи экспертизы, критерии экспертного анализа.

Keywords: linguistic examination, bill, text of the law, state language, aspects, stages and tasks of the examination, criteria for expert analysis.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–07

Введение

Научно-исследовательским установкам лингвистической экспертизы законопроектов и действующих законодательных актов уделяется особое внимание. Это обусловлено необходимостью подготовки качественных законодательных текстов, их адекватного толкования и применения, востребованностью лингвистических знаний в законотворческом, правореализационном, судебном дискурсах [Аркаева, 2023, с. 20–24; Батюшкина, 2016, 2017; Белов, 2022, с. 297–298; Белоконь, 2015; Галяшина, 2013; Голев, 2021, с. 144–147; Голев, Иркова, 2023, с. 13–14; Губаева, 1997, с. 9; Калинина, 1997; Кушнерук, 2016; Назаренко, Ситникова, 2022; Славская, 2014, с. 18; Туранин, Кутько, Польская, 2023; Чернышова, 2004, 2012, 2016].

При этом вопрос о предмете и методологии лингвистической экспертизы законодательного текста по-прежнему остается дискуссионным. В частности, при исследовании вопроса о лингвистической экспертизе законопроекта как процессуальном этапе мы обратили внимание на то, что в правовой доктрине [Ващенко, 2010; Власенко, 1997; Губаева, 1997, 2010; Давыдова, 2023; Исаков, 2000; Крюкова, 2003; Маслов, 2023; Пиголкин, 1972; Прохоров, 2009; Туранин, 2008; Ушаков, 1991; Хабибулина, 2001], а также некоторых лингвистических и междисциплинарных трудах [Галяшина, 2013; Киянова, 2022, с. 541] языковые и стилистические особенности оформления законодательного текста относятся к правилам юридической (законодательной) техники, а анализ языковых средств — к одному из аспектов правовой (юридико-технической) экспертизы.

Например, Т. В. Губаева, подчеркивая обязательность литературного редактирования законопроекта и литературной экспертизы как эта-

па нормотворческой деятельности, высказывает точку зрения о проведении **междисциплинарной юридико-лингвистической экспертизы**, основанной на теоретических положениях словесности в юриспруденции [Губаева, 1997, с. 9]. По мнению Н. А. Калининой, лингвистическая экспертиза законопроекта является **составной частью правовой (юридико-технической) экспертизы** [Калинина, 1997, с. 6, 15]. Ю. С. Ващенко рассматривает **филологическое толкование** норм права в качестве **разновидности «интерпретационной практики**, направленной на установление с помощью языковых средств и их внутритекстовых связей смысловых параметров правовой нормы, позволяющих адекватно раскрыть конкретное содержание нормативных предписаний с выраженной в них волей законодателя» [Ващенко, 2002; 2010, с. 35]. Г. В. Назаренко, А. И. Ситникова обосновывают необходимость «глубинной» **законодательно-текстологической экспертизы**, позволяющей обнаружить различные дефекты: подмену заголовочных терминов текстоидами, дублирующими содержание статьи закона, неточность терминологической синонимии, неоправданное употребление неологизмов и др. [Назаренко, Ситникова, 2022, с. 471, 472] (также см. об этом: [Батюшкина, 2022]). В работах Е. И. Галяшиной рассматриваются методологические основы **междисциплинарной антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы законопроектов**, направленной на анализ категорий оценочного характера, системной взаимосвязи, точности и обоснованности употребления терминов, правильности использования однородных членов, знаков препинания; выявление семантических и правовых лакун, диспозитивности нормотворческого дефинирования; устранение терминологической и понятийной неоднозначности, юридико-лингвистической неопределенности и других коррупциогенных факторов, см., напр.: [Галяшина, 2013, с. 63–74].

В развитие научной дискуссии о предмете и методологии лингвистической экспертизы законопроекта [Батюшкина, 2016, 2017] в настоящей статье представляем общие подходы к определению понятия лингвистической экспертизы законопроекта, ее аспектов, этапов, задач, критериев. Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, уровнем рассмотрения данных вопросов в лингвистической литературе, с другой стороны, значением лингвистических знаний для экспертной и иных практик.

Определение понятия

Первоначальный и актуальный варианты официального определения лингвистической экспертизы законопроекта закреплены в части 7 статьи 121 Регламента Государственной Думы (Российская газета. 25.02.1998. № 37; Собрание законодательства РФ. 20.06.2005. № 25, ст. 2480).

Варианты официального определения лингвистической экспертизы законопроекта

(1) Первоначальный вариант официального определения	(2) Актуальный вариант официального определения
(1) «Лингвистическая экспертиза законопроекта — это оценка соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей текстов законов»	(2) «Лингвистическая экспертиза законопроекта — это оценка соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и подготовка рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» ¹

Полагаем, что в связи со сложностью определения объема и содержания данного понятия разработчики постановления не использовали схему реальной дефиниции («X — это Y»). Оба определения контекстуальные. Первое формулируется по схеме «X заключается в Y с учетом Z», второе — «X заключается в Y с учетом Z и R». Подобные контекстуальные определения легко трансформируются в реальные, более распространенные в различных дискурсивных практиках.

Сопоставляя первоначальный и актуальный варианты официального определения (см. таблицу), отметим единообразный подход к **экспертизе как оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка** («X заключается в Y с учетом Z», «X заключается в Y с учетом Z и R»), а также подчеркнем подразумеваемую корреляцию с Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» (Российская газета. 07.06.2005. № 120), в соответствии с которым при использовании русского языка как государственного, в том числе при создании законодательных текстов, должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка; не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях.

В части 3 статьи 1 указанного закона под нормами современного русского литературного языка понимаются «правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках» (Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О вне-

¹ См. об этом: [Батюшкина, 2016, с. 25–26].

сении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»». Российская газета. 02.03.2023. № 45.). Ориентируясь на данное понимание, сформулируем контекстуальное и реальное определения: *лингвистическая экспертиза законопроекта предполагает оценку текста законопроекта с точки зрения соответствия правилам использования языковых средств, зафиксированных в нормативных словарях, справочниках и грамматиках* (контекстуальное определение); *лингвистическая экспертиза законопроекта — оценка текста законопроекта с точки зрения соответствия правилам использования языковых средств, зафиксированных в нормативных словарях, справочниках и грамматиках* (реальное определение).

Обратим внимание на различие особенностей [Батюшкина, 2015, с. 9–11], которые в соответствии с первоначальным и актуальным вариантами официального определения должны учитываться при проведении лингвистической экспертизы законопроекта («X заключается в Y с учетом Z», «X заключается в Yс учетом Z и R»): *функционально-стилистических особенностей текстов законов либо особенностей языка нормативных правовых актов*. На наш взгляд, это отражает, с одной стороны, сложившееся узкое и широкое понимание системы законодательства (как совокупности только текстов законов либо текстов законов и иных нормативных правовых актов) и в связи с этим родо-видовое соотношение *языка права* и *языка закона, официально-делового стиля, стиля нормативных правовых актов и законодательного стиля*; с другой стороны, разграничение языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений) и текста как речевой единицы, продукта речемыслительной деятельности [Батюшкина, 2016, с. 25–32], а также языкового и речевого аспектов коммуникации.

При этом для определения предмета лингвистической экспертизы законопроекта обозначенные соотношения исключительно важны, поскольку законодательный текст генетически обладает особенностями, которых лишены тексты иных правовых актов, и наоборот, то, что составляет специфику подзаконных актов, не всегда характерно для текстов законов. В этой связи согласимся с А. М. Плотниковой в том, что эксперт-лингвист «относит исследуемый текст к той или иной жанровой форме, выявляет языковые особенности, свойственные видовому классу документов, и рассматривает те языковые черты, которые не определяются аналогами и характеризуют только исследуемый документ» [Плотникова, 2016, с. 40]².

² См. об этом также: [Батюшкина, 2022, с. 43–88].

Кроме того, актуальная дефиниция понятия «лингвистическая экспертиза законопроекта» (в отличие от первоначальной редакции) транслирует **процессуальный** аспект, заключающийся в подготовке рекомендаций, то есть замечаний и предложений [Батюшкина, 2016, с. 25–32], по исправлению ошибок — *грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических* — в использовании терминов («X заключается в У^{с учетом Z} и R»). Подчеркнем, что широкое понимание, представленное в актуальной редакции официального определения лингвистической экспертизы, предполагает особые компетенции и опыт эксперта, обладающего познаниями в официально-деловой стилистике в целом, а также юридическими знаниями, как минимум, в области юридической (законодательной) техники.

Отметим также вариант определения, который представлен в «Методических рекомендациях по лингвистической экспертизе законопроектов» — издании Государственной Думы, 2013 г. [Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, 2013, с. 5]: «*Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в приведении языка и стиля законопроекта в соответствие с нормами современного русского литературного языка, выявлении разнобоя в терминологии, соотношении терминов законопроекта с терминами, применяемыми в законодательстве, устранении логических, технических ошибок, уточнении формулировок и т. п.*» В данном определении аспекты-задачи экспертизы представлены в виде открытого перечня («X заключается в У^{приведении...}, Z^{выявлении...}, R^{устранении...}, Q^{уточнении...} и т. п.»), а первая задача (*приведение языка и стиля законопроекта в соответствие с нормами современного русского литературного языка*) может быть рассмотрена в качестве общей (родовой) по отношению к иным³.

Рекомендуемые аспекты, этапы и задачи экспертизы

В Методических рекомендациях по лингвистической экспертизе законопроектов обозначены следующие аспекты **редакторского анализа языка и стиля законопроектов** [Батюшкина, 2017, с. 164–170]:

а) оценивается качество законопроектов, «то есть соответствие нормам современного русского литературного языка с учетом функционально-стилистических особенностей текстов нормативных правовых актов, требований юридической техники» (качественный — соответствует, некачественный — не соответствует, требует доработки);

б) подготавливаются рекомендации «по улучшению качества текста»;

³ См. об этом: [Батюшкина, 2017, с. 164–170].

в) делается редакторская правка, которая согласуется с разработчиками законопроекта («редакторская правка уместна только в том случае, если лингвист сумеет ее доказать») [Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, 2013, с. 6, 27].

Процесс редактирования основывается на «единых рекомендациях по подготовке законопроектов», сутью которых являются следующие требования: соблюдение «логики изложения правовых норм»; отсутствие «явных и скрытых противоречий»; точность «использования юридических и других специальных терминов при создании правовых норм»; соблюдение «стиля законодательных актов, в первую очередь определенности, ясности, краткости», то есть не стиля нормативных правовых актов или официально-делового стиля в целом [Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, 2013, с. 7].

В то же время в рекомендациях выделены «**технологические этапы лингвистической экспертизы законопроекта**⁴: редактирование, двойная корректорская вычитка, сверка вариантов текста после исправления, контрольное чтение, — свидетельствующие о том, что эксперты-лингвисты рассматривают несколько вариантов текста законопроекта на различных этапах его создания и рассмотрения в парламенте. В зависимости от того, как изменяется текст в результате редакционной обработки, различаются и виды правки: правка-вычитка, правка-сокращение, правка-обработка, правка-переделка либо синтетическая правка (редакторско-корректорская вычитка), «включающая в себя элементы всех видов правки» [Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, 2013, с. 26, 27].

Круг рекомендуемых **задач** иллюстрирует разноаспектность процедур, осуществляемых на разных этапах экспертизы законопроектов [Батюшкина, 2016, с. 26–28], к которым относятся **анализ**, обеспечивающий точность выбора, целесообразность, необходимость, достаточность объема понятий каждого термина; **установление**, обеспечивающее выбор правильного значения термина, учет его функций в структуре текста законопроекта; **выявление** повторов, противоречий, дублирования терминов, нарушений законов формальной логики при построении законодательного текста (например, нарушения правил классификации понятий, нарушения закона непротиворечивости понятий, подмены понятий; смысловых, композиционных, стилистических недочетов и др.); **проверка** единообразного написания заголовков, терминов одного логического ряда, географических наименований, имен, фамилий;

⁴ См. об этом также: [Виноградов, 2017, с. 24–28].

и т.д.); **обеспечение** соблюдения отраслевой и межотраслевой унификации используемых терминов; **применение** общих правил отбора нейтральной лексики с опорой на данные словарей современного русского литературного языка; при необходимости **замена** узкоспециальных терминов общеупотребительными; **исключение** параллельного использования терминов-синонимов, терминологических и языковых разночтений; **исправление** логических и стилистических ошибок и неточностей, композиционных недочетов, нарушений правил юридической техники и т.д. [Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов, 2013, с. 6–29].

Цель и критерии экспертного анализа

Целью лингвистической экспертизы законопроекта, на наш взгляд, является, с одной стороны, **комплексное исследование** текста законопроекта как продукта речемыслительной деятельности, предполагающее лингвистический анализ и объективную оценку качества данного текста на основе определенных критериев, с другой стороны, **подготовка и обсуждение рекомендаций**, отражающих выявленные ошибки и недочеты и предлагающих аргументированные варианты их исправления [Батюшкина, 2015, с. 9–10]. Для того чтобы оценить качество текста законопроекта, считаем, необходимо применить следующие **критерии экспертного лингвистического анализа**: «соответствие нормам правописания и грамматики», «соответствие стилю (жанру)», «логичность изложения», «достоверность фактического материала», «отсутствие графических ошибок и недочетов».

Критерий «Соответствие нормам правописания и грамматики» позволяет проверить текст на наличие орфографических, пунктуационных и грамматических ошибок. К данному критерию могут быть отнесены такие видовые критерии, как «соответствие нормам орфографии», «соответствие нормам пунктуации», «соответствие нормам грамматики (морфологии и синтаксиса)» [там же, 2015, с. 10].

При анализе соблюдения правил орфографии выявляются орфографические ошибки, к которым относятся неверные написания слов, нарушение орфограмм. (Орфограмма — это не только единственно возможное, но также и рекомендуемое из числа возможных написание.) Полагаем, особое внимание при анализе текста законопроекта необходимо уделять лексическим (семантическим) написаниям, слитному, через дефис или раздельному написанию, написанию слов с прописной либо строчной буквы, а также написанию слов, имеющих варианты, закрепленные в текстах действующих законов (*оперативно-розыскной* — *оперативно-разыскной*, *Мэр* — *мэр*, *видео-конференц-связь* — *видео-кон-*

ференцсвязь, населённый — населенный, медперсонал — медицинский персонал).

Анализируя соблюдение правил пунктуации, эксперты выявляют пунктуационные ошибки: неиспользование необходимого знака препинания; использование знака препинания там, где это не требуется (например, в конце заголовка); неправильный выбор знака препинания; неправильная постановка знака препинания, приводящая к неоднозначности толкования. Особое внимание критерию «соблюдение правил пунктуации» следует уделять при анализе сложных по структуре предложений (сложносочиненных, сложноподчиненных), предложений, осложненных однородными членами, причастными и деепричастными оборотами, вставными конструкциями. Кроме того, при анализе текста законопроекта необходимо учитывать традиции пунктуационного оформления законодательных текстов, в частности перечней структурных элементов.

Критерий «соответствие нормам грамматики (морфологии и синтаксиса)» позволяет проверить текст на наличие морфологических и синтаксических ошибок. Морфологические ошибки обусловлены нарушением норм словообразования, формообразования и словоизменения. К синтаксическим ошибкам относится нарушение координации подлежащего и сказуемого, согласования и управления, видовременной соотнесенности глагольных форм, деепричастий разного вида, одновременное употребление полной и краткой формы в составе сказуемого, соединение форм сравнительной и превосходной степени, простой и составной форм степеней сравнения прилагательного; ошибочное построение предложения с однородными членами, обособленным оборотом [Батюшкина, 2015, с. 10; 2016, с. 31].

С помощью критерия «соответствие стилю (жанру)» [Батюшкина, 2016, с. 31-32] выявляются ошибки в употреблении языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений) и ошибки в построении текста. Данный критерий позволяет определить, соответствует ли анализируемый текст законопроекта жанру — исторически сложившемуся устойчивому типу (подтипу) законодательного текста, обладающему функционально-стилевой и информативной спецификой, стереотипной композиционно-смысловой структурой и рубрикацией, особыми шаблонами и клише.

В числе стилистических (речевых) ошибок назовем употребление слова в нехарактерном для него значении (а также без учета контекста), нарушение лексической сочетаемости, неправильное или неточное воспроизводство законодательных клише и составных терминов, нежелательную или неудачную аббревиацию, порождающую омонимию и не-

благозвучность, речевую неуместность (в том числе неуместное использование средств выразительности речи), немотивированное употребление иностранных (заимствованных) слов, речевую недостаточность, ошибки в выборе гипонимов, гетеронимов, синонимов, антонимов, паронимов, речевую избыточность либо недостаточность, многозначность или неопределенность, несоблюдение единства стиля текста закона того или иного типа (подтипа), неправильное построение предложения и, как следствие, неоднозначность понимания правовой нормы, нарушение типовых особенностей формулирования законодательных заголовков и предписаний. Примеры: *схожие условия; работники, работающие в больнице; диджитализация; «потребители товаров (работ, услуг)»* вместо *«потребители товаров (услуг, работ)»*.

Критерий «логичность изложения» позволяет с точки зрения содержания анализировать и оценивать степень информативности, ясности, четкости и точности передачи смысла (понятности текста), выявлять возможные интерпретации, с точки зрения формы представления юридически значимой информации оценивать логико-композиционную структуру текста, последовательность изложения, использование средств логической связи, целесообразность инверсии, подразумеваемого сопоставления или противопоставления [Батюшкина, 2016, с. 32].

Традиционно к логическим ошибкам относится нарушение сочетания понятий, использование взаимоисключающих понятий, подмена одного понятия другим, необоснованное введение и противопоставление понятий, дублирование понятий, выраженное с помощью разных терминов, установление неверных причинно-следственных связей, родо-видовых отношений, необоснованный пропуск слова или сочетания слов, использование такого порядка слов, который приводит к нарушению логики изложения, неверному, неоднозначному, неопределенному пониманию. Примеры: *суммарный объем (результат) — суммирование объемов (процесс, результат) — общая сумма суммарных объемов (результат)*; *«за 9 лет подряд, предшествующих расчетному году»* (то есть ..., 2020, 2021, 2022, ...) — *«за любых 9 лет, предшествующих расчетному году, но не обязательно следующих подряд друг за другом»* (то есть ..., 2014, 2020, 2022, ...).

Нарушение логико-композиционной структуры текста может быть обусловлено нарушением или отсутствием смысловой связи между частями текста, дублированием ранее изложенной информации, постановкой знака препинания, приводящей к неоднозначному толкованию, неправильным делением текста на структурные единицы, излишней детализацией и дробностью изложения, нарушением композиционной свя-

зи между структурными единицами текста и структурными элементами законодательной статьи, в том числе из-за неверных ссылок, несоответствием заголовка тексту (заголовок не отражает содержание, уже или шире текста).

На основе критерия «**достоверность фактического материала**» выявляются фактические ошибки [Батюшкина, 2016, с. 31]: приведение фактов, не соответствующих или противоречащих действительности; неверное или неполное указание реквизитов законов и иных правовых актов (наименования вида документа, даты, номера, адресата, адресанта и т.д.); нарушение порядка указания реквизитов при ссылке (сначала указывается вид документа, затем дата документа, номер документа, название документа — при наличии заголовка); неверная или неполная ссылка на структурный компонент текста; ссылка на недействующий закон или иной нормативный правовой акт; ошибки при передаче дополнительной информации о документе (например, при перечислении источников официального опубликования закона); несоблюдение установленного правила использования сокращения, в частности, неверное (неточное) воспроизведение в тексте ранее введенного сокращения; неверное воспроизведение официальных названий, топонимов (например, в законодательных текстах необходимо употреблять официальное наименование: *Кемеровская область — Кузбасс* вместо *Кемеровская область* или *Кузбасс*, *законы Республики Алтай* вместо *законы Алтай*).

Графические ошибки и недочеты, вызванные невнимательностью либо небрежностью при подготовке текста, снижают качество любого текста. К таким ошибкам и недочетам мы относим пропуск букв или цифр (*атомной области* вместо *автономной области*, *14 февраля 204 года*), перестановку букв (*номративный*), замену одних букв другими (*рыботорговля* вместо *работорговля*), добавление лишних слов, букв или цифр (*10 000 тысяч рублей*, *ранее решение*, *14 февраля 20224 года*), лишние знаки, использование дефиса вместо тире и наоборот, пропуск второго элемента парного знака (кавычек, скобок), различный рисунок кавычек, произвольность шрифта, интервалов, абзацных и межстрочных отступов, необоснованное выделение элементов текста курсивом, отдельных слов прописными буквами, отсутствие нумерации страниц или ненужный номер на первой странице, нарушение оформления сносок, примечаний, табличных данных.

Заключительные положения

Определения лингвистической экспертизы законопроекта отражают не только различные цели экспертного анализа и редактирования законодательного текста, но и разные подходы к пониманию системы на-

ционального законодательства (как совокупности только текстов законов либо текстов законов и иных нормативных правовых актов), типов законодательных текстов (моделей), соотношению языка права и языка закона, стиля нормативных правовых актов и законодательного стиля, языкового и речевого аспектов коммуникации.

Представленный обзор аспектов, этапов, задач, критериев лингвистической экспертизы показывает, что от рекомендаций эксперта-лингвиста зависит отсутствие ошибок (орфографических, пунктуационных, грамматических, речевых, логических, фактических и пр.) и опечаток, а также ясность, точность, определенность, последовательность изложения правовой мысли, согласование названия закона (реквизита) и текста, заголовков и текстов структурных единиц закона, соответствие закона тому или иному текстотипу и законодательному стилю в целом.

Поскольку при постановке целей и задач лингвистической, юридико-технической, юридико-лингвистической экспертиз законопроекта происходит пересечение предмета данных экспертиз (за счет совмещения понятий и категорий), эксперты рассматривают один объект и сходные критерии с позиций разных подходов: лингвист — в русле общей логики изложения текста, функциональности, специфики жанра и стиля закона, юрист — с точки зрения юридической (законодательной) техники.

В силу предметной интерпретации одно и то же средство может быть оценено по-разному: с юридической точки зрения — как необходимый юридико-технический прием создания предписания и дань традиции оформления правового текста, с учетом компетенций лингвистов — как ошибка или недочет. Примеры из текстов законов, а также дискуссии на тему качества современных законов свидетельствуют о том, что на практике рекомендации лингвистов не всегда используются в достаточной мере, а выводы, полученные в результате лингвоэкспертного исследования, в частности о различии обыденного (буквального) и терминологического толкования, могут не совпадать с правовым подходом к функциональности и необходимости тех или иных средств.

Библиографический список

Аркаева К. А. О когнитивном искажении при интерпретации нормы права в аспекте ее лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2023. № 30.

Батюшкина М. В. К вопросу о значении лингвистической экспертизы проектов законодательных актов для развития русского языка как государственного языка Российской Федерации // Шестой пермский конгресс ученых-юристов : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 16–17 октября 2015 г.) / отв. ред. О. А. Кузнецова. Пермь, 2015.

Батюшкина М. В. О лингвистической экспертизе законопроектов // Журнал российского права. 2016. № 4.

Батюшкина М. В. Лингвистическая экспертиза законопроектов: объект, предмет и задачи // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (184).

Батюшкина М. В. Лингвистические экспертизы в юридическом дискурсе: виды и аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2.

Батюшкина М. В. Дискурсивные доминанты законотворчества: монография / под ред. М. В. Горбаневского. М., 2022.

Белов С. А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 2.

Белоконь Н. В. Лингвистическая экспертиза законопроекта: стратегические направления и перспективы развития // Юридическая техника. 2015. № 9.

Ващенко Ю. С. Специфика восприятия и понимания филологического способа толкования норм права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2.

Ващенко Ю. С. Филологическое толкование норм права : дисс. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2002.

Виноградов Т. П. Экспертиза законопроектов в России: современное состояние и пути развития // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12.

Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997.

Галяшина Е. И. Актуальные проблемы антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов // Язык. Право. Общество : сб. статей Всерос. научно-практич. конф. / под ред. О. В. Барабаш. Пенза : Пензенский гос. ун-т, 2013.

Голев Н. Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории : учебное пособие. Кемерово, 2021.

Голев Н. Д., Иркова А. В. Неполная юридизация лексики текста закона как лингвистическая и лингво-юридическая проблема // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86.

Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 32 с.

Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. 2-е изд., пересмотр. М., 2010.

Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. 2023. № 27 (38).

Исаков В. Б. Язык права // Юрислингвистика. 2000. № 2.

Калинина Н. А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы: на примере работы Правового упр. Аппарата Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации : науч.-практ. пособие. М., 1997.

Киянова О. Н. Проблемы совершенствования законодательства (о языке законодательного акта) // Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы. Саратов, 2022.

Крюкова Е. А. Язык и стиль законодательных актов : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Кушнерук С. П. Документная лингвистика : учеб. пособие; 7-е изд., стереотип. М., 2016.

Маслов Н. А. Нормотворческая юридическая техника : учебное пособие. Иркутск, 2023.

Назаренко Г. В., Ситникова А. И. Законодательно-текстологическая экспертиза уголовно-правовых законопроектов // Юридическая техника. 2022. № 16.

Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1972.

Плотникова А. М. Документный текст как объект судебной лингвистической и автороведческой экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2016. № 1 (30).

Прохоров П. В. Мониторинг законодательных ошибок: юридико-технические аспекты // Юридический вестник. Издание Совета Федерации. 2009. № 3–4.

Славская Н. В. Значение языка российского законодательства в современной законотворческой деятельности // Государство и право в XXI веке. 2014. № 1.

Туралин В. Ю. Актуальность проведения лингво-юридических экспертиз региональных законопроектов // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 12.

Туралин В. Ю., Кутько В. В., Польская В. А. Сущность лингвистической экспертизы // Проблемы научной мысли. 2023. Т. 7. № 3.

Ушаков А. А. Право, язык, кибернетика // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2.

Хабибулина Н. И. Политико-правовые проблемы семиотического анализа языка закона: теоретико-методологическое исследование : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001.

Чернышова Т. В. Особенности взаимодействия естественного и юридического языка в юридической практике (конструкция на основе сочинительной связи с союзом *и* как объект лингвистической экспертизы) // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. 2004. № 5.

Чернышова Т. В. Официально-деловая речь: внутристилевая дифференциация // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 3 (19).

Чернышова Т. В. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов // Филология и человек. № 2. 2016.

Список источников

О государственном языке Российской Федерации : Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ // Российская газета. 07.06.2005. № 120.

О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» : Федеральный закон от 28.02.2023 № 52-ФЗ // Российская газета. 02.03.2023. № 45.

О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и о признании утратившим силу положения пункта 1 Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О внесении изменений в Регламент Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» : Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 10.06.2005 № 1978-IV ГД // Собрание законодательства РФ. 20.06.2005. № 25, ст. 2480.

Методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов. М., 2013. URL: <http://pravo.gov.ru/media/files/9Sc61P4yf42i9INdk8GHYItzqb3hwMEF.pdf>

References

Arkaeva K. A. *O kognitivnom iskazhenii pri interpretatsii normy prava v aspekte yeye lingvisticheskoy ekspertizy*. [On cognitive distortion when interpreting a rule of law in the aspect of its linguistic examination]. In: *Yurislingvistika*. [Jurislinguistics]. 2023. No. 30.

Batyushkina M. V. *K voprosu o znachenii lingvisticheskoy ekspertizy proyektov zakonodatel'nykh aktov dlya razvitiya russkogo yazyka kak gosudarstvennogo yazyka Rossiyskoy Federatsii*. [On the issue of the importance of linguistic examination of draft legislative acts for the development of the Russian language as the state language of the Russian Federation]. In: *Shestoy permskiy kongress uchenykh-yuristov*. [Sixth Perm Congress of Legal Scientists: Materials of the International. scientific-practical conf. Ed. O. A. Kuznetsova. Perm, 2015.

Batyushkina M. V. *O lingvisticheskoy ekspertize zakonoprojektov*. [On the linguistic examination of draft laws]. In: *Zhurnal rossiyskogo prava*. [Journal of Russian Law]. 2016. No. 4.

Batyushkina M. V. *Lingvisticheskaya ekspertiza zakonoprojektov: ob'ekt, predmet i zadachi*. [Linguistic examination of bills: object, subject and tasks]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2017. No. 7 (184).

Batyushkina M. V. *Lingvisticheskiye ekspertizy v yuridicheskom diskurse: vidy i aspekty*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Linguistic examinations in legal discourse: types and aspects]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Kemerovo State University]. 2017. No. 2.

Batyushkina M. V. *Diskursivnyye dominanty zakonotvorchestva*. [Discursive dominants of lawmaking]. Monograph. Ed. by M. V. Gorbanevsky. Moscow, 2022.

Belov S. A. *Rol' yazyka v obespechenii ponyatnosti i opredelennosti normativnykh pravovykh aktov*. [The role of language in ensuring the clarity and certainty of normative legal acts]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. [Bulletin of St. Petersburg University]. 2022. T. 13. No. 2.

Belokon N. V. *Lingvisticheskaya ekspertiza zakonoprojekta: strategicheskiye napravleniya i perspektivy razvitiya*. [Linguistic examination of the bill: strategic directions and development prospects]. In: *Yuridicheskaya tekhnika*. [Legal technology]. 2015. No. 9.

Vashchenko Yu. S. *Spetsifika vospriyatiya i ponimaniya filologicheskogo sposoba tolkovaniya norm prava*. [Specifics of perception and understanding of the philological method of interpreting legal norms]. In: *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Vector of science of Tolyatti State University]. Series: Legal sciences. 2010. No. 2.

Vashchenko Yu. S. *Filologicheskoye tolkovaniye norm prava*. [Philological interpretation of legal norms Thesis of Legal. Cand. Diss. Togliatti, 2002.

Vinogradov T. P. *Ekspertiza zakonoprojektov v Rossii: sovremennoye sostoyaniye i puti razvitiya*. [Examination of draft laws in Russia: current state and development paths]. In: *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. [Constitutional and municipal law]. 2017. No. 12.

Vlasenko N. A. *Yazyk prava*. [The language of law]. Irkutsk, 1997.

Galyashina E. I. *Aktual'nyye problemy antikorrupsionnoy yuridiko-lingvisticheskoy ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i ikh proyektov*. [Current problems of anti-corruption legal and linguistic examination of normative legal acts and their projects]. In: "Yazyk. Pravo. Obshchestvo". ["Language. Right. Society"]. Ed. by O. V. Barabash. Penza. University, 2013.

Golev N. D. *Yurislingvistika. Vvodnyy ocherk teorii*. [Jurislinguistics. Introductory essay on the theory]. Kemerovo, 2021.

Golev N. D., Irkova A. V. *Nepolnaya yuridizatsiya leksiki teksta zakona kak lingvisticheskaya i lingvo-yuridicheskaya problema*. [Incomplete juridicalization of the vocabulary of the text of the law as a linguistic and linguistic-legal problem].

In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State University]. 2023. No. 86.

Gubaeva T. V. *Slovesnost' v yurisprudentsii*. [Literature in jurisprudence]. Abstract of Doct. Law. Diss. Moscow, 1997.

Gubaeva T. V. *Yazyk i pravo. Iskustvo vladeniya slovom v professional'noy yuridicheskoy deyatel'nosti*. [Language and law. The art of speaking in professional legal practice]. Moscow, 2010.

Davydova M. L. *Yazykovyye pravila yuridicheskoy tekhniki: razumnost', obyazatel'nost', effektivnost'*. [Linguistic rules of legal technology: reasonableness, bindingness, efficiency]. In: *Yurisljngvistika*. [Jurislinguistics]. 2023. No. 27 (38).

Isakov V. B. *Yazyk prava*. [Language of law]. In: *Yurisljngvistika*. [Jurislinguistics]. 2000. No. 2.

Kalinina N. A. *Lingvisticheskaya ekspertiza zakonoprojektov: opyt, problemy i perspektivy: na primere raboty Pravovogo upravleniya Apparata Gosudarstvennoy Dumy Federeral'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii*. [Linguistic examination of bills: experience, problems and prospects: on the example of the work of the Legal Department of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Moscow, 1997.

Kiyanova O. N. *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva (o yazyke zakonodatel'nogo akta)*. [Problems of improving legislation (on the language of a legislative act)]. In: *Prava cheloveka i politika prava v XXI v.: perspektivy i vyzovy*. [Human rights and legal policy in the 21st century: prospects and challenges]. Saratov. 2022.

Kryukova E. A. *Yazyk i stil' zakonodatel'nykh aktov*. [Language and style of legislative acts]. Abstract of Legal. Cand. Diss. Moscow, 2003.

Kushneruk S. P. *Dokumentnaya lingvistika*. [Documentary linguistics]. Moscow, 2016.

Maslov N. A. *Normotvorcheskaya yuridicheskaya tekhnika*. [Rule-making legal technique]. Irkutsk, 2023.

Nazarenko G. V., Sitnikova A. I. *Zakonodatel'no-tekstologicheskaya ekspertiza ugovno-pravovykh zakonoprojektov*. [Legislative and textological examination of criminal legal bills]. In: *Yuridicheskaya tekhnika*. [Legal technology]. 2022. No. 16.

Pigolkin A. S. *Teoreticheskiye problemy pravotvorcheskoy deyatel'nosti v SSSR*. [Theoretical problems of law-making activity in the USSR]. Abstract of Doct. Law. Diss. Moscow, 1972.

Plotnikova A. M. *Dokumentnyy tekst kak ob'yekt sudebnoy lingvisticheskoy i avtorovedcheskoy ekspertizy*. [Documentary text as an object of forensic linguistic and author-editing examination]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of Volgograd State University]. 2016. No. 1 (30).

Prokhorov P.V. *Monitoring zakonodatel'nykh oshibok: yuridiko-tekhnicheskiye aspekty*. [Monitoring legislative errors: legal and technical aspects]. In: *Yuridicheskiy vestnik. Izdaniye Soveta Federatsii*. [Legal Bulletin. Publication of the Federation Council]. 2009. No. 3-4.

Splavskaya N.V. *Znachenie yazyka rossiyskogo zakonodatel'stva v sovremennoy zakonotvorcheskoy deyatel'nosti*. [The importance of the language of Russian legislation in modern lawmaking]. In: *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*. [State and law in the XXI century]. 2014. No. 1.

Turanin V.Yu. *Aktual'nost' provedeniya lingvo-yuridicheskikh ekspertiz regional'nykh zakonoproektov*. [Relevance of carrying out linguistic and legal examinations of regional bills]. In: *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*. [State power and local self-government]. 2008. No. 12.

Turanin V.Yu., Kutko V.V., Polskaya V.A. *Sushchnost' lingvisticheskoy ekspertizy*. [The essence of linguistic expertise]. In: *Problemy nauchnoy mysli*. [Problems of scientific thought]. 2023. T. 7. No. 3.

Ushakov A.A. *Pravo, yazyk, kibernetika*. [Law, language, cybernetics]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy*. [News of higher educational institutions]. 1991. No. 2.

Khabibullina N.I. [Political and legal problems of semiotic analysis of the language of law: theoretical and methodological research]. Abstract of Doct. Law. Diss. St. Petersburg, 2001.

Chernyshova T.V. *Osobennosti vzaimodeystviya yestestvennogo i yuridicheskogo yazyka v yuridicheskoy praktike (konstruktsiya na osnove sochinitel'noy svyazi s soyuzom i kak ob'yekt lingvisticheskoy ekspertizy)*. [Features of the interaction of natural and legal language in legal practice (construction based on a coordinative connection with a conjunction and as an object of linguistic examination)]. In: *Yurilingvistika-5: Yuridicheskiye aspekty yazyka i lingvisticheskiye aspekty prava*. [Jurilinguistics-5: Legal aspects of language and linguistic aspects of law]. Ed. by N.D. Golev. 2004. No. 5.

Chernyshova T.V. *Ofitsial'no-delovaya rech': vnutristilevaya differentsiatsiya*. [Official business speech: intra-style differentiation]. In: *Vestnik Permskogo universiteta*. [Bulletin of Perm University]. 2012. Is. 3 (19).

Chernyshova T.V. *Prikladnyye aspekty izucheniya ofitsial'no-delovoy kommunikatsii: printsipy otsenki delovykh tekstov*. [Applied aspects of studying official business communication: principles for assessing business texts]. In: *Filologiya i chelovek*. [Philology & Human]. 2016. No. 2.

List of sources

O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 01.06.2005 № 53-FZ. [On the state language of the Russian Federation: Federal

Law of 06.01.2005 No. 53-FZ]. In: *Rossiyskaya Gazeta*. [Russian newspaper]. 06.07.2005. No. 120.

O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii": Federal'nyy zakon ot 28.02.2023 № 52-FZ. [On amendments to the Federal Law "On the State Language of the Russian Federation": Federal Law dated February 28, 2023 No. 52-FZ]. In: *Rossiyskaya Gazeta*. [Russian newspaper]. 02.03.2023. No. 45.

O vnesenii izmeneniy v Reglament Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii i o priznanii utrativshim silu polozeniya punkta 1 Postanovleniya Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii "O vnesenii izmeneniy v Reglament Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii": Postanovleniye Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii ot 10.06.2005 № 1978-IV GD. [On introducing amendments to the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation and on invalidating the provisions of paragraph 1 of the Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation "On introducing amendments to the Rules of Procedure of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation": Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated 10.06. 2005 No. 1978-IV GD]. In: *Sobraniye zakonodatel'stva RF*. [Collection of legislation of the Russian Federation]. 06.20.2005. No. 25, art. 2480.

Metodicheskiye rekomendatsii po lingvisticheskoy ekspertize zakonoprojektov. [Methodological recommendations for linguistic examination of bills]. Moscow, 2013. URL: <http://pravo.gov.ru/media/files/9Sc61P4yf42i9INdk8GHYItzqb3hwMEF.pdf>

ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ СЛОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ

Д. А. Бабак, С. А. Осокина

Ключевые слова: медицинский текст, устойчивый оборот, фразеологизм, клише.

Keywords: medical text, stable word combinations, phraseological unit, cliché.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–08

Медицинские тексты представляют собой особый объект лингвистического изучения, поскольку, являясь текстами узкой профессиональной тематики с ярко выраженными характеристиками научного стиля, считаются «жизненно необходимыми» текстами, с которыми приходится иметь дело среднему носителю языка, не обладающему специальными медицинскими знаниями. Одной из отличительных особенностей медицинских текстов является наличие большого количества устойчивых сочетаний слов, повторяющихся во многих текстах и имеющих в связи с этим черты фразеологических единиц, устойчивых оборотов и клише. Устойчивые сочетания в медицинских текстах выступают, скорее, не в качестве средств выразительности, призванных сделать медицинские тексты более яркими, а отражают вырабатываемую годами речевую культуру, направленную на максимальную точность передачи информации во избежание многозначности и инотолкования, поскольку от точности передачи сообщения в данном случае может зависеть здоровье человека.

Цель данной работы — определить специфику употребления устойчивых сочетаний слов в медицинских текстах на английском языке. В задачи входит анализ имеющихся классификаций устойчивых сочетаний слов и определение языковых характеристик устойчивых сочетаний слов, встречающихся в текстах медицинской тематики на английском языке, а также определение специфики их употребления.

Основные методы исследования: стилистический анализ текста, лексико-семантический и синтаксический анализ сочетаний слов, количественный и статистический анализ употребления сочетаний слов в текстах.

Источником отбора материала для данной статьи послужили инструкции к медицинским препаратам и статьи на английском языке,

опубликованные в Интернете на сайтах International Journal of Medical and Health Research и Difficult Airway Society, общим объемом около 50 тысяч печатных знаков. Для непосредственного анализа отобрано 65 устойчивых сочетаний слов.

Анализу специфики медицинского текста посвящено достаточное количество работ. В частности, А. Г. Ягенич подчеркивает прескриптивность медицинских текстов и важность представленной в них фактуальной информации, при этом в качестве медицинских текстов рассматриваются научные монографии и диссертации по медицине [Ягенич, 2023]; С. Ф. Галкина изучает жанровые характеристики медицинских текстов на материале амбулаторной карты пациента [Галкина, 2017]. Анализ стилистических и структурных черт медицинских текстов показывает их принадлежность к научному стилю, однако имеются и черты, свойственные документным текстам, и более узко — текстам технической документации (обзор публикаций представлен в работе [Бабак, 2022, с. 27–31]). Стилистическая и жанровая неоднородность медицинских текстов объясняется тем, что к «медицинским» текстам исследователи причисляют довольно разнообразные тексты, начиная от научных трудов и инструкций к медицинским препаратам и заканчивая выписками, рецептами, амбулаторными картами — включая все, что так или иначе имеет отношение к медицине и здоровью человека. Видимо, этим объясняется достаточно широкий подход к определению сущности медицинского текста как публикации, в том числе «частного характера», содержащей информацию о здоровье человека [Пономаренко, Мишутинская, Злобина, 2018, с. 10]. Поскольку в настоящей работе не планируется изучение жанровых и собственно текстовых свойств данных публикаций, такое определение медицинского текста является вполне приемлемым, так как во всех возможных медицинских публикациях встречаются (и регулярно повторяются в текстах разной жанровой принадлежности) устойчивые сочетания слов, являющиеся объектом рассмотрения в настоящей статье.

Под устойчивыми сочетаниями в широком смысле в отечественном языкознании понимаются сочетания, отличающиеся семантической целостностью, связанной с традиционностью их употребления в определенных контекстах (стилях, жанрах), закрепленностью формы и значения. В научных публикациях нет единого мнения относительно определения «устойчивого сочетания слов» как отдельного понятия. В определенном смысле устойчивое сочетание слов можно рассматривать как синоним понятию «фразеологический оборот» или «фразеологизм», «идиома», но необходимо уточнить степень устойчивости и признаки, по которым определяется устойчивость того или иного выражения.

В частности, мнения, что термин «фразеологизм» может использоваться в качестве общего наименования для семантически связанных сочетаний слов, придерживается В. Н. Телия. В качестве критериев связности она выделяет постоянство лексического состава фразеологических единиц и устойчивость грамматической структуры, которая проявляется в том, что данные сочетания не строятся по установленным в языке правилам комбинаторики, а воспроизводятся в фиксированном виде [Телия, 1998, с. 559–560]. Критерий семантической цельности, или «идиоматичности», также выдвигается в качестве основополагающего при определении фразеологических единиц в работе А. И. Смирницкого [Смирницкий, 1998, с. 145].

Еще одним критерием отграничения фразеологических единиц от свободных сочетаний слов считается «переосмысленность» семантики слов в составе фразеологизма, то есть употребление слов не в своих прямых значениях, что приводит к тому, что значения фразеологизмов не складываются из значений составляющих их слов [Кузнецов, 2008]. Однако практический языковой материал показывает, что и сочетания слов, не отличающиеся переосмысленностью входящих в их состав лексем, могут функционировать как вполне устойчивые, фиксированные по своему лексическому составу и грамматическому оформлению устойчивые единицы, например, *государственная клиническая больница, медикаментозное лечение, симптомы COVID-19, высокое артериальное давление*. Таким образом, переосмысленность компонентов в составе фразеологизмов не может быть ведущим критерием обоснования их устойчивости.

Крупнейший специалист по фразеологии английского языка А. В. Кунин отмечает, что для фразеологических единиц свойственна «немоделированность» в структурном и семантическом плане, что влечет «закономерные зависимости словесных компонентов» [Кунин, 1996, с. 25]. Соответственно, важным критерием определения устойчивости фразеологических единиц является их семантическая слитность. Данный критерий наиболее сложен для осмысления, поскольку предполагает присутствие взаимосвязанных и взаимопредопределяющих друг друга сем в лексической структуре слов, входящих в устойчивое сочетание, но наличие таких взаимосвязанных сем не всегда очевидно. С другой стороны, практически невозможно представить себе сочетание слов, состоящее из лексем, в семантической структуре которых нельзя было бы найти пересекающиеся смысловые элементы. Например, совершенно очевидно, что у слов, входящих в сочетание *пить чай*, которое можно квалифицировать как свободно сконструированное словосочетание, име-

ются взаимозависимые семантические компоненты (в частности, сема «жидкость» имеется и в глаголе *пить*, и в существительном *чай*), а такое сочетание как *пить пол*, в состав которого входят слова, не имеющие пересекающихся сем, в принципе не может появиться в речи.

Следующий критерий выделения устойчивых сочетаний слов — «фиксированность» их лексико-грамматического состава. Данная черта более характерна для переосмысленных, или образных, фразеологизмов, приближающихся по своим свойствам к тропам и фигурам речи, в то время как фразеологизмы с непереосмысленными компонентами (лексемами) в своем составе могут функционировать более свободно в плане возможности изменения грамматической структуры сочетания в целом. Подробный анализ лингвистических подходов к трактовке устойчивых сочетаний слов и их сущности позволяет констатировать, что при определенной системе доказательств и способов лингвистической интерпретации терминов устойчивыми сочетаниями слов можно считать и аналитические грамматические формы (например, *буду читать*), и составные числительные (например, *двадцать пять*), и стереотипные выражения, выделяемые Ю. Н. Карауловым, такие как *купить хлеба* или *выучить уроки* [Осокина, 2015, с. 110-111]. Основным критерием отнесения таких непохожих друг на друга выражений к ряду устойчивых сочетаний является наличие в составе сочетания двух и более слов и повторяемость таких сочетаний слов в различных текстах, трактуемая как «воспроизводимость».

Одной из задач в области фразеологических исследований является построение классификаций устойчивых сочетаний слов. В отечественном языкознании классической считается классификация фразеологических единиц В. В. Виноградова [Виноградов, 1977, с. 13], на которую опираются многие последующие классификации устойчивых сочетаний слов. Благодаря классификации В. В. Виноградова были выявлены межъязыковые особенности фразеологических единиц, например, фразеологизмы первого класса (фразеологические «сращения») присутствуют и в русском, и в английском языках.

В частности, с учетом классификации В. В. Виноградова структурируются типы устойчивых сочетаний слов в работе М. О. Юнусовой, которая положена в основу дальнейшего анализа в данной статье, поскольку разработана на материале английского языка с учетом его особенностей [Юнусова, 2016]. Согласно М. О. Юнусовой, к устойчивым сочетаниям можно отнести:

1) идиомы, обладающие семантической слитностью, которая формируется на основе переосмысленности компонентов устойчивого со-

четания (значение таких фразеологизмов не выводится из составляющих их слов и воспринимается как единое целое; данные сочетания могут быть метафоричными по природе, но со временем метафоричность может утрачиваться);

2) сочетания слов, представляющие собой термины определенной сферы знания;

3) так называемые фразеологические сказуемые и фразовые глаголы, характерные конкретно для английского языка;

4) вводные конструкции.

Представленные виды устойчивых сочетаний М. О. Юнусова называет фразеологизмами первого (идиомы), второго (терминологические выражения), третьего (фразовые глаголы и сказуемые) и четвертого (вводные конструкции) порядка соответственно [Юнусова, 2016].

Представленная классификация эффективна для описания устойчивых оборотов, встречающихся в научно-технических текстах на английском языке, в частности медицинских текстов, поскольку позволяет расширить спектр изучаемых устойчивых английских сочетаний, включив в них сложные глагольные формы и вводные конструкции, характерные для анализируемых англоязычных медицинских текстов. В целом данная классификация отражает распределение устойчивых сочетаний слов английского языка на группы в зависимости от степени слитности и переосмысленности слов, входящих в состав данных сочетаний, где фразеологизмами первого порядка являются сочетания слов с наибольшей степенью переосмысленности, а фразеологизмы четвертого порядка практически не содержат употребляемых в переносном значении слов, но воспроизводятся в текстах в фиксированном виде, что свидетельствует об их устойчивости.

Идиомы, или фразеологизмы первого порядка, встречаются в проанализированных текстах крайне редко, поскольку эмоциональная окраска и метафорическая образность не свойственна медицинским текстам, хотя исследователи отмечают, что для научных медицинских текстов на английском языке характерна большая экспрессивность по сравнению с текстами на русском языке [Меньшенина, 2022]. Собственно идиомами можно признать такие сочетания, как *the English disease (пахим)*, *Achilles Heel (ахиллесова пята, или тендинит ахиллова сухожилия)*, *belly button (пупок)*. Применительно к данным примерам можно говорить о невыводимости значений оборотов из состава входящих в них слов.

Наиболее часто в медицинских текстах встречаются фразеологизмы второго порядка, представляющие собой терминологические выражения. Необходимо отметить, что в состав медицинских терминологических сочетаний часто входят отдельные переосмысленные слова

(что характерно и для терминологии других отраслей знаний). Например, в сочетаниях *urinary tract* (мочеиспускательный канал), *respiratory tract* (дыхательные пути), *mental disorder* (психическое расстройство), *blood vessels* (кровеносные сосуды) метафорически переосмысливаются слова *tract*, *disorder*, *vessels* (и соответствующие русские слова *канал*, *пути*, *расстройство*, *сосуды*), но имена прилагательные сохраняют прямые значения.

При сопоставлении сочетаний в английском и русском языках обнаруживается, что не всегда слово, использованное в переносном значении в одном языке, имеет переносное значение в аналогичном сочетании слов и в другом языке, например, слово *ткань* в русском сочетании *повреждение тканей* имеет переносное значение, а в аналогичных английских сочетаниях *tissue damage* или *tissue injury* слово *tissue* употребляется в прямом значении «система однородных клеток» (прямое соответствие русскому слову *ткань* в первом значении в английском языке — *textile*). Аналогично слово *fracture* в сочетании *multiple fractures* (множественные переломы) имеет прямое значение «перелом кости», в то время как русское слово *перелом* в составе медицинских терминов является переосмысленным и в первом значении соответствует английскому *break*.

Экспрессивность в принципе может присутствовать в английских медицинских текстах, но ограничено. Доминирующей является количественная экспрессивность (*most essential*, *much less limited* и т.д.) [Пономаренко, Мишутинская, Злобина, 2018]. Также переосмысленные образные сочетания используются для обозначения ярких внешних признаков заболевания. Например, *Cri-du-chat* (*cat's cry*) *syndrome* — синдром кошачьего крика, *restless legs syndrome* — синдром беспокойных ног.

Медицинские термины имеют свои особенности: сочетания, как правило, номинативного характера, состоящие из слов общего запаса литературного языка, в медицинских текстах становятся устойчивыми терминологическими выражениями, например: *high blood pressure* (высокое кровяное давление), *a blood clot* (тромб), *heart attack* (инфаркт), *complete heart block* (полная блокада сердца).

К фразеологизмам III порядка относится употребление фразеологических сказуемых и фразовых глаголов, значение которых отличается от исходного значения глагола. Фразеологическое сказуемое — фразеологический оборот с главным словом — глаголом — в спрягаемой форме, который является одним членом предложения и не делится на части; такой фразеологизм можно заменить одним словом-синонимом. Примерами фразеологических сказуемых могут служить: *to take (someone's) pulse*, *to take (someone's) temperature* (измерить пульс / температуру); *to conduct*

a medical examination (проводить медицинское обследование). Фразовый глагол — это сочетание глагола с предлогом или наречием либо одновременно с обеими указанными частями речи, которое является одним членом предложения и тем самым образует цельную семантическую конструкцию [Амосова, 1963]. Фразовые глаголы особенно часто встречаются в английском языке и имеют значение, весьма отличное от значения основного глагола. Примеры фразовых глаголов в составе медицинских устойчивых сочетаний слов: *to carry out an analysis / medical tests* (проводить медицинский анализ); *shut down* (остановиться, прекратить функционировать), *pass out* (потерять сознание), *rub down* (массировать, втирать), *to come down with* (подхватить, заболеть), *to wear off* (ослабевать), *to come to/round* (прийти в себя), *to cheer up* (приободриться).

Фразеологизмы IV порядка — клише, вводные конструкции, шаблонные фразы — также часто встречаются в медицинских текстах. Клишированные фразы представляют собой «готовые», воспроизводимые единицы языка. В узком смысле клише — это только фразеологизмы, а в широком — морфемы, слова, грамматические конструкции [Рождественский, 1970, с. 213]. Клише представляет собой речевой оборот или штамп, который легко воспроизвести в определенных условиях и в определенном контексте. Клише необходимы и составляют основу любого профессионального языка [Толопило, 2018].

К фразеологизмам, представляющими собой медицинские клише, можно отнести устойчивые сочетания, которые повторяются в медицинских текстах без каких-либо изменений, например: *conditions of storage* (условия хранения); *shelf life* (срок годности); *conditions of supply of pharmacies* (условия отпуска из аптек); *keep out of reach of children* (хранить в недоступном для детей месте); *keep cool. Protect from sunlight* (держат в прохладном месте. Беречь от солнечных лучей); *read instructions/label before use* (перед использованием ознакомиться с инструкцией по применению / маркировкой продукта), *do not use after the expiry date* (не использовать после истечения срока годности); *store in the original container* (хранить в оригинальной упаковке), *over-the-counter medicine* (лекарство, отпускаемое без рецепта). Употребление клише наиболее всего характерно для текстов инструкций к медицинским препаратам. В состав клише, как правило, входят слова в своих прямых значениях, однако данные сочетания слов воспроизводятся в «готовом виде» с точки зрения лексического состава и грамматического оформления.

Особое место в научной медицинской литературе занимают крылатые выражения на латыни, так как большинство медицинских терминов имеют греческие и латинские корни. Например, *ab initio* — с начала,

in vitro — полученный в искусственных условиях; в искусственном окружении; в пробирке, *cito* — срочно.

При анализе медицинских текстов, рецептов и инструкций к лекарственным препаратам можно заметить, что фразеологизмы I порядка могут встретиться в разделах, описывающих симптомы, показания к применению, противопоказания, побочные действия, последствия передозировки. Также данные выражения часто встречаются в записях медицинских журналов и амбулаторных картах пациентов. Примеры: *cough and wheeze like a cat on a hot tin roof* означает «нервничать, испытывать нервное напряжение»; *ring alarm bells* — «сигнал тревоги»; *a bitter pill to swallow* — дословно «горькая пилюля, которую необходимо проглотить»; *in the dark* — «быть в неведении», *on the road to recovery* — «быть на пути к выздоровлению», *to look off colour* — «иметь нездоровый вид», *to be / feel under the weather* — «быть метеозависимым», *a charley horse* — «судорога в мышцах». Данные фразеологизмы встречаются не только в медицинских, но и иных текстах для усиления их выразительности. Например, фразеологизм *a shot in the arm* в буквальном смысле означает не «выстрел в руку», а «медицинский укол», а переносный смысл фразы означает «поддержка, стимул, воодушевление, прилив энергии»; *to be a guinea pig* означает «подопытный, человек, которого используют для проведения разных экспериментов», данная идиома соответствует русскому выражению *подопытный кролик*.

Фразеологизмы II порядка также встречаются в указанных разделах медицинских тестов, но особенно много терминов приводится в разделах, описывающих фармакологическое действие лекарственного препарата, фармакокинетику, компоненты медицинских препаратов, эффекты взаимодействия с другими препаратами. Например, названия болезней / состояний — *kidney / heart / liver failure* (почечная / сердечная / печеночная недостаточность), *stomach ulcer* (язва желудка), *bypass surgery* (шунтирование); вещества, входящие в состав, — *maize starch* (кукурузный крахмал), *magnesium stearate* (стеарат магния), *colloidal anhydrous silica* (коллоидный безводный диоксид кремния), *sucrose* (сахароза); группы препаратов — *anti-coagulants* (антикоагулянты), *ace-inhibitors* (ингибиторы АПФ), *beta-blockers* (бета-блокаторы), *corticosteroids* (кортикостероиды), *cardiac glycosides* (сердечные гликозиды).

Фразеологизмы III порядка, представляющие собой фразеологические сказуемые, чаще всего можно встретить в разделах, описывающих способы применения медицинских препаратов и дозы. Примеры: *to take tablets* (принимать таблетки); *to take into account* (принять во внимание), *to follow the prescription* (следовать предписаниям врача).

В конце инструкций к медицинским препаратам обычно употребляются фразеологизмы IV порядка — зафиксированные стандартизированные клишированные конструкции, которые обязательны в такого рода медицинских текстах.

Количественный подсчет устойчивых сочетаний I, II, III, IV порядка в проанализированном материале показывает, что наиболее многочисленным классом устойчивых сочетаний слов медицинской тематики являются фразеологизмы II порядка, представляющие собой терминологические выражения, большинство из которых — названия болезней и симптомов, содержащие слова латинского и греческого происхождения. Второй по численности класс составляют фразеологизмы III порядка, представляющие собой фразеологические сказуемые и сочетания с фразовыми глаголами. Данный класс медицинских устойчивых сочетаний слов характерен, в частности, для английского языка. Фразеологизмы I и IV порядка составляют меньшие и примерно равнозначные по количеству классы, причем клишированные обороты (фразеологизмы IV порядка) представляют собой наименьший класс по количеству входящих в него сочетаний слов. Количественные значения, отражающие соотношение классов устойчивых сочетаний слов, отражены в диаграмме 1.

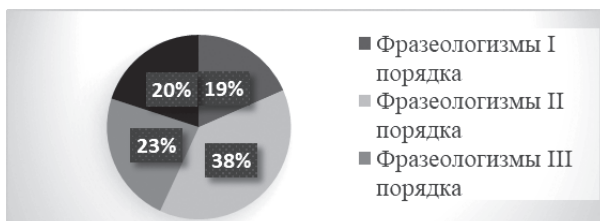

Диаграмма 1. Соотношение фразеологизмов I, II, III, IV порядка в изученном материале

Однако анализ частотности употребления устойчивых сочетаний слов данных классов в проанализированном текстовом материале свидетельствует, что в текстах более часто употребляются сочетания IV порядка — клишированные обороты, воспроизводящиеся в медицинских текстах без изменений. Данные о частотности употребления устойчивых сочетаний каждого класса приведены в диаграмме 2. Анализ показал, что самый высокий процент частотности у фразеологизмов IV порядка.

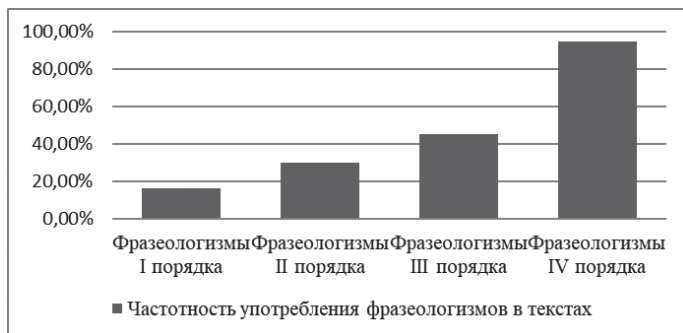

Диаграмма 2. Частотность употребления фразеологизмов в текстах

Несмотря на свою относительную малочисленность с точки зрения количества, клишированные сочетания слов являются наиболее часто употребляемыми в медицинских текстах. Именно за счет употребления клише медицинские тексты приобретают черты стандартизированных документов, характерных для текстов технической документации.

Таким образом, проделанный анализ позволил прийти к следующим выводам:

1. Устойчивые сочетания довольно часто употребляются в медицинских текстах и в целом соответствуют языковым характеристикам устойчивых сочетаний, используемых в текстах иной тематики. Частое употребление устойчивых терминологических выражений и шаблонных фраз в медицинских текстах способствует их восприятию как специфических медицинских фразеологизмов, тем самым достигается и некая стандартизация медицинских текстов.

2. Медицинские фразеологизмы в английском языке можно разделить на классы в зависимости от степени слитности и переосмысленности слов, входящих в состав фразеологизмов. При этом необходимо подчеркнуть, что степень слитности и переосмысленности довольно трудно оценивать по какому-либо внешнему критерию, поэтому сложно провести четкие границы между выделенными классами при анализе конкретных примеров. В качестве варианта такого критерия можно предложить количество слов, употребленных в переносном значении в составе фразеологизма, где к фразеологизмам первого порядка должны относиться выражения, все слова в составе которых употребляются в переносном значении, к фразеологизмам второго порядка — сочетания с одним словом в переносном значении и так далее. Однако такое формальное правило не всегда работает, вследствие чего необходимо использовать дополнительные классифицирующие признаки, например, функционирующая

ние сочетания слов в качестве термина. Стоит отметить, что переосмысленные фразеологизмы, которые начинают функционировать в качестве терминов из-за устойчивости их формы и воспроизводимости, со временем могут терять образность.

3. Соотношение фразеологизмов между собой показало, что большую долю по сравнению с остальными занимают фразеологизмы II порядка, представленные терминами и терминологическими выражениями. Фразеологизмы I порядка, которые представляют собой идиомы, мало характерны для научного стиля, поэтому достаточно редки в медицинских текстах. Фразеологизмы III порядка (фразовые глаголы и фразеологические сказуемые) специфичны для англоязычных текстов; они отражают черты, более характерные для разговорного, нежели для научного стиля, однако в текстах медицинских статей данные сочетания слов встречаются довольно часто. Устойчивые сочетания IV порядка, представляющие собой клише, придающие медицинским текстам стандартизированный характер, составляют наименьший в количественном отношении класс фразеологизмов, но наиболее часто употребляющийся в текстах.

Проведенное исследование устойчивых сочетаний слов в медицинских текстах на английском языке имеет практическую значимость для разработки глоссариев и систем автоматизированного перевода медицинской документации с русского языка на английский и в обратном направлении.

Библиографический список

Бабак Д. А. Особенности перевода медицинских текстов // Филология — XXI век: проблемы, перспективы, новации в науке и образовании: материалы научно-практического семинара кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка «Воробьевские чтения — 2021»: сборник научных статей // Алтайский государственный университет / под ред. Т. В. Чернышовой. Барнаул. 2022. Вып. 3.

Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.

Галкина С. Ф. Институциональный медицинский текст: опыт лингвистического анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-2 (78).

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М., 1996.

Меньшенина И. А. Лингвистические особенности научной медицинской статьи на английском языке // Ученые записки Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. 2022. Т. 35.

Осокина С. А. Лингвистическая теория тезауруса: исходные основания. Барнаул, 2012.

Пономаренко Л. Н., Мишутинская Е. А., Злобина И. С. Лингвостилистические особенности медицинских текстов в переводческом аспекте // Гуманитарная парадигма. 2018. № 1 (4).

Рождественский Ю. В. Что такое «теория клише»: предисловие // Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М., 1998.

Телия В. Н. Фразеологизм // Большой энциклопедический словарь (БЭС) «Языкознание». М., 1998.

Толопило М. В. Психолингвистические функции клише: текстоформирующий и чувствообразующий фактор перевода // Вестник Марийского государственного университета. 2018. № 4 (32).

Юнусова М. О. Фразеологизмы в научных текстах на английском языке // Актуальные вопросы филологических наук : материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2016 г.). Казань, 2016. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/232/11152/>

Ягенич Л. В. Медицинский текст в синхронии и диахронии: семантика, прагматика, структура. Симферополь, 2023.

Difficult Airway Society. URL: <https://das.uk.com/>

International Journal of Medical and Health Research. URL: <http://www.medicalsciencejournal.com/>

References

Babak D. A. *Osobennosti perevoda medicinskih tekstov*. [Features of translation of medical texts]. IN: *Filologiya — XXI vek: problemy, perspektivy, novicii v nauke i obrazovanii*. [Philology — XXI century: problems, prospects, innovations in science and education]. Ed. by T. V. Chernyshova. Barnaul. 2022. Iss. 3.

Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya*. [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, 1977.

Galkina S. F. *Institucional'nyj medicinskij tekst: opyt lingvisticheskogo analiza*. [Institutional medical text: the experience of linguistic analysis]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2017. No. 12-2 (78).

Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka*. [The course of phraseology of modern English]. Moscow — Dubna, 1996.

Men'shenina I. A. *Lingvisticheskie osobennosti nauchnoj medicinskoj stat'i na anglijskom yazyke*. [Linguistic features of a scientific medical article in English]. In: *Uchenyye zapiski Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta imeni P. M. Masherova*. [Scientific notes of Vitebsk State University named after P. M. Masherov], 2022. T. 35.

Osokina S.A. *Lingvisticheskaya teoriya tezaurusa: iskhodnye osnovaniya* [Linguistic theory of thesaurus: initial foundations]. Barnaul, 2012.

Ponomarenko L. N., Mishutinskaya E. A., Zlobina I. S. *Lingvisticheskiye osobennosti medicinskih tekstov v perevodcheskom aspekte*. [Linguostylistic features of medical texts in the translation aspect]. In: *Gumanitarnaya paradigma*. [Humanitarian paradigm]. 2018. No. 1 (4).

Rozhdestvenskij Yu. V. *Chto takoe "teoriya klishe"*. [What is the "cliche theory"?]. In: Permyakov G. L. *Ot pogovorki do skazki*. [From a proverb to a fairy tale]. Moscow, 1970.

Smirnickij A. I. *Leksikologiya anglijskogo yazyka*. [Lexicology of the English language]. Moscow, 1998.

Teliya V. N. *Phraseologism // Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' (BES) "Yazykoznanie"*. [The Great Encyclopedic Dictionary (BES) "Linguistics"]. In: *Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya*. [The Great Russian Encyclopedia]. 1998.

Topililo M. V. *Psicholingvisticheskie funkcii klishe: tekstoformiruyushchij i chuvstvoobrazuyushchij faktor perevoda*. [Psycholinguistic functions of cliches: text-forming and feeling-forming factor of translation]. In: *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Mari State University]. 2018. No. 4 (32).

Yunusova M. O. *Frazeologizmy v nauchnyh tekstah na anglijskom yazyke*. [Phraseological units in scientific texts in English]. In: *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk*. [Topical issues of philological sciences]. Kazan, 2016. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/232/11152/>

Yagenich L. V. *Medicinskij tekst v sinhronii i diahronii: semantika, pragmatika, struktura*. [Medical text in synchrony and diachrony: semantics, pragmatics, structure]. Simferopol, 2023.

Difficult Airway Society. URL: <https://das.uk.com/>

International Journal of Medical and Health Research. URL: <http://www.medicalsciencejournal.com/>

ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В НЕМЕЦКИХ ТЕКСТАХ ОБЪЯВЛЕНИЙ О ВАКАНСИИ

Н. В. Кожанова

Ключевые слова: заимствования, англо-американизмы, объявления о вакансии, слоган, грамматическая категория.

Keywords: borrowings, Anglo-American borrowings, job advertisements, slogan, grammatical category.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–09

Любой язык в процессе своего развития испытывает влияние других языков. Происходит это в результате культурных, торговых, экономических и других взаимоотношений. Значительный рывок в развитии экономики, промышленности одной страны приводит к появлению связанной с этими событиями лексики в сопредельных странах. Часть подобных заимствований используется ситуативно, некоторое время, иные приживаются в другом языке и активно функционируют. Так, немецкий язык в своем историческом развитии оказывался под влиянием латинского и французского языков. Заимствования из этих языков значительно обогатили лексику немецкого языка, полностью адаптировались в лексической и грамматической системе немецкого языка и в настоящее время составляют многочисленную группу интернациональной лексики.

Во второй половине XX в. возросло мировое влияние Великобритании и США, что привело к взрывному росту заимствований из английского языка. Соответственно, к англицизмам относятся непосредственно слова английского происхождения, а к американизмам причисляются лексические единицы, возникшие в языковом пространстве Соединенных Штатов Америки. Так как американизмы образовались на базе английского языка, они получили общее название — англо-американизмы. В настоящее время количество заимствований из английского языка настолько велико, что многие немецкие лингвисты бьют тревогу и призывают изменить ситуацию и не превратить окончательно немецкий язык в *Denglisch* (*Deutsch+Englisch*), где английскому языку практически отводится главенствующая роль.

Использование английского языка обуславливается многочисленными экстралингвистическими и лингвистическими причинами. Считает-

ся, что использованное говорящим иностранное слово является более солидным, престижным для окружающих, оно представляется более модным, современным. Другой причиной использования заимствованных из английского языка слов является их простота, экономичность в употреблении, в сравнении с обилием многокомпонентных немецких лексических единиц, которые достаточно трудно запоминаются. Английские лексические единицы легко подстраиваются под существующую систему немецкой лексики. Следующей причиной может считаться отсутствие реалий в данном языке. Так, например, появление глобальной компьютерной сети Интернет в США привело к появлению соответствующего лексического пласта, который позднее был принят и используется еще сегодня во многих мировых языках, в том числе и немецком. Распространению англо-американизмов способствует также снижение использования немецкого языка в различных областях науки, экономики, туризма и СМИ; снижение заинтересованности в изучении немецкого языка во многих странах, а также возрастающая роль английского языка в различных интернациональных организациях [Омельченко, 2010].

Таким образом, нельзя не отметить большое влияние английского языка на данном этапе развития немецкого языка, что, в свою очередь, не может не вызывать интерес языковедов. Работы таких лингвистов, как М. Д. Степанова, И. Т. Ольшанский, В. Д. Девкин, Е. В. Розен, Н. В. Журавлева, Б. Карстенсен, Д. Циммер, и многих других посвящены анализу заимствований в различных сферах общественной жизни, особенно много исследований было проведено в сферах публицистики, рекламы и других средств массовой коммуникации Германии. Исследование данного вопроса может внести определенный вклад в понимание функционирования англо-американских заимствований в немецком языке. Это и определяет актуальность данного исследования.

Целью изучения стали заимствования из английского языка (англо-американизмы), которые используются авторами при составлении всех уровней немецкоязычных объявлений о вакансии — от заголовка до текста объявления в целом.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно вносит определенный вклад в изучение функционирования языковых заимствований в немецких реалиях, в частности, в таком явлении профессиональной деятельности человека, как объявления по поиску работы.

Практическая значимость определяется тем, что результаты проведенного исследования могут быть использованы в профессиональной сфере для правильного понимания и трактования немецкоязычного тек-

ста объявления о вакансии и получения представления о современных тенденциях развития немецкого языка.

Материалом для исследования послужили тексты объявлений о вакансии, размещенные на специализированных немецких сайтах *aktuelle-jobs.de* и *jobboerse.arbeitsagentur.de*. Всего были отобраны и проанализированы 125 объявлений о вакансиях, в которых имеются более 200 заимствований из английского языка (в общее количество включены и многократно повторяющиеся лексемы *team* и *manager*), и 7 текстов, полностью написанных на английском языке. В процессе работы были использованы описательный метод и контекстуальный анализ.

Многочисленные исследования показывают, что реклама стала важной составляющей жизни современного общества и считается частью общечеловеческой культуры. Реклама является особой формой вербальной и невербальной коммуникации, в которой язык используется и обрабатывается самыми различными и не всегда подходящими способами. Язык рекламы необходим в использовании специальных целей, обладает также дополнительной рекламной или аттрактивной функцией, который наряду с неязыковыми и невербальными средствами выражения облегчает восприятие рекламы на фоне современного состояния общества [Лейчик, 2006, с. 459].

Рекламный текст должен отвечать ряду требований. Он должен обладать оригинальностью, гибкостью, разнообразием, содержать новые понятия, определения, выражения, модные слова. Как следствие, возрастает потребность в новых средствах выразительности, одними из которых и является употребление большого количества англо-американизмов. Англицизмы и американизмы имеют большую эффективность в рекламной сфере и используются с целью оказания влияния как на восприятие, так и на поведение потенциальных покупателей. В большинстве случаев подобные заимствования вызывают у них только положительные ассоциации. Англо-американизмы, появляющиеся в тексте немецкой рекламы, привлекают внимание потребителей, служат для номинации новых предметов и явлений, звучат очень современно, продвинуто и в основной своей массе значительно короче немецких эквивалентов, что, в свою очередь, и добавляет тексту больше эмоциональной силы [Патрикеева, 2008].

Активное использование англо-американизмов наблюдается в текстах объявлений о вакансии, которые принято также относить к рекламным текстам. Считается, что в современный период жанр «объявление о вакансии» не только сохраняет языковые характеристики делового общения, но и приобретает основные прагматические (например,

оценочность, интерактивность, регулятивность, сигнальность) и формально-структурные характеристики рекламного текста: заголовок, слоган, иллюстрация. А это делает его избыточно маркированным, в своей прагматической функции он все больше отождествляется с рекламой [Володченкова, 2016, с. 17]. Тем более что уже с конца XX в. тексты объявлений о вакансии, кроме публикации в печатных изданиях, все чаще стали предлагаться на различных специализированных сайтах по поиску работы в сети Интернет. В современном обществе этот способ публикации объявлений о вакансии преобладает. В свою очередь, это привело к еще большему использованию рекламного компонента: тексты объявлений о вакансии стали более обширными, лексика характеризуется большей вариативностью, эмоциональностью, обязательно наличие одного, а чаще нескольких изображений, то есть все чаще используются определенные приемы для привлечения внимания читателя, претендента на вакансию, и побуждения его к действию.

Как и в обычной рекламе, которая имеет целью продвижение того или иного товара, использование заимствованной лексики в тексте объявления о вакансии повышает его экспрессивность, престижность, статусность [Черемисина, Бондаренко, 2020]. Следует отметить, что заимствования представлены не во всех сферах профессиональной деятельности, наибольшее количество случаев употребления заимствований из английского языка относится к таким областям, как высокие технологии, современные виды коммуникации, интерактивные связи и Интернет, экономика, мода, реклама. Использование заимствований из английского языка наблюдается на всех уровнях построения текста о вакансии.

В процессе анализа объявлений о вакансии были выделены три группы текстов, содержащие заимствования. Первая группа — тексты объявлений, оформленные на немецком языке, но имеющие заимствованные из английского языка лексические единицы в заголовке; вторая группа — тексты, в содержании которых используются англо-американские заимствования (лексические единицы, словосочетания); третья группа — тексты, целиком составленные на английском языке.

Во многих заголовках, которые необходимы для целей представления информации, содержащейся в основном тексте (а в текстах объявлений о вакансии они представляют собой обозначения лиц по профессии), прописываются наименования на английском языке. Это делается для того, чтобы уже на момент просмотра заголовка обратить внимание конкретных специалистов, знакомых с подобными обозначениями. Таким образом, автор текста о вакансии ограничивает круг лиц, которые

могут откликнуться на объявление и действительно подходят на замещение существующей вакансии [Достовалова, 2011], например:

Talent Acquisition Manager, Senior Consultant SAP Banking, DevOps Engineer, Business Partner Manager, SAP Support Consultant First- & Second Level, Sales Specialist mit Schwerpunkt Datacenter und Cloud Transformation, Key Account Manager, Onsite-Supporter, Solution Architect mit Schwerpunkt Datacenter und Cloud, System Engineer Administration & Support и многие другие.

Тексты второй группы характеризуются большим содержанием англо-американизмов в самом объявлении о вакансии. Это могут быть как отдельные лексические единицы, так и словосочетания, представленные полностью или частично на английском языке. Если речь идет о сложных словах, то они также либо полностью являются собой заимствованную лексическую единицу, либо один из компонентов представляет собой заимствование. Этот вид англо-американских заимствований часто встречается в текстах объявлений о вакансии. В следующем примере заимствования из английского языка подчеркнуты линией:

TQG ist ein erfolgreiches mittelständisches Beratungs- und Softwareunternehmen. Seit über 30 Jahren setzen wir Trends und Standards für strukturierte und übergreifende IT-Lösungen mit unseren Produkten wie der bewährten TQG businessApp platform® oder der TQG-LotterySuite. Unsere Mitarbeiter bringen unsere erfolgreichen Projekte weiter voran und bewegen sich dabei in Bereichen, die vom Verwaltungs-, über den technisch/medialen bis hin zum Online-Gaming-Sektor reichen. Wir suchen zum nächstmöglichen Zeitpunkt

Softwareentwickler Java (m/w/d)

Als Teil unseres hochmotivierten Scrum Teams treiben Sie die Entwicklung unserer webbasierten Standard Software TQG businessApp platform® voran. Zusammen mit Ihnen stellen wir sicher, dass unsere Kunden die Herausforderungen der digitalen Transformation souverän meistern.

Anforderungsprofil:

- *Abgeschlossenes (Fach-) Hochschulstudium, abgeschlossene Berufsausbildung zum Fachinformatiker Anwendungsentwicklung oder Sie überzeugen uns mit Ihren bisherigen Leistungen;*
- *Mindestens 2–3-jährige Berufserfahrung im Bereich der Web-Softwareentwicklung mit Java;*
- *Kommunikations- und Teamfähigkeit, eigenverantwortliches Handeln und Zuverlässigkeit;*
- *Idealerweise beherrschen Sie ein breites Spektrum der oben genannten Technologien und bringen darüber hinaus weitreichende Kenntnisse in Webtechnologien mit (JavaScript, CSS, JQuery, GWT, ...);*

- *Gutes Verständnis von relationalen Datenbanken sowie SQL-Kenntnisse;*
- *Sehr sichere Deutschkenntnisse in Wort und Schrift;*
- *Gute Englischkenntnisse in Wort und Schrift.*

Bei uns erwarten Sie:

- *Ein sicherer Arbeitsplatz bei einem Premium-Software-Hersteller*
- *30 Tage Urlaub pro Jahr*
- *Flexible Arbeitszeiten, Mobiles Arbeiten und individuelle Arbeitszeitmodelle*
- *Fachliche und persönliche Weiterbildungs- und Entwicklungsmöglichkeiten*
- *Ein persönlicher Mentor in der Einarbeitungsphase*
- *Spannende Firmenevents und -feiern*
- *Nette Kollegen und Kolleginnen sowie ein familiäres Betriebsklima*
- *Generationsübergreifende Zusammenarbeit in einem Open Office*
- *Kostenlose Angebote wie Obst, Müsli, Knabberzeug und Heiß-/Kalt-Getränke*
- *Fahrtkostenzuschuss / Jobticket*
- *Optimale Verkehrsanbindung (S-Bahn/Bahn/Bus mit 5 Min. Fußweg)*
- *Zentrale Lage sowie zahlreiche Pausenangebote, z. B. Shopping (Einkaufszentrum Mercaden), Sightseeing oder Entspannen (Motorworld, Flugfeldsee etc.) und zahlreiche Restaurants und Imbiss-Angebote in unmittelbarer Umgebung.*

В представленном выше примере немецкого текста объявления о вакансии содержится значительное количество лексических единиц, заимствованных из английского языка. Наиболее представлены существительные, появление которых в немецком языке произошло путем прямого заимствования, например: *unseres ... Scrum Teams* (Gen. / род, падеж); *mit ... der TQG-LotterySuite* (Dat. / дат. падеж); *Trends; in einem Open Office* (Dat. / дат. падеж); *Jobticket; Shopping; Sightseeing*. В тексте объявления о вакансии использованы также существительные, образованные способом частичного переноса морфем. В таком случае в немецком языке появляются сложные слова, один из компонентов которых является морфемой из английского языка, а другой — морфемой немецкого языка, и это может быть любой компонент сложного слова, например: *Firmenevents; Softwareentwickler; ein ... Beratungs- und Softwareunternehmen; zum Online-Gaming-Sektor; die Web-Softwareentwicklung; Teamfähigkeit; in Webtechnologien; bei einem Premium-Software-Hersteller*. Подобным образом сформировано прилагательное *webbasiert* (основанный на интернет-технологии, работающий в сети), где первый компонент *web-* заимствован из английского языка. В тексте объявления представлены английские прилагательные, например: *medial, digital, mobile*, а также сло-

восочетание *TQG businessApp platform* (платформа бизнес-приложений *TQG*), заимствование которых произошло путем прямого переноса. Подобные заимствованные лексические единицы сохранили свое изначальное произношение и написание (кроме начальной буквы существительных), однако приобрели основные грамматические характеристики немецкого языка.

Следует отметить нередкое использование в рекламных текстах слоганов. Слоганы либо полностью состояются на английском языке, либо содержат английские слова. Они отражают не только сущность, но и философию фирмы, а также ее корпоративную политику. Креативные составители слоганов выходят за рамки норм литературного языка, в результате чего создаются различные окказионализмы, видоизменяются устойчивые словосочетания, сознательно нарушается лексическая сочетаемость слов в слогане [Романенко, 2007]. Главное требование к слогану заключается в том, чтобы он не только был кратким и запоминающимся, но и содержал название торговой марки и легко переводился на другие языки. В отличие от слоганов в рекламном тексте, слоганы в тексте объявлений о вакансии не отделяются от общего текста, а сам текст начинается со слогана и прописывается, как правило, на немецком языке, хотя и может содержать заимствованные лексические единицы или компоненты, например:

Wir arbeiten mit Menschen für Menschen! (Мы работаем с людьми для людей!)

Wir bewegen Menschen, Menschen bewegen uns! (Мы сподвигаем к действию людей, а они нас!)

Bei ponturo machen wir unsere Kunden fit für die Zukunft! (В *ponturo* мы готовим наших клиентов к будущему!). В слогане используется английское прилагательное *fit* (англ. *годный, пригодный*), которое в немецких реалиях получило значение: *в отличной форме, здоровый* и, следовательно, внушает клиентам бодрые, позитивные, спортивные, здоровые коннотации.

Werde Teil unseres Teams! (Стань частью нашей команды!) Если можно говорить о существовании определенной моды по отношению к использованию того или иного заимствованного слова, то английское существительное *team* (англ. *команда, коллектив*) — одно из таких слов. Следует отметить, что существительное *team* с легкостью встроилось в грамматическую парадигму немецкого языка: пишется с большой буквы, как все существительные немецкого языка, имеет род и склоняется по падежам, как в данном слогане, где существительное стоит в родительном падеже и имеет окончание *-s*. Однако существительное *das Team* сохранило свое произношение по правилам английского языка.

Jetzt ein Teil von Securitas Deutschland werden! (Станьте частью Securitas прямо сейчас!) В данном слогане заимствованное обозначение *securitas* (англ. *безопасность, надежность*) используется как название известной в Германии службы безопасности.

Wir leben, lieben und liefern Better Banking und setzen Maßstäbe, die nachhaltig sind! (Мы живем, любим и обеспечиваем лучшее банковское обслуживание и устанавливаем стандарты, которые действительно устойчивы!)

В последнем примере из английского языка заимствовано понятие *Better Banking* (англ. *банковское обслуживание*), которое используется в банковской сфере и является более сокращенной версией, чем немецкий эквивалент *die Bankdienstleistung*, при этом содержит еще и описательный компонент *Better* (англ. *лучший*), подчеркивающий отличное качество данного обслуживания.

Среди англо-американизмов, которые чаще всего встречаются в текстах объявлений, на первом месте стоят имена существительные как самая выразительная часть речи. В рассматриваемых текстах объявлений о вакансии были обнаружены среди прочих следующие заимствованные из английского языка существительные:

Social-Media-Kampagne, Digitalkampagne, E-Mail, Team, Teamplayer, Business-Software, Meeting, Healthcare, Action, Marketing, E-Invoicing, IT-System-Management, Outsourcing, Frameworks, Premium-Lifestyle-Branche.

На втором месте после существительных стоят заимствованные английские прилагательные и наречия, выполняющие аттрактивную функцию. Например:

fair, digital, fit, innovativ, kontinuierlich, online, agile, detailorientiert, serviceorientiert, teamfähig, global, inklusive.

Заимствованных из английского языка глаголов в рассматриваемых текстах объявлений о вакансии обнаружено не было.

Следует заметить, что англо-американские заимствования легко наделяются активными грамматическими категориями немецкого языка. Так, существительные приобретают категории рода и числа и пишутся с заглавной буквы, как принято писать все имена существительные в немецком языке, например: *in einem hochmotivierten Team, einen Call Center Agent für den Second Level Support mit IT-Affinität, mit unserer businessApp Plattform LCM, einem der führenden Enterprise Information Managementsysteme, durch die zahlreichen Team-Events, den Webservices, unseres internationalen Teams, dem Debugging unter Windows*; прилагательные по аналогии с правилами немецкой грамматики могут склоняться, например: *Teil des agilen Entwicklungsprozesses, für die agile Softwareentwicklung, einen Arbeitsvertrag*

mit fairer Bezahlung, für diverse Hotels und Restaurationsbetrieb, Interesse an der digitalen Welt, bei einem innovativen SAP-Beratungshaus.

Третья группа представляет собой тексты объявлений о вакансии, составленные полностью на английском языке, от заголовка до контактной информации. В профессиональных кругах это объясняют глобализацией бизнеса. Большое количество немецких специалистов работают в филиалах зарубежных организаций как на территории Германии, так и за ее пределами. Это вынуждает организации реагировать на происходящие изменения и вводить единые стандарты. Так как международным признается английский язык, то и тексты объявлений составляют в данном случае на английском языке, например:

***Permanent Position Electrical Commissioning and Service Engineering
Über uns***

To strengthen our team at our Dresden location, we are looking for a Commissioning engineer or service engineer with electrotechnical background to join us as soon as possible on a permanent basis, in full-time or part-time capacity. TRICERA energy specializes in the development, construction, and operation of medium (>100 kWh) to large (>2 MWh) battery storage systems and operates both in Germany and internationally. Our mission is to actively shape an optimized, demand-oriented, and renewable energy supply worldwide. Our greatest achievement is our exceptional team, which now consists of nearly 80 employees. Over the past decades, we have significantly influenced the battery industry and place great emphasis on flat hierarchies and fair interaction among ourselves. We want to continue developing our company together with you and implement the energy transition as soon as possible, not tomorrow.

Your responsibilities

- *Taking over the electrical commissioning of our battery storage systems in the low and medium voltage range*
- *Support with commissioning, system maintenance and necessary services*
- *Instruction of our external service staff*
- *Verification and compliance with safety and documentation standards*

Your skills

- *Successful completion of an apprenticeship or degree in the field of electrical engineering*
- *practical experience in electrical installations desirable*
- *experience in the interface between electrical engineering and IT*
- *high willingness to travel, i. e. 50–70% to carry out commissioning throughout Germany*
- *Reliability, structured and independent way of working*
- *strong communication skills, ability to work in a team, commitment*

We offer you

- *Permanent employment with an attractive salary*
- *30 vacation days, remote work options, flexible working hours, and flextime*
- *Job bike leasing, available for private use as well*
- *Tailored training and development opportunities*
- *Taking responsibility by independently leading projects*
- *Participation in team events and weekly sports activities (yoga, volleyball)*
- *Complimentary beverages in the office*
- *Actively contributing to the energy transition and shaping new future technologies*

Interested?

Simply send us an e-mail with your question or application to

В данном примере компания международного уровня ищет сотрудника для работы в своем филиале в Дрездене. Чтобы подчеркнуть свою интернациональность, открытость к сотрудникам не только немецкого происхождения, а также ограничить круг соискателей теми, кто лично владеет английским языком и будет с легкостью взаимодействовать со специалистами из других филиалов и центрального офиса, расположенного за пределами границ страны, составители использовали при оформлении всех компонентов текста вакансии только английский язык. Тем не менее стоит отметить, что структура самого текста максимально приближена к структуре аналогичных текстов на немецком языке, размещаемым на специализированных сайтах. Так, разделы требований к соискателю, его обязанностей и предлагаемых условий работы представлены подробными перечислениями, состоящими преимущественно из словосочетаний. Интересно заметить, что единственным, что представлено в тексте на немецком языке, является подзаголовок раздела информации о самой организации (*Über uns — О нас*). Подобным образом оформлен подзаголовок как в этом объявлении о вакансии, так и в других.

Таким образом, можно говорить о взаимном влиянии английского и немецкого языков в сфере употребления профессиональной и около-профессиональной лексики в текстах объявлений о вакансии. Английский язык может влиять в большей или меньшей степени на все языковые уровни — от произношения до построения предложения, так как нередко вместе с заимствованными словами перенимаются иностранная орфография, произношение, грамматические формы, способы словообразования и словоупотребления и т.д. [Омельченко, 2010]. В данном случае речь идет о произношении, орфографии и в некоторых случаях словооб-

разовании английских слов, которые сохранили эти признаки в процессе заимствования в немецкий язык. Однако даже сохраняя некоторые этимологические особенности, заимствования из английского языка могут при необходимости легко трансформироваться под воздействием формальных и функциональных средств немецкого языка.

Библиографический список

Володченкова О. И. Динамика характеристик жанра «Объявление о приеме на работу» в английской лингвокультуре : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016.

Достовалова Е. К. Объявление о найме как особый жанр текста // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч. конф. Челябинск, 2011.

Лейчик В. М. Язык рекламы в контексте глобализации // Глобализация — этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы : в 2 кн. М., 2006.

Омельченко М. С. Особенности функционирования заимствованной лексики в текстах СМИ: на материале текстов немецкоязычной прессы : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. URL: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-funktsionirovaniya-zaimstvovannoi-leksiki-v-tekstakh-smi>

Патрикеева А. А. Англицизмы в немецком языке: на материале языка рекламы : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. URL: <https://www.dissercat.com/content/anglitsizmu-v-nemetskom-yazyke-na-materiale-yazyka-reklamy>

Романенко Я. Н. Рекламный текст как объект лингвистического исследования : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. URL: <https://www.dissercat.com/content/reklamnyi-tekst-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovaniya>

Черемисина Т. И., Бондаренко А. В. Иноязычная лексика в рекламе как средство маркетинговой коммуникации (на примере европейских языков) // Вестник МГУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnaya-leksika-v-reklame-kak-sredstvo-marketingovoy-kommunikatsii-na-primere-evropeyskih-yazykov>

Список источников

Aktuelle Jobs in Deutschland. URL: <https://www.aktuelle-jobs.de/suche.php>
Jobbörse: die innovative Seite für deine Stellensuche. URL: <https://jobboerse.arbeitsagentur.de/prod/vamJB/stellenangeboteFinden.html>

References

Volodchenkova O. I. *Dinamika harakteristik zhanra "Objavlenie o prieme na rabotu" v anglijskoj lingvokulture*. [Dynamics of characteristics of the "Job

Advertisement” genre in English linguistic culture. Abstract of Philol. Cand. Diss. Volgograd, 2016.

Dostovalova E. K. *Objavlenie o najme kak osobyj zhanr teksta*. [Hiring advertisement as a special genre of text]. In: *Filologija i lingvistika: problemy i perspektivy*. [Hiring advertisement as a special genre of text]. Chelyabinsk, 2011.

Lejchik V. M. *Jazyk reklamy v kontekste globalizacii*. [The language of advertising in the context of globalization]. In: *Globalizacija — jetnizacija: jetnokulturnye i jetnojazykovye processy*. [Globalization — ethnicization: ethnocultural and ethnolinguistic processes]. Moscow, 2006.

Omelchenko M. S. *Osobennosti funkcionirovanija zaimstvovannoj leksiki v tekstah SMI: na materiale tekstov nemeckojazychnoj pressy*. [Features of the functioning of borrowed vocabulary in media texts: based on the texts of the German-language press]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2010. URL: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-funksionirovaniya-zaimstvovannoi-leksiki-v-tekstakh-smi>

Patrikeeva A. A. *Anglicizmy v nemeckom jazyke: na materiale jazyka reklamy*. [Anglicisms in the German language: based on the language of advertising]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2008. URL: <https://www.dissercat.com/content/anglitsizmy-v-nemetskom-yazyke-na-materiale-yazyka-reklamy>

Romanenko Ja. N. *Reklamnyj tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovanija*. [Advertising text as an object of linguistic research]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2007. URL: <https://www.dissercat.com/content/reklamnyi-tekst-kak-obekt-lingvisticheskogo-issledovanija>

Cheremisina T. I., Bondarenko A. V. *Inozazychnaja leksika v reklame kak sredstvo marketingovoj kommunikacii (na primere Evropejskih jazykov)*. [Foreign language vocabulary in advertising as a means of marketing communication (on the example of European languages)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. [Bulletin of the Moscow State Linguistic University]. 2020. Iss. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnaya-leksika-v-reklame-kak-sredstvo-marketingovoy-kommunikatsii-na-primere-evropejskih-yazykov>

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИГРОВЫХ СЛЕНГИЗМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ВИДЕОИГР

В. А. Черноусов, О. М. Анкай

Ключевые слова: перевод, игровая локализация, видеоигры, сленг.

Keywords: translation, game localization, video games, slang.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–10

Введение

В игровой локализации по всеобщим переводческим стандартам при переводе непосредственно самих игр не принято использовать игровой сленг. Эти две категории разграничивают, поэтому сленг остается только в речи игроков и неофициальных текстах, а в играх лексические единицы употребляются исключительно формально. В данной работе приводятся доводы о пользе применения игрового сленга в переводе с учетом определенных условий. Фактически существующее разграничение не действует столь строго, а также не всегда соблюдается. Норма использования сленга размывается, поэтому в ряде видеоигр неизбежно встречаются те или иные неформальные эквиваленты.

Исследование состоит из трех частей: в первой сленг освещается с теоретической стороны, во второй приводится его практическая польза и примеры использования с соответствующей аргументацией, а в третьей анализируются результаты опроса сообщества игровых локализаторов. Опрос показывает, что примерно половина респондентов допускают использование сленга, а именно сами переводчики, имеющие непосредственное отношение к локализации видеоигр, одобряют эту практику.

За последние двадцать лет в ряде русскоязычных сообществ стало явно заметно возникновение, развитие и становление так называемого игрового сленга. Он прочно вошел в обиход существенной части русскоязычных потребителей цифрового контента, в частности видеоигр. Подобным феноменом не стоит пренебрегать, как и невозможно отрицать его значимость и влияние, поскольку его развитие и распространение напрямую зависит от количества привлеченных пользователей, а также совокупности множества факторов — от успеха рекламных кампаний до глобального роста игровой индустрии (Отчет Google о росте игрового рынка. 19.02.2022).

Десятилетиями формировавшийся игровой дискурс аккумулировал множество лексических единиц, использующихся его участниками. Та-

ким образом, непосредственно во время игрового процесса, в обсуждении их проведения, трансляции, создания, изменения и многих других тем носители русского языка регулярно заменяют официальные общепринятые единицы более простыми и лаконичными. Более того, эти единицы можно обнаружить при изучении текстовых сопроводительных материалов (официальная информация на сайте видеоигры, обзоры и аналитические статьи игровых журналистов, тематические форумы). Вследствие такого активного использования возникает вопрос о применении сленговых единиц не только в переводе неформальных, неофициальных текстов, но и полноценных игровых проектов.

Столь кардинальное и смелое решение не стоит воспринимать радикально. Оно не предполагает полной замены всех лексических единиц, которые имеют сленговый эквивалент. В каждом конкретном случае отбор лексических форм сниженного речевого регистра зависит от таких факторов, как: экономия речевых средств, сохранение исходной семантики, формирование прагматической составляющей и проч. Объективная мотивированность лексических преобразований при переводе основана на теоретических заключениях о природе и функциях сленгизмов.

Теоретико-методологический обзор

Американский лингвист Ч. Фриз пишет о том, что термин «сленг» настолько расширил свое значение и применяется для обозначения такого большого количества разных понятий, что крайне затруднительно провести разграничительную линию между тем, что является сленгом, а что нет [Хомяков, 2009, с. 9]. Обращаясь к словарям, можно обнаружить различные определения, часть из которых отсылает к таким синонимичным терминам, как *арго* или *жаргон*. Так, в лингвистическом энциклопедическом словаре видим первое же определение: то же, что *жаргон*. В данной работе вопрос разграничения схожих терминов не является предметом глубокого изучения, однако, как ни странно, определение жаргона в достаточной мере передает представление о феномене сленга: разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии (жаргон программистов), положения в обществе (жаргон русского дворянства в XIX в.), интересов (жаргон филателистов) или возраста (молодежный жаргон) [Ярцева, 2002].

Встречается также в научной литературе и понятие игрового сленга. М. Г. Аханова определяет игровой сленг как особый условный язык, при помощи которого игроки в различных играх обмениваются информацией [Аханова, 2016]. Конечно, в некоторой степени это можно назвать и условным языком, однако в рамках настоящего исследования

наиболее точным определением данного понятия является трактовка, приведенная в словаре лингвистических терминов: к сленгу относятся «слова и выражения, употребляемые лицами определенных профессий или социальных прослоек» [Ахманова, 2004]. Можно ограничиться тем, что это определенный набор слов и выражений, однако нельзя забывать о том, что важной составляющей является такая характеристика, как использование этих единиц группой лиц, объединенных общностью интересов (в данном случае). Также определение игрового сленга можно расширить, указав на сферу употребления в различных играх.

Если не вдаваться в подробности устройства игрового сообщества, можно не выделять комментаторов, тренеров и многих других представителей киберспортивного сообщества, которое можно включить в игровое сообщество в целом. Люди этого рода профессий или увлечений точно так же используют игровой сленг, но непосредственно не являются игроками. Однако, как уже было сказано, их можно не выделять в отдельную группу людей, использующих игровой сленг, так как в определенный момент они сами являлись игроками и еще раньше употребляли неформальные единицы для обозначения игровых предметов, позиций, названий и прочего содержимого видеоигры. Наличие данной группы людей в индустрии дает возможность говорить об использовании сленга не только исключительно в игре. Слова и выражения, которые следует отнести к игровому сленгу, можно услышать и в обычном общении между игроками за пределами игры и цифрового пространства в принципе. Более того, игровой сленг иногда играет критически важную роль вне процесса игры. Он употребляется в совершенно различных ситуациях и обстоятельствах — от обсуждения командой игровой стратегии до экспертной аналитики во время киберспортивных турниров и чемпионатов. По этой причине наиболее приближенное к действительности будет следующее определение игрового сленга: слова и выражения, употребляемые участниками игрового сообщества для обмена информацией.

Функционал сленга определяется областью его применения. На данный момент нет единого мнения об определенном количестве, однако лингвисты выделяют следующие функции сленга:

- коммуникативная;
- когнитивная;
- номинативная;
- экспрессивная;
- мировоззренческая;
- эзотерическая;
- идентификационная;

- функция экономии времени.

Безусловно, есть наиболее широко признанные, такие как, например, коммуникативная или когнитивная, которые являются неотъемлемой частью любого речевого акта, задействующего сленг или без оно-го. Однако в случае игрового сленга некоторые функции можно выделить лишь условно.

Номинативная и экспрессивная функции также играют немаловажную роль в употреблении сленга. При помощи номинативной функции определенным предметам и игровым явлениям дается еще одно название, определенно неформальное, но хорошо запоминающееся и легко воспроизводимое. Экспрессивная же функция также может стать важным маркером в выражении личной оценки пользователя того или иного явления, имеющего сленговое название.

Эзотерическая и мировоззренческая функции связаны, поскольку их реализация определена относительно закрытым характером функционирования по сравнению с литературным языком. Лексические единицы сленга отражают свойственные членам какой-либо группы чувство солидарности или даже враждебное, неприязненное, насмешливое отношение к посторонним. Это противопоставление «своих» «чужим» отражается в ряде пейоративных сленговых выражений, используемых в отношении чужаков, которые не способны стать «своими», влиться в компанию [Хомяков, 2009]. Однако же в случае игрового сленга вышеприведенные функции играют далеко не ключевую роль и могут даже вызывать отрицательный эффект. Так, использование сленга в видеоиграх в целях отчуждения нового, незнакомого с содержимым игры пользователя приведет к тому, что в большинстве случаев человек будет отказываться от игры, в то время как вся игровая индустрия нацелена на коммерческий успех своих продуктов и пытается по возможности уменьшить порог вхождения для потенциального покупателя, в том числе и в языковом аспекте. Чем доступнее язык игры, тем вероятнее человек продолжит проводить в ней время.

Другие же функции, напротив, будут наиболее актуальны именно для игрового сленга, чем для других сфер его использования. Например, функция экономии времени была подробно рассмотрена Т. Е. Захарченко. По его мнению, сленг способствует экономии времени и места. Данная функция реализуется за счет аббревиации, а также разнообразных надписей-сокращений, используемых в письменной речи [Захарченко, 2009]. Если изначально экономия времени и места подразумевалась в устной речи, когда игрокам приходится оперативно обмениваться информацией, то использование сленга в видеоиграх может потенциаль-

но, хоть и частично, решить проблему ограничения по символам, которое зачастую мешает в полной мере передать смысл и назначение некоторых отдельных графических интерактивных элементов.

Зарождение и развитие русскоязычного игрового сленга приходится на время, когда локализация как национально-культурная адаптация внедрялась для незначительного количества переводческих проектов и для основной части переводческого цифрового контента использовались «пиратские» интерпретации. В силу того что игрокам приходилось постигать игровой процесс и прохождение на английском языке, они попросту копировали форму лексической единицы иностранного языка и переносили ее в русский. Так, в вопросе передачи игровых сленгизмов А.А. Хуторская склоняется к двум распространенным способам перевода: переводческая транскрипция — формальное фонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова. Транслитерация — формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова. При этом исходное слово в переводном тексте представляется в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка. Пример перевода киберспортивной лексики: *Midrange* — *Мидренж* [Хуторская, 2016].

За прошедшие годы в русской локализации сложилась сравнительно устоявшаяся традиция перевода, а на место кустарных фанатских поделок пришла серьезная и профессиональная работа. В соответствии с нормами, установленными этой традицией, было решено, что использование сленгизмов является признаком непрофессионализма и плохого качества перевода, поскольку из-за отсутствия академической базы в любительских работах могли встречаться слова и выражения, которые нельзя назвать общепринятыми.

Однако, как было обозначено выше, игровой сленг уже активно используется и является неотъемлемой частью словарного запаса человека, который увлекается видеоиграми. Поэтому следующим логичным шагом будет рассмотреть преимущества и недостатки использования сленгизмов в переводе видеоигр.

Главными аргументами против применения игрового сленга в самих играх являются завышение порога вхождения, затруднение восприятия информации и нелитературность. Действительно, в определенных случаях применение неформальных лексических единиц может нарушать игровой процесс. Высокий порог вхождения может пагубно сказаться на аудитории, которая плохо осведомлена о феномене видеоигр. Для лю-

дей, незнакомых с глобальным игровым сленгом, использующимся широкими группами игроков без привязки к определенной игре, будет достаточно сложно сориентироваться в новых терминах и определениях [Жабина, 2014, с. 2]. Более того, это может противоречить всеобщей политике открытости и вовлечения в индустрии в том числе и неподготовленных пользователей. Подобное неосторожное применение может привести к оттоку игроков или даже к возврату цифрового продукта, что приведет к прямым убыткам компании. Затруднение восприятия информации тесно связано с предыдущим пунктом и может фактически нарушить игровой процесс, если игрок не сможет продолжить прохождение из-за незнакомого слова. Однако в эпоху Интернета и популяризации английского языка за редким исключением не должно возникать затруднений в выяснении значения того или иного определения.

Наконец, использование сленгизмов противоречит самому принципу литературности перевода. Конкретно в случае локализации видеоигр проблема может заключаться в нарушении общей атмосферы произведения и вовлечения человека в игровой процесс. Сленгизмы буквально будут выбиваться на фоне внутриигрового повествования, которое задает определенную тему и сеттинг. При грамотном употреблении сленга этих проблем можно избежать, а учитывая следующие преимущества его использования, вероятно, оно будет обоснованным. Из положительных сторон употребления сленгизмов можно упомянуть практически повсеместное ознакомление игрового сообщества со сленгом, экономия места, возможность передачи труднопереводимых единиц, воссоединение речевой и визуальной составляющей, а также существующую практику использования игровых сленгизмов.

Действительно, трудно отрицать факт повсеместного распространения игрового сленга. Более того, поиск информации во Всемирной сети не представляет никакой сложности, поэтому в настоящий момент не должно возникать никаких трудностей в определении функции того или иного сленгизма. Использование сленга в игровом дискурсе полностью соответствует закону экономии речевых усилий. Этот эволюционный процесс подразумевает упрощение орфографических единиц, что провоцирует изменения на лексическом уровне языка.

Анализ практического материала

Рассмотрим распространенную сленговую единицу и возможные русскоязычные варианты ее употребления. Слово «*skin*» на русский язык может быть передано различными способами. В случае игрового сленга оно означает оформление компьютерной программы или объекта компьютерной игры. Сленгизм «*скин*» в данном случае рассматривает-

ся как одно из наиболее эффективных средств передачи, поскольку он имеет соответствующее количество слогов (ср. «*обличие / обличье*», четыре и три слога вместо одного соответственно), а более литературные варианты не передают точную формулировку оригинала и могут генерализировать это понятие или иметь пересечение с другими единицами, как, например, «*аррегансе*», которое может быть передано при помощи единицы «*внешность*». Многие игры предполагают наличие обеих данных категорий, которые фактически относятся к разным механикам и параметрам. Понимание того или иного сленгового слова упрощается интуитивно понятным игроку контекстом.

В следующем примере рассматривается реальная ситуация, в которой использование сленгизма может быть обосновано. При локализации видеоигры *Bloodborne* возникла трудность в переводе названий ряда предметов. В игровом интерфейсе, который заметно ограничен по площади текста, разновидности самоцветов были переведены с заметным сокращением.

Blood Gem — Самоцвет свежей крови

Tempering Blood Gem — Умеряющий самоцвет св. крови

Beasthunter Blood Gem — Охот. на чуд. самоц. св. крови

Сокращение слово «*свежей*» до св. может ввести игрока в заблуждение, поскольку сокращением св. принято обозначать слово «*святой*», которое также неоднократно можно встретить в процессе прохождения игры. «*Охот. на чуд.*» без контекста трудно расшифровать самостоятельно. Слово «*самоцвет*» может быть заменено сленгизмом «*гем*» (транслитерация *gem*), тем самым сохраняется место для других слов. Жертвуя формальностью, перевод выигрывает в более важном аспекте, адекватном восприятию и успешной передаче закладываемой информации.

Также немаловажную роль играет передача слов, которые не имеют устоявшегося перевода в русском языке. В силу того что некоторые единицы, как правило, требуют описательного перевода, который во многих случаях неприемлем в локализации, в русскоязычной версии они функционируют в форме сленговых единиц. Примерами таких слов могут послужить *hitbox* — *хитбокс* (упрощенная математическая модель в виде простой геометрической фигуры, как правило, прямоугольника, которая обозначает игровой объект в случае его взаимодействия с другими), *matchmaking* — *матчмейкинг* (процесс объединения группы игроков в игровую сессию), *split screen* — *сплитскрин* (игровой режим, в котором экран разделяется, как правило, на две части для одновременной игры двух человек).

Следующая важная цель, которую преследует применение игрового сленга в переводе, это воссоединение речевой и визуальной составля-

ющих игрового мира. Такое решение позволит создать более прочную и тесную смысловую связь между тем, что использует игрок в своей речи, и тем, что он видит на экране. Игрок видит только один вариант текста — либо сленг, либо традиционный вариант, а использование сленга не будет вызывать противоречия, так как есть соответствие с видеорядом и это приведет к скорости принятия решения и т. п. А при использовании сугубо традиционной лексики не наступает своеобразной полной «гармонии». На когнитивном уровне у языковой личности не будет противоречия между лексическими единицами, которые относятся к игровому сленгу, и официально принятыми, зачастую разительно отличающимися формулировками в видеоигре. Это может положительно повлиять на скорость принятия решений и реакцию человека в тех или иных ситуациях. К сожалению, в рамках данного исследования подобные предположения не представляется возможным проверить экспериментально, что, впрочем, может быть осуществлено при более глубоком изучении взаимосвязи статистических показателей игроков в случае использования игрового сленга в переводе.

Наконец, в пользу его применения можно привести множество примеров того, как подобная практика уже была реализована в некоторых проектах. Стоит отдельно отметить сектор мобильных игр, так как его доля существенно выросла за последние годы. Количество продуктов исчисляется тысячами, многие из них остаются без локализации, многие применяют машинный перевод без должного постредактирования. Однако же те, что получили адекватный перевод, зачастую содержат в себе элементы игрового сленга. Вопрос о целесообразности его применения остается открытым, но сам факт отрицать невозможно. Такие объемы выпущенной цифровой продукции зачастую продиктованы коммерческим интересом, и при таком количестве неизбежно ухудшение качества.

Однако даже в более масштабных проектах, которые были преимущественно ориентированы на такие платформы, как пользовательский компьютер и игровая приставка, сопоставимая по производительности, можно найти случаи применения сленговых единиц. Для демонстрации примеров при помощи метода лингвистического наблюдения и описания были выбраны и проанализированы случаи употребления сленговых единиц в высоко оцененных критиками и пользовательским сообществом играх, получивших профессиональную локализацию. Ввиду специфики использования сленгизмов в игровом дискурсе считаем каждый единичный пример ценным, поскольку девятикратные трансформации являются показателем расширения лексико-грамматической системы русского языка и ее способности к адаптивному развитию.

Всего в анализе было задействовано 55 языковых единиц. В условиях объема работы приведем по одному примеру из одного источника. Игры были выпущены в разные годы, относятся к разным жанрам, а локализация была осуществлена разными студиями, что отражает растущую тенденцию использования игрового сленга. Это значит, что зависимость употребления сленгизмов от одного временного отрезка, жанровой тенденции или причастности одних и тех же переводчиков исключена.

Примеры потребления сленговых единиц в высоко оцененных критиками и пользовательским сообществом играх

Название	Год выпуска	Жанр	Локализатор	Сленгизм
Counter-Strike	2000	Шутер от первого лица	Бука	<i>Multiplayer — Мультиплеер</i>
The Elder Scrolls V: Skyrim	2011	Ролевой боевик	1С — СофтКлуб	<i>Current location — Текущая локация</i>
Dead Space 3	2013	Survival horror	Electronic Arts Russia	<i>Downloadable content — Загружаемый контент</i>
Thief	2014	Стелс-экшен	Новый Диск	<i>Benchmark — Бенчмарк</i>
Cyberpunk 2077	2020	Action/RPG	The Most Games	<i>Key bindings — Привязка клавиш</i>

Рассмотрим возможные русскоязычные варианты приведенных в таблице иностранных единиц. Английское слово «*multiplayer*» принято переводить словосочетаниями «сетевая игра» или же «многопользовательский режим». Слово «*location*» крайне редко можно встретить в русском официальном переводе как «локация». Это может считаться профессионализмом в разных сферах, например, в кинопроизводстве или сфере информационных технологий. Однако же в данном случае оно означает игровую локацию, что можно перевести более привычными единицами «*территория*», «*местоположение*» или «*место*». «*Downloadable content*» представляет собой форму распространения официального цифрового медиаконтента (медиаданных) через Интернет. Само же слово «*content*» буквально означает «наполнение» или «содержимое» видеоигры. «*Benchmark*» имеет множество значений: целевой ориентир, отметка уровня, контрольный показатель, опорный показатель и т.д. В данном случае наиболее точным переводом считаем словосочетание «*тест производительности*» (показывает, насколько успешно устройство может справиться с обработкой данных видеоигры). Очевидно, что развивается тенденция к расширению стилистической принад-

лежности неформальных сленговых единиц и оформление их как лексикографически нормированных, ведь изначально слово «привязка» обозначает субстантивированное действие от глагола «привязать», который, в свою очередь, имеет значение «прикрепить веревку, ремень и т. п. к чему-либо, завязав, связав узлом» [Евгеньева, 1999]. Отметим, что более узкое профессиональное значение — «соотнести с чем-либо, привести в соответствие с чем-либо» может быть связано со сферой видеоигр, в которой используется более формальный вариант — «назначение клавиш».

Произведя анализ сленгизмов, можно выделить несколько причин (предпосылок), обуславливающих их применение:

- 1) экономия места в условиях ограничения количества символов;
- 2) необходимость передачи труднопереводимых единиц в рамках локализации;
- 3) необходимость передачи единиц, не имеющих в русском языке устойчивого перевода;
- 4) широкое распространение сленгизма в практике локализации.

Изучение тенденций распространения сленгизмов в профессиональном сообществе

После теоретического обоснования применения сленговых единиц и различных примеров их использования обратимся к тому, какую позицию на сегодняшний день по обозначенному вопросу имеет игровое и профессиональное сообщества. В рамках выборочного исследования был проведен социологический опрос, в котором респондентам предлагалось ответить на ряд вопросов на приведенную тему. Всего было получено 152 ответа¹ (Отчет Google о росте игрового рынка).

К кому Вы можете себя отнести?
152 responses

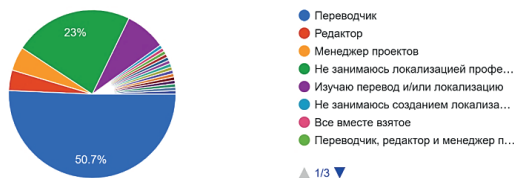

Диаграмма 1. Вопрос 1. Принадлежность респондентов к процессу локализации

Первый вопрос предполагал идентифицировать принадлежность респондентов к процессу локализации. На выбор предлагались профес-

¹ Ознакомиться с полной версией опроса можно по ссылке: <https://forms.gle/keLqx8ZVJinKNVmD6>

сии, которые задействованы в процессе игровой локализации, позиция интересующихся и изучающих игровую локализацию, а также альтернативный вариант, в котором респонденты указывали принадлежность сразу к нескольким вышеприведенным профессиям, и ряд других ответов. На круговой диаграмме (диаграмма 1) отображено, что чуть больше половины респондентов (77 человек, 50,7%) относят себя к переводчикам, не считая какое-то количество вариантов совмещения. Это значит, что как минимум половина опрошенных непосредственно имеет отношение к переводу и возможности применения сленговых единиц.

Считаете ли Вы допустимым при переводе видеоигр использование игрового сленга (скин, квест, хилка и т.п.)?
152 responses

Диаграмма 2. Вопрос 2. Считаете ли Вы допустимым при переводе видеоигр использование игрового сленга?

Следующий вопрос (диаграмма 2) отображает допустимость использования игрового сленга при переводе видеоигр. Из предложенных ответов был положительный, отрицательный и альтернативный. 69 респондентов (45,4%) считают допустимым применение игрового сленга. Подавляющее большинство альтернативных ответов представляет собой одобрение использования при определенных условиях. Так, чаще всего отмечается уместность, адекватность и распространенность тех или иных сленговых единиц.

Считаете ли Вы допустимым использование игрового сленга при переводе текстов игровой тематики (интервью, аналитические статьи, развлекательный контент)?
152 responses

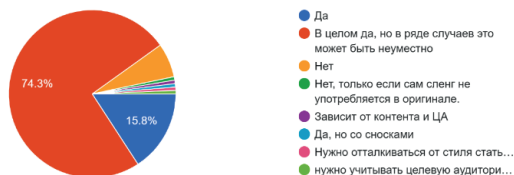

Диаграмма 3. Вопрос 3. Допустимость использования игрового сленга при переводе текстов игровой тематики

Третий вопрос не относится напрямую к применению игрового сленга в локализации видеоигр, но помогает выяснить отношение респондентов к использованию такого сленга в других источниках (игровых изданиях, на форумах, личных блогах, специализированных сайтах). Из групп ответов можно выделить положительный, положительный с замечанием о возможной неуместности, отрицательный и альтернативный. Больше половины респондентов (113 человек, 74,3%) выбрали вариант «В целом да, но в ряде случаев это может быть неуместно». Стоит отметить, что количество безоговорочно одоббивших использование сленга (24 человека, 15,8%) более чем в два раза превышает тех, кто негативно к этому относится (10 человек, 6,6%). Альтернативные ответы предполагают допустимость при определенных условиях и учете целевой аудитории.

Замечаете ли Вы тенденцию учащения использования игрового сленга при переводе видеоигр? В случае положительного ответа, прив... игр и/или сленговых единиц в графе "Другое".
152 responses

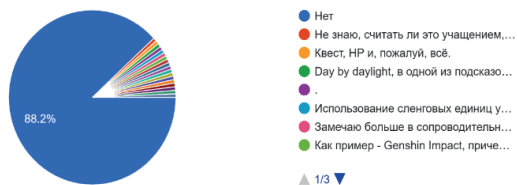

Диаграмма 4. Вопрос 4. Тенденции учащения использования игрового сленга при переводе видеоигр

Ответ на данный вопрос (диаграмма 4) помог выяснить у респондентов, заметна ли, по их мнению, тенденция учащения использования игрового сленга при переводе видеоигр. Также респонденты могли указать примеры такого использования. Как показано на графике, большинство опрошенных (134 человека, 88,2%) не могут заявить о том, что заметили какое-либо учащение появления игрового сленга в видеоиграх. Однако другая часть ссылается на некоторые единицы и проекты, где было замечено его использование. Погрешность данных результатов опроса может иметь место по причине ограниченного количества примеров сленгизмов. Во многих альтернативных ответах не была указана конкретная информация из-за действующего договора о неразглашении.

Также опрос предполагает наличие открытого вопроса, где респонденты могут в свободной форме выразить свое мнение о рассматриваемой теме. Таких ответов поступило 22. В основном респонденты отмеча-

ют осторожность в применении сленгизмов, поскольку большое их количество может затруднить игровой процесс. Другая часть опрошенных заявляет о том, что игровой сленг относится к специфической лексике и его применение должно быть обоснованным. Например, если это указывается в требованиях заказчика локализации или тематика игры носит юмористический и пародийный характер.

По результатам опроса можно сделать вывод о том, что люди, задействованные в процессе локализации видеоигр, а также те, кто ею не занимается профессионально, скорее допускают возможность применения сленгизмов в переводе игр. Безусловно, в силу малого количества анкетированных опрос не может передать полноценную картину отношения к указанному вопросу людей из сферы локализации видеоигр. Также масштаб исследования не позволяет отразить динамику отношения индустрии к этому вопросу. Для сравнения могли бы быть взяты данные за несколько лет, где были бы видны изменения в течение определенного отрезка времени, но данные по такой специфичной теме отсутствуют. Несмотря на это, проведенное исследование может послужить отправной точкой для отслеживания изучаемой тенденции. Более того, опрос показывает, что в данный момент вопрос употребления игрового сленга скорее остается открытым и предполагает возможность его наличия в видеоиграх.

Заключение

Таким образом, использование игрового сленга при переводе видеоигр возможно и обосновано по ряду причин. За неимением других приемлемых способов сленгизмы решают вопрос о передаче труднопереводимых в рамках локализации единиц — лексем, не имеющих в русском языке устойчивого перевода, а также способствуют экономии речевых и графических единиц в условиях ограничения количества символов.

Преимущества такого подхода в основном превалируют над недостатками при условии соблюдения базовых принципов перевода: передача информации не должна быть затруднена слишком большим количеством незнакомых слов, должно быть сохранено единообразие терминологии, а общая атмосфера произведения не должна быть нарушена стилистически выбивающимися из общего контекста сленговыми единицами.

Проведенный опрос показывает, что применение сленговых единиц при локализации видеоигр допускается не только рядовыми игроками и любителями, но и людьми, которые имеют непосредственное отношение к переводу игровой продукции: это и сами переводчики, а также редакторы, эксперты в лингвистическом тестировании перевода и мене-

джеры проектов, которые зачастую контролируют подобные вопросы и после одобрения заказчиками дают согласие на использование этих единиц. Если учесть тот факт, что в предыдущие годы игровой сленг встречался реже, а его использование не одобрялось профессиональными локализаторами, то тенденция к его использованию действительно существует.

Библиографический список

Аханова М. Г. Игровой сленг как новая форма коммуникации // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 2–2 (8).

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов; 2-е изд., стер. М., 2004.

Жабина А. В. К вопросу об игровом сленге // Университетские чтения ПГЛУ. Часть V. Пятигорск, 2014.

Захарченко Т. Е. Английский и американский сленг. М., 2009.

Словарь русского языка / под. ред. А. П. Евгеньевой; в 4 т. 4-е изд., стер. М., 1999.

Судзиловский Г. А. Сленг — что это такое? Англо-русский словарь военного сленга. М., 1973.

Хомяков В. А. Введение в изучение сленга — основного компонента английского просторечия. М., 2009.

Хуторская А. А. Методика определения способов перевода киберспортивной лексики // Вестник Института образования человека. 2016. № 2.

Ярцева В. Н. Лингвистический энциклопедический словарь; изд. 2-е, доп. М., 2002.

Источник

Отчет Google о росте игрового рынка. URL: https://games.withgoogle.com/reports/#section_blue-island

References

Akhanova M. G. *Igrovoy sleng kak novaya forma kommunikacii*. [Gaming slang as a new form of communication]. In: [Current directions of scientific research: from theory to practice]. 2016. No. 2-2 (8).

Akhmanova O. S. *Slovar lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms]. 2nd ed. Moscow, 2004.

Slovar russkogo iazyka. [Dictionary of the Russian language]. Ed. by A. P. Evgenieva. In 4 vols. Moscow, 1999.

Zhabina L.V. *K voprosu ob igrovom slenge*. [On gaming slang]. *University readings of Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. [University readings of Pyatigorsk State Linguistic University]. Vol. 5. Pyatigorsk, 2014.

Zakharchenko T.E. *Angliiskii i amerikanskii sleng*. [English and American slang]. Moscow, 2009.

Sudzilovsky G.A. *Sleng — chto eto takoe? Anglo-russkiy slovar' voyennogo slenga*. [Slang — what is it? English-Russian dictionary of military slang]. Moscow, 1973.

Khomyakov V.A. *Vvedenie v izuchenie slenga — osnovnogo komponenta angliiskogo prostorechiia*. [Introduction to the study of slang — the main component of the English vernacular]. 2nd ed. Moscow, 2009.

Khutorskaya A.A. *Metodika opredeleniia sposobov perevoda kibersportivnoi leksiki*. [Methodology for determining the ways of translating esports vocabulary]. In: *Vestnik Instituta obrazovaniia cheloveka*. [Bulletin of the Institute of Human Education]. 2016. No. 2.

Yartseva V.N. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar*. [Linguistic encyclopedic Dictionary]. 2nd ed., supplement. Moscow, 2002.

Source

Google's report on the growth of the gaming market. URL: https://games.withgoogle.com/reports/#section_blue-island

АДАПТИВНЫЕ СИТУАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

И. И. Шакалов

Ключевые слова: молодежная политика, медиакommunikация, адаптация, адаптивная ситуация.

Keywords: youth policy, media communication, adaptation, adaptive situation.

DOI 10.14258/filichel(2024)2-11

Введение

В переломные периоды истории страны в условиях роста объемов и интенсивности информационных потоков становится актуальным социоречевое исследование медиа, рассчитанных на молодежь. Это позволяет увидеть не только эффективные формы речевого взаимодействия, но и понять речевую архитектуру их адаптирующего коммуникативного воздействия. Наша цель — выявить корреляцию между коммуникативными адаптивными ситуациями и коммуникативно-речевыми действиями, применяемыми для оказания влияния на молодежную аудиторию. Актуальность такого исследования вызвана научной потребностью в знаниях о закономерностях использования продвигающих коммуникаций. Об этом говорится во многих изысканиях, см., например: [Быкова, 2022; Мамонова, 2023; Медведева, 2019; Соколова, 2012].

Для достижения поставленной цели использовались следующие методы исследовательской работы: общенаучные методы наблюдения, синтеза-анализа, типологии, индукции-дедукции; социоречевой метод анализа публикаций традиционных и новых медиа, суть которого состоит в анализе обусловленности способов, приемов и средств создания медиадискурса стратегической коммуникации правовыми, политическими, психологическими, культурными факторами.

Ход исследования. В законодательном акте «Об утверждении основ государственной молодежной политики...» говорится: «Стратегическим приоритетом государственной молодежной политики является создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, неравнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, *способной адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым со-*

зидательным идеям» (выделено мною. — **И. Ш.**) (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р). Исходя из документа, одной из важнейших целей молодежной политики является достижение адаптивности у молодых к динамике социальной жизни и развитие восприимчивости к созидательным идеям. Следовательно, молодежная политика ориентирована на предупреждение рисков дезадаптации, способных проявиться и в крайних формах — экстремизме, если молодые оказываются в духовном и ценностном вакууме, когда не поддерживают общественные традиции, игнорируют чужую точку зрения, не ставят перед собой созидательных целей.

В соответствии с документом об основах молодежной политики адаптивное к условиям и созидательным идеям предполагает принятие опыта и традиций народа и страны, способность творчески (независимое мышление) подходить к поиску выхода из затруднений, к решению социальных проблем, умение в созидательной деятельности сочетать личное с общественным, это ощущение благополучия, это развитие молодого человека в соответствии с интересами государства, ориентирующее его творческую энергию на создание будущего страны, народа и своей семьи. Конечно, такое понимание адаптивности базируется на научных исследованиях философов, социологов, психологов, педагогов и т. п. Между тем понимание адаптации как научной категории вариативно [Вислова 2017, с. 119]. В связи с этим мы обратились к данным социальных наук. Прежде всего начнем с определения феномена адаптации, разрабатываемого в разных научных направлениях.

Обычно адаптированностью называют включенность личности в новую или преобразующуюся социальную среду, приспособление человека к внешней среде, его высокий социальный статус, удовлетворенность собой и своей жизнью [Кузнецов, 2000, с. 8]. Благодаря адаптации принимаются успешные решения, проявляется инициатива, точно определяется благополучное будущее [Рубчевский, 2002, с. 2]. Способность к адаптации со стороны субъектов, ведущих работу с молодежью, чрезвычайно важна. Думается, именно адаптивность поможет преодолевать в работе с молодой генерацией присущую некоторым ее представителям аполитичность и атолерантность, агрессивность и социальную безответственность [Власова, 2022]. Подобное встречается в любой сфере деятельности — так что эти идеи мы закономерно включаем в основу нашего определения адаптации в коммуникативной работе с молодыми. Адаптивность, помогающая противостоять социальной девиантности, востребована в коммуникативной работе с медиа.

Феномен адаптации исследовался в философии, где существует несколько подходов к ее изучению и, более того, подчеркивается потребность в этом из-за огромного разнообразия адаптивных форм, механизмов и носителей. Для целей данной работы ближе других подходов интеракционистская теория адаптации Л. Филипса, который выделяет в ней «гибкость и эффективность при встрече с новыми и противодействующими условиями, а также способность придавать событиям желательное для себя направление» (цит. по [Корель, 2007]). В результате адаптация предстает как установление гармоничных отношений с внешней средой при успешном использовании имеющихся условий для реализации своих целей и задач.

Особенно активно понятие адаптации изучается в социологии, также в рамках разных научных парадигм. Представляется, что в основе успешного осуществления государственной молодежной политики лежит адаптация молодежи к интересам российского общества. Неиссякаемый же источник адаптации — это эволюция человека под влиянием бесконечно развивающейся социальной среды. С. И. Капица, рассматривавший содержание понятия социальной адаптации в рамках важнейших социологических теорий, обнаруживает, что все они дополняют друг друга, обогащая содержание адаптации и уточняя представление о ней [Капица, 2009]. Раскрытие сущности социальной адаптации в разных социологических теориях приводит указанного автора к справедливому выводу о том, что детерминант социальной адаптации — потребность в формировании механизмов социальной мобильности, которые проявляются:

во-первых, в усвоении обновляющихся нравственно обязательных норм и ценностей, необходимых для сохранения стабильности общества,

во-вторых, в рациональном согласовании самооценки и притязаний человека, его желаний и возможностей, социально-экономических запросов общества и освоением молодыми новых стратегий поведения для успешного достижения нужных результатов,

в-третьих, в стимулировании познания опыта с целью создания состояния эмоционального благополучия для молодых в обществе.

Для раскрытия архитектоники адаптации исследователями было предложено выделить адаптивные ситуации, в которых этот процесс происходит. А. В. Корель выделила следующие ситуации: 1) ситуацию усвоения ценностных норм; 2) ситуацию освоения стратегий поведения на основе согласования притязаний, возможностей субъекта и общественных запросов; 3) ситуацию обретения молодыми состояния эмоционального благополучия.

Адаптивные ситуации в медиакommunikации мы склонны представлять с опорой на упомянутую ранее схему П. С. Кузнецова (потребность — актуализация потребности — удовлетворение потребности — возвышение потребности) [Кузнецов, 2000]. Какие же потребности обнаруживаются среди проблем социализации молодежи? В результате анализа работ по проблемам социализации молодежи мы пришли к выводу о правомерности выделения следующих потребностей:

- в связи с «поколенческим разрывом», о котором говорят многие исследователи, выделяя в молодежной среде «цифровой» молодежи поколения Y и Z [Вьюгина, 2019; Хворова, 2022], в коммуникативной работе с этой аудиторией необходимо, адаптируя, действовать, как пишет Л. В. Корель, на «преодоление разрывов и несоответствий в социокультурных образцах, в ценностно-нормативной системе общества», а также на «рост приспособленности социальных норм к изменившимся обстоятельствам» [Корель, 2007, с. 171];
- адаптация в речевом воздействии на молодежь должна включать не только стремление к состоянию согласованности, гармонизации интересов, действий и устранение противоречий, конфликтов во взаимодействиях, но и «предоставление субъекту воздействия возможности освоения новых ролей», «восстановление нарушенных старых социально-ролевых предписаний», что позволит обеспечить «включение индивидуума в новые модели связей, новые или скорректированные структуры» [Корель, 2007, с. 173];
- целью адаптации коммуникации с адресатом — «преодоление дискомфорта, отчуждения, изоляции, эксклюзии, дисбаланса, дезинтеграции, а также тревог, страхов, напряженностей» [Корель, 2007, с. 173].

Наряду с выделенными социологами потребностями адаптации, думается, есть основание выделить и еще одну. В связи с полемичностью общественного сознания, вызываемой в том числе и различием между поколениями, всегда необходимы в ходе речевого воздействия установление диалогического взаимодействия, поддержка коммуникативного контакта, стилистической эластичности, проявляющейся в преодолении гипотетического сопротивления аудитории в ходе общения.

Показательно, что, говоря об изменениях смыслового поля адресата, вносимых в результате речевого влияния на массовую аудиторию в условиях СМИ, в целевой структуре воздействия выделяют ценностные, деятельностно-поведенческие, эмоциональные и коммуникативно-речевые компоненты [Леонтьев, 1977; Речевое воздействие в сфере массовой ком-

муникации, 1990; Шелестюк, 2014 и др.]. Следовательно, в адаптирующей деятельности медиакommunikации резонно говорить об адаптирующих речевых механизмах также четырех видов:

- 1) ценностных,
- 2) деятельностно-поведенческих,
- 3) эмоциональных,
- 4) коммуникативно-речевых.

Охарактеризуем каждую из выделенных адаптивных ситуаций.

Ценностная адаптация субъектов молодежной политики мотивирована потребностью для здоровья общества предотвращать поколенческие «разрывы и несоответствия в социокультурных образцах, в ценностно-нормативной системе общества» [Корель, 2007]. Формирование нравственных ценностей происходит под влиянием ценностно-ориентационной коммуникативной деятельности, осуществляемой в медиадискурсе. Общеизвестно, что медиасреда — важнейший фактор формирования интеллектуального, социального и духовного развития молодого поколения. Однако под влиянием взаимодействия с медиасредой, в котором постоянно пребывают представители поколений Y и Z, поколенческий разрыв в обществе усиливается [Хворова, 2022]. Следовательно, роль адаптирующего речевого воздействия в этих обстоятельствах возрастает многократно.

В массмедиа используется множество речевых техник для утверждения общественно востребованных ценностей: с одной стороны, это прославление подвига и других положительных поступков, поощрение социально одобряемого поведения, похвала ее заслуживших, восхищение объектами национальной гордости, с другой стороны, критика неодобряемого поведения, хула за проступки, оповещение о выработанном наказании за преступления. В массмедиа человек оценивается в разных ипостасях: его внешние и внутренние качества, его поведение и поступки, его мнения, позиции, взгляды и, наконец, продукты (мысли, идеи, концепции, произведения). Оценить объект — это определить его, установить его «положительное или отрицательное значение для субъекта» [Ивин, 2022, с. 103]. «Расставить оценки» и выстроить иерархию между самым значимым и незначимым важно для ориентации человека в окружающем мире. Все оценочные техники выступают для субъектов коммуникации средством построения картины мира, поскольку «бытие объекта познается человеком как истина» — «ценность переживается как благо, как добро, как величие» [Каган, 1987, с. 80]. Мобилизация оценочных техник позволяет информационно поддерживать социально поощряемую модель поведения.

Если учесть вышеназванные причины поколенческого разрыва, резонно предположить, что помочь устранить его может использование адаптирующих ценностных техник для продвижения следующих семантических идей:

- поддержка и прославление социально одобряемых действий и поступков;
- одобрение персон, ситуаций, высказываний, черты которых способствуют реализации целей политиков, хула всего того, что мешает (разъяснение того, что такое хорошо — что такое плохо);
- отграничение «своего» от «чужого»;
- вариативное повторение одобрения и хулы тех или иных действий, объектов;
- обоснование присвоенных оценок.

Вторая ситуация адаптирующего информационного воздействия — *деятельностного* — направлена на мобилизацию деятельностного потенциала современной российской молодежи через распространение социально одобряемых и поощряемых моделей поведения.

В последние десятилетия в условиях социально-экономической трансформации российского общества и утверждения идей глобализации молодежь использовала механизмы адаптации общества потребления, в котором господствующее положение занимают восхищение силой и молодостью, презрение к слабым, игнорирование общественных интересов (если они не пересекаются с личными), исключительное господство материального над духовным, культ потребления и гедонизма. Между тем в соответствии с новой концепцией молодежной политики ее главной целью стало предоставление возможности реализации молодежи в сочетании интересов личности и общества [Дементьев, 2013].

По справедливому утверждению А. В. Корель, в ходе такой адаптации личность ведет поиск путей к «согласованности, гармонизации интересов, действий и к устранению противоречий, конфликтов во взаимодействиях». Результат адаптации — «освоение новых ролей и восстановление нарушенных старых социально-ролевых предписаний» [Корель, 2007, с. 172]. Попробуем понять, какие адаптивные технологии могут быть использованы для достижения целей.

Важная сторона коммуникативной деятельности в медиа — вовлечение молодых в деятельность общественных организаций. По данным А. Г. Дикой, включенность личности в общественную жизнь становится ведущей системообразующей детерминантой во взаимодействии регуляторных систем в триаде «общество — деятельность — личность» [Дикая, 2002, с. 17-42]. Общеизвестно, что человек включается в деятель-

ность как личность, поскольку именно в деятельности происходят качественные изменения человека. С этой точки зрения адаптация может быть определена как динамическое многофазное развертывание личности, как особый тип последовательности преобразовательных стадий, как смена ее функциональных состояний.

Однако волевая регуляция в коммуникации осуществляется в несколько этапов. На первом этапе сообщается информация, овладение которой позволяет обнаружить общественную проблему. Медиакоммуникация обнажает социальные проблемы, она «заточена» на это. Проблемная ситуация провоцирует активное участие молодых в ее решении. Постановка проблем осознается как выдвижение множественных целей социального развития и предложений способов по их достижению. По данным социолога Н. В. Гришиной, восприятие и анализ проблемной (в медиа часто конфликтной) ситуации выступает фактором эффективности ее преобразования [Гришина, 1990].

На этом этапе молодой человек вовлекается в обсуждение того, какие цели стоят перед молодыми, какие проблемы мешают их достичь, какие задачи следует решить, какие способы решения существуют. Обсуждается, какое управленческое решение оптимально, — это выясняется в ходе сопоставления вариантов решения и степени эффективности разных способов и средств. Так молодежная аудитория вовлекается в диалог, в ходе которого согласовываются решения по важным проблемам развития личности, образования, спорта, здоровьесбережения, проведения досуга, деторождения и т. п. Выработка общего с читателем мнения о решении той или иной проблемы может стать основой для обнаружения способов решения. Именно такой «векторный» [Демидов, 2001, с. 143] характер коммуникативного сопровождения политической деятельности выступает своего рода адаптером и делает это сопровождение инструментом социальной адаптации, поскольку приводит социальное действие в соответствие с интересами государства.

При обсуждении внесенных управленческих решений (в виде предложений или программ) рассматриваются альтернативные точки зрения, выясняется, как лучше действовать. Обдумывается, какую помощь могут оказать социальные институты для реализации предложенных проектов и как эту помощь можно получить. Среди обсуждаемых вопросов не только, как действовать, но и как нельзя действовать и почему. Так в ходе коммуникативной работы стимулируется практическая активность государственных и негосударственных субъектов, заинтересованных в успехе, и самих молодых. В результате, с одной стороны, определяются цели и задачи, а также программы действий, стимулирую-

ющих социально-политическую активность, с другой стороны, дается оценка разных позиций, предложений, программ и действий в соответствии с ним. При этом корректируются не только ошибочные решения, но и неверные схемы деятельности, спровоцировавшие конфликтные ситуации. Что особенно важно в такой коммуникации — адресат становится свидетелем всего хода обсуждения и его участником. В этом и заложен адаптирующий эффект такой коммуникации.

Поскольку молодежная политика направлена на формирование разностороннее развитие молодых, обеспечение возможностей самореализации молодого поколения, постольку ключевыми в информационном сопровождении становятся концепты «действие» и «деятельность». Установка на развитие не может быть реализована без стимулирования действий — ментальных, эмоциональных и физических, которые составляют деятельность. Активизация образовательных усилий требует стимулирования ментальных и эмоциональных действий, формирование в молодых готовности защищать отечество от любой агрессии со стороны требует активизации, наряду с ментальными и эмоциональными, физических действий.

Социальной адаптации молодых в обществе помогает их вовлечение в разные формы социальной активности. Не случайно перспективным теоретическим основанием изучения проблемы социальной адаптации является субъектно-деятельностный подход, развивавшийся в трудах А. В. Брушлинского. Этот подход заключается в научном интересе к изучению закономерностей разных форм активности личности — деятельности, общения, поведения [Брушлинский, 1994].

Исследователи адаптации, поддерживающие подход ученого, совершенно справедливо выдвигают на первый план именно трудовую и социальную активность субъекта, подчеркивая ее значимость для становления мотивации и целеориентации человека в процессе его адаптации к внешней среде. По данным психологических исследований, именно деятельностная активность человека способствует приумножению его созидательных возможностей, развитию его социально значимых качеств [Дементьев, 2013]. В связи с этим важной стороной медиакоммуникации, представляющей молодежную политику, становится стимулирование творческой, образовательной, профессиональной активности молодых. Информационная деятельность, сопровождающая молодежную политику, может оцениваться эффективной, когда служит такой социальной адаптации молодых, при которой она способствует «включению индивидуума в новые модели связей, новые или скорректированные структуры» [Корель, 2007, с. 171]. В настоящее время мы можем на-

блюдовать реализацию таких целевых установок в медиа, инициированных Федеральным агентством по делам молодежи, общественными объединениями (например, «Движения первых»).

Таким образом, деятельностная адаптация в медиакоммуникации включает следующие коммуникативные действия:

- постановку проблем, требующих действий, и поиск пути их решения;
- поиск общности мотивов действий;
- предложение способа активности и обоснование его целесообразности;
- сопоставление оптимальных способов решений;
- демонстрацию эффективных алгоритмов и моделей действий и т. п.

Достижению целей повышения общественной активности служит коммуникативное сопровождение адресата через множество стадий:

- инициация участия каждого;
- адресация призыва к каждому;
- обучение и повышение квалификации;
- инспектирование качества действий, создание условий для этого;
- совместная корректировка неэффективных и нерезультативных действий;
- выработка совместных действий;
- наделение полномочиями и ответственностью за успех;
- заслуженное поощрение отличившихся.

Деятельностную адаптацию молодых сопровождает также *эмоциональная адаптация*. Эмоциональная сфера человека — чрезвычайно сложное понятие. В структуре индивидуума она занимает существенное место. Эмоциональная сфера человека имеет сложную структуру: эмоции, чувства, привязанности и настроение. Она выполняет множество функций. Например, Е. П. Ильин пишет об отражательно-оценочной (показывающей степень значимости событий, явлений, предметов), побудительной (активирующей деятельность), когнитивной (возбуждающей ту или иную часть мозга), регулирующей (направляющей), синтезирующей (интегрирующей компоненты в единство), защитной (предупреждающей и предостерегающей), экспрессивной (контактоустанавливающей) [Ильин, 2021]. Следовательно, говорить о формировании ценностной основы человека или деятельностной активности человека без становления его эмоционального мира невозможно.

Хотя базовые эмоции присутствуют у человека от рождения, однако для эмоционального благополучия важно гармоничное развитие эмоциональной сферы, а дискомфорт, отчуждение, изоляция, эксклюзия, раз-

общенность и т. п. требуют преодоления. Преодоления требуют и тревоги, страхи, напряженности, негативное мироощущение, пессимизм, апатия — то, что вызывает отрицательное самочувствие, подавленность, страх, неуверенность в себе, потеря веры в будущее.

В медиакommunikации это достигается разными технологиями передачи эмоционального опыта человека. При построении коммуникации учитываются характерные для молодых *повышенная эмоциональность, подвижность психики, внушаемость, подверженность психическому заражению, склонность к подражанию вследствие недостаточности социального и политического опыта* [Хомутова, 2010]. По данным психолингвистов, проявления эмоциональных переживаний передаются в речи не просто отдельными средствами (словами), но комплексно, совокупностью разных средств. Переданные в тексте эмоции, чувства и настроение служат «очеловечиванию» коммуникации, создают впечатление открытости, заинтересованности в установлении контакта.

Для общественно-политической медиакommunikации важна экспликация оптимизма, который предполагает активную реализацию своей позиции. Оптимизм соотносится с положительными эмоциями и плодотворной практической активностью человека: оптимист способен преодолевать любые трудности, находить общий язык с окружающими людьми и разрешать все проблемы. Оптимизм предполагает активную реализацию своей позиции. Чтобы мир стал лучше, нужно действовать. Мир станет лучше, если человек вложит свои усилия, умения, мысли, представления в действие [Посохова, 2005, с. 1]. Вера в будущее выступает знаком успеха, эффективности предлагаемых или предпринимаемых действий. Но что особенно важно, оптимизм вселяет веру в себя, поэтому служит мощнейшим адаптационным механизмом. Оптимизм, переданный в тексте, выполняет и отражающую, и регуляторную, и побудительную функции.

Компонентом оптимизма выступает приподнятое настроение, переживание положительных эмоций. Передаче этого состояния способствуют выражение радости, счастья, эйфории. Это придает тексту языковое творчество, попадая в стихию которого, адресат испытывает удовольствие. Языковая игра создает тональность шутки, смеха. В такой тональности текст наполняет легкость, радостное приятие мира. Обаяние смеха в том и состоит, что он создает еще большие предпосылки для оптимистического отношения к миру. Юмор укрепляет социальные связи, снимает конфликтные состояния, напряжение, уместно высказанная шутка позволяет увидеть только что казавшееся мрачным и безнадежным в противоположном ключе [Посохова, 2005, с. 10].

На основании установленных фактов исследователи пришли к выводу, что для молодых людей оптимизм — одна из составляющих жизни, которая по-особому освещает жизнь, наполняет ее значимостью и определенностью. Более того, в сознании молодых оптимизм — это относительно стабильное понимание мира и устойчивый вектор взаимодействия с ним. Оптимизм осознается как своеобразное расширение границ позитивного [Посохова, 2005, с. 13]. Таким образом, экспликация оптимизма в медиакоммуникации выступает технологией, с помощью которой обеспечивается адаптивное взаимодействие адресата и адресанта.

Для эмоциональной адаптивности молодежи важна, кроме того, выраженность в ней чувства общности с другими, сопричастности к другим. Вообще, чувства, определяемые психологами как эмоциональное переживание, отражающее отношение человека к объектам внешнего мира, занимают важное место в эмоциональной структуре человека. Среди них чувство общности выступает строевым для личности. Наиболее авторитетна среди концепций чувства общности теория Макмиллана и Чависа, в которой это чувство определяется как чувство принадлежности. Его испытывают участники сообществ. Оно предстает в следующих характеристиках выражения эмотивности:

- в ощущении того, что участники важны друг для друга;
- в общей вере в то, что потребности участников будут удовлетворены благодаря их обязательству быть вместе (цит. по: [Психологический смысл сообщества: теория Макмиллана и Чависа]).

По Макмиллану и Чавису, влияние в сообществе двунаправленно: члены сообщества чувствуют себя способными влиять на то, что делает группа, а сплоченность группы зависит от того, имеет ли группа влияние на его членов. Ученые выделяют, говоря «языком данной диссертации», «адаптивные техники»: сообщества объединяют общие символы: «Символ для социального мира является тем же, что и клетка для биологического мира, а атом — для физического мира. Символ — это начало социального мира, каким мы его знаем» [Перини, 1977]. Чувство общности — это переживание связи между людьми, опыта принадлежности к социальной группе, позволяющего ожидать поддержку и понимание окружающих, это ощущение общности интересов и ценностей с другими. Создание связей с другими — неотъемлемая часть бытия человека. Эти связи устанавливаются в совместных действиях и в совместной деятельности. Ощущение общности помогает человеку повысить свою самооценку. Потребность в удостоверении причастности к другим может выступать мотивом объединения для совместной деятельности с други-

ми, его демонстрация в медиакоммуникации важна чрезвычайно и является существенной стороной эмоциональной адаптации.

Значит, с учетом повышенной эмоциональности молодежи, склонности к *внушаемости, подверженности психическому заражению, склонности к подражанию вследствие недостаточности социального и политического опыта* [Хомутова, 2010] в ходе анализа проявлений эмоциональной адаптации обнаруживаем, что оптимистические эмоции способствуют таким коммуникативным действиям:

- преодолению «дискомфорта, отчуждения, изоляции, дисбаланса»;
- созданию эксклюзии, компенсации дезинтеграции;
- преодолению «тревог, страхов, напряженностей» [Корель, 2007, с. 171], а также
- подбадриванию, увещанию и утешению.

Для эффективной коммуникативной адаптации важно учитывать особенности медиапотребления молодежной аудитории, которая, по данным Д. М. Вьюгиной, проводит с медиа большой объем времени, обладает высокой технологической медиаграмотностью, владеет навыками нелинейного потребления, умением строить взаимодействие по запросу, активно применяет мобильные устройства, вовлечена в выбор, потребление и распространение контента. Как обнаруживает автор указанного исследования, представители цифрового поколения, считая медиа главным источником информации, умело используют весь спектр сервисов, удовлетворяют информационные и коммуникативные потребности, осуществляют разные виды деятельности: общение, поиск данных, производство и публикацию своего контента [Вьюгина, 2019, с 16]. Следовательно, обеспечить эластичность медиакоммуникации для молодежной аудитории можно лишь вовлечением ее в постоянно протекающий диалог с использованием техник обратной связи. Аудитория в таком диалоге — активный участник каждого коммуникативного события, с каждым из которых устанавливается субъект-субъектная связь.

Организации подобного диалога способствуют

- коммуникативное сопровождение управлением вниманием и подчеркиванием логики общения на протяжении реализации всего проекта;
- создание доверительных отношений, обращенность к интересам отдельного представителя, а не массовидно ко всем;
- использование форм, помогающих упрощению объяснений;
- визуализация, графичность рекомендаций;
- установление доверительных отношений, соблюдение правил такого взаимодействия.

Выводы

Адаптация ключевых сообщений, адресованных разным социальным группам молодежной аудитории, к интересам и потребностям представителей этих групп, является важнейшей задачей по реализации коммуникативной стратегии молодежной политики. Как следствие, при организации медийного влияния на молодежь необходимо учитывать четыре адаптивных ситуации — ценностную, деятельностную, эмоциональную и коммуникативную. Именно они определяют смысловую структуру воздействия в разных ситуациях речевого воздействия. В ситуации ценностной адаптации важны концентрированная акцентуация плохого или хорошего, нивелирование нейтральных оценок. В ситуации деятельностной адаптации важна коммуникативная аккумуляция на созидательном потенциале личности, ее поэтапном вовлечении в общественную деятельность через коммуникативные действия, объяснение и положительную оценку действий для развития способности моделировать поведение. В ситуации эмоциональной адаптации важна концентрация тональности оптимизма, МЫ сопричастности и совместного действия. В коммуникативной адаптации важны стилистические категории акцентности, интимизации, использования форм и других конструкций управления вниманием и подчеркивания логики, помогающих упрощению формы изложения и установления доверительных отношений.

Полученные нами результаты могут использоваться как в научном дискурсе, так и в организации коммуникации в политическом медиадискурсе.

Библиографический список

- Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
- Быкова Е. В. Медиалингвистические исследования PR-речи: отечественный опыт // Медиалингвистика. 2022. № 9 (2). URL: <https://medialing.ru/medialingvisticheskie-issledovaniya-pr-rechi-otchestvennyj-opyt/>
- Вислова А. Д. Вариативность понимания «адаптации» как научной категории // Вестник Владимирского госуниверситета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2017. № 29 (48).
- Власова Е. Г. Адаптивная роль современной журналистики и приемы ее реализации (на материале урбанистически ориентированных сетевых изданий) // Медиалингвистика. 2022. № 9 (2). URL: <https://doi.org/10.21638/srbu22.2022.203>
- Вьюгина Д. М. Особенности медиапотребления современной российской молодежи (на примере Москвы и Московской области) : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019.

Гришина Н. В. Восприятие и анализ конфликтной ситуации как фактор эффективности ее преобразования // Конфликт в конструктивной психологии. Красноярск, 1990.

Демидов А. И. Учение о политике: философские основания. М., 2001.

Дементьев П. А. Организация политической деятельности молодежи как способ ее социальной адаптации // Вестник СВФУ. 2013. Т. 10. № 4.

Дикая Л. Г. Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М., 2007.

Ивин А. А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. М., 2022.

Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб., 2021.

Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1987.

Капица С. И. Понятие социальной адаптации в социологии // Вестник Чувашского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 204–209.

Корель Л. В. Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс // Регион. Экономика и социология. 2007. № 1.

Кузнецов П. С. Социологическая теория социальной адаптации : дисс. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2000.

Леонтьев А. А. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

Психологический смысл сообщества: теория Макмиллана и Чависа. URL: <https://communityhub.ru/meaning?ysclid=lkv47um64n403166796>

Мамонова Н. В. Особенности репрезентации медиаобраза науки на материале регионального новостного сетевого издания 1obl.ru // Медиалингвистика. 2023. № 10 (3). URL: <https://medialing.ru/osobennosti-reprezentacii-mediaobraz-a-nauki-na-materiale-regionalnogo-novostnogo-setevogo-izdaniya-1obl-ru/>

Медведева Е. В. Instagram²: пространство продвигающей коммуникации // Медиалингвистика. 2019. № 6 (3). <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.307>

Меркулов А. П. Новый федеральный закон как завершение процесса конституционализации молодежной политики в Российской Федерации // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 2.

Мороденко Е. В. Социально-психологическая адаптация и дезаптация в процессе социализации личности // Вестник ТГПУ. 2009. Вып. 8 (86).

Перини Р. Социальная связь // Психологический смысл сообщества: теория Макмиллана и Чависа. URL: <https://communityhub.ru/meaning?ysclid=lkv47um64n403166796>

² Деятельность организации запрещена на территории РФ.

Посохова С. Т. Оптимизм: психологическое содержание и личностный смысл // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2009. Вып. 1. Ч. 1.

Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / под ред. Ф. М. Березина, Е. Ф. Тарасова. М., 1990.

Рубчевский К. В. Формы прохождения социализации личности. Психологическая наука и образование. 2002. № 2.

Соколова М. С. К вопросу о классификации социальной поддержки как составляющей позитивной коммуникации // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2017. № 7 (120).

Соколова М. С. Адаптация к собеседнику в процессе межличностной коммуникации : дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012.

Хворова В. А. Ценностные ориентиры «цифровой молодежи» мегаполиса и региона: сравнительный аспект // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 6 (45).

Хомутова А. Е. Информационно-коммуникативные детерминанты политического поведения молодежи : дисс. ... канд. полит. наук. М., 2010.

Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М., 2014.

Источник

Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/

References

Brushlinsky A. V. *Problemy psichologii sub'yekta*. [Problems of psychology of the subject]. Moscow, 1994.

Bykova E. V. *Medialingvisticheskie issledovaniya PR-rechi: otechestvennyj opyt*. [Medialinguistic studies of PR-speech: Domestic experience]. In: *Medialingvistika*. [Medialinguistics]. 2022. No. 9 (2). URL: <https://medialing.ru/medialingvisti-cheskie-issledovaniya-pr-rechi-otechestvennyj-opyt/>

Vislova A. D. *Variativnost' ponimaniya "adaptacii" kak nauchnoj kategorii*. [Variability of understanding "adaptation" as a scientific category]. In: *Vestnik Vladimirsogo gosuniversiteta imeni A. G. i N. G. Stoletovyh*. [Bulletin of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov]. 2017. No. 29 (48).

Vlasova E. G. *Adaptivnaya rol' sovremennoj zhurnalistiki i priemy ee realizacii (na materiale urbanisticheski orientirovannyx setevyh izdaniy)*. [The adaptive role of modern journalism and methods of its implementation (based on the

material of urbanistically oriented online publications)]. In: *Medialingvistika*. [Medialinguistics]. 2022. No. 9 (2).

Vyugina D. M. *Osobennosti mediapotrebleniya sovremennoj rossijskoj molodezhi (na primere Moskvy i Moskovskoj oblasti)*. [Features of media consumption of modern Russian youth (on the example of Moscow and the Moscow region)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moscow, 2019.

Grishina N. V. *Vospriyatiye i analiz konfliktnoy situacii kak factor effektivnosti yeyo preobrazovaniia*. [Perception and analysis of a conflict situation as a factor of the effectiveness of its transformation]. In: *Konflikt v konstruktivnoy psikhologii*. [Conflict in constructive psychology]. Krasnoyarsk, 1990.

Demidov A. I. *Ucheniye o politike: filiosfskiye osnovaniya*. [The doctrine of politics: philosophical foundations]. Moscow, 2001.

Dement'ev P. A. *Organizaciya politicheskoy deyatel'nosti molodezhi kak sposob ee social'noj adaptacii*. [Organization of political activity of youth as a way of its social adaptation]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta*. [Bulletin of the North-Eastern Federal University.]. 2013. Vol. 10. No. 4.

Dikaya L. G. *Adaptaciya: metodologicheskie problemy i osnovny'e napravleniya issledovanij*. [Adaptation: methodological problems and main research directions]. In: *Psixologiya adaptacii i social'naya sreda: sovremennye podxody, problemy, perspektivy*. [Psychology of adaptation and the social environment: modern approaches, problems, prospects]. Moscow, 2007.

Ivin A. A. *Logika ocenok i norm. Filosofskie, metodologicheskie i prikladny e aspekty*. [The logic of assessments and norms. Philosophical, methodological and applied aspects]. Moscow, 2022.

Il'in Ye. P. *Emocii i chuvstva*. [Emotions and feelings]. St. Petersburg, 2021.

Kagan M. S. *Chelovecheskaya deyatel'nost'*. [Human activity]. Moscow, 1987.

Kapicza S. I. *Ponyatie social'noj adaptacii v sociologii sociolo*ю [The concept of social adaptation in sociology]. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. [Bulletin of the Chuvash University. The series "Humanities"]. 2009. No. 4.

Korel' L. V. *Arhitektonika adaptivny'h mehanizmov social'nyh sistem: sociologicheskij diskurs*. [Architectonics of adaptive mechanisms of social systems: sociological discourse]. In: *Region. Ekonomika i sociologiya*. [Region. Economics and sociology]. 2007. No. 1.

Kuznetsov P. S. *Sociologicheskaya teoriya social'noj adaptacii*. [The sociological theory of social adaptation]. Abstract of Doct. Sociol. Diss. Saratov, 2000.

Leont'ev A. A. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. [Activity. Conscience. Personality]. Moscow, 1977.

Psikhologicheskij smysl soobshchestva: teoriya Makmillana i Chavisa. [The psychological meaning of community: MacMillan and Chavis's theory]. URL: <https://communityhub.ru/meaning?ysclid=lkv47um64n403166796>

Mamonova N.V. *Osobennosti reprezentacii mediaobraza nauki (na materiale regional'nogo novostnogo setevogo izdaniya)*. [The representation of the science media image (exemplified by mediatexts of the regional online news publication)]. In: *Medialingvistika*. [Medialinguistics]. 2023. No. 10 (3). URL: <https://medialing.ru/osobennosti-representacii-mediaobraza-nauki-na-materiale-regionalnogo-novostnogo-setevogo-izdaniya-1obl-ru/>

Medvedeva Ye.V. *Instagram³: the space of the promoting communication*. [Instagram: space of promoting]. In: *Medialingvistika*. [Medialinguistics]. 2019. No. 6 (3).

Morodenko Ye.V. *Social'no-psixologicheskaya adaptaciya i dezaptaciya v processe socializacii lichnosti*. [Socio-psychological adaptation and disaptation in the process of personality socialization]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2009. Iss. 8 (86).

Perini R. *Social'naya svyaz'*. [Social connection]. In: *Psihologicheskij smysl soobshchestva: teoriya Makmillana i Chavisa*. [The psychological meaning of community: the theory of Macmillan and Chavis]. 1977. URL: <https://communityhub.ru/meaning?ysclid=lkv47um64n403166796>

Posohova S.T. *Optimizm: psixologicheskoe sodержanie i lichnostnyj smysl*. [Optimism: psychological content and personal meaning]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. [Bulletin of St. Petersburg University] Ser. 12. 2009. Iss. 1. Pt. 1.

Rechevoe vozdejstvie v sfere massovoj kommunikacii. [Speech influence in the field of mass communication]. Moscow, 1990.

Rubchevskij K.V. *Formy proxozhdeniya socializacii lichnosti. Psixologicheskaya nauka i obrazovanie*. [Forms of personal socialization. Psychological science and education]. 2002. No. 2.

Sokolova M. S. *K voprosu o klassifikacii social'noj podderzhki kak sostavlyayushhej pozitivnoj kommunikacii*. [On the classification of social support as a component of positive communication]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [News of Volgograd State Pedagogical University]. 2017. No. 7 (120).

Sokolova M. S. *Adaptatsiya k sobesedniku v protsesse mezhlichnostnoj kommunikatsii*. [Adaptation to the interlocutor in the process of interpersonal communication]. Thesis of Philol. Cand. Diss. Volgograd, 2012.

Khvorova V.A. *Tsennostnyye oriyentiry "tsifrovoy molodozhi" megapolisa i regiona: sravnitel'nyy aspekt*. [Value orientations of the "digital youth" of the megalopolis and the region: comparative aspect]. In: *Uchenyye zapiski*

³ Деятельность организации запрещена на территории РФ.

Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. [Scientific notes of the Novgorod State University]. 2022. No. 6 (45).

Khomutova A. E. Informacionno-kommunikativny'e determinanty' politicheskogo povedeniya molodezhi. [Information and communication determinants of political behavior of youth]. Abstract of Polit. Cand. Diss. Moscow, 2010.

Shelestyuk E. V. *Rechevoe vozdejstvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya*. [Speech influence: Ontology and research methodology]. Moscow, 2014.

Source

Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy molodezhnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda. [On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period until 2025]. In: *Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 29.11.2014 N 2403-r*. [Order of the Government of the Russian Federation dated November 29, 2014 No. 2403-r. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/]

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ В АНТРОПОМОРФНОЙ И АРТЕФАКТНОЙ МЕТАФОРАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ВЛАДИМИРА АНДРЕЕВА

М. И. Абдыжапарова, Т. В. Федосова, Т. Ю. Соминова

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, эмоционально-оценочная функция метафоры.

Key words: metaphor, metaphorical model, evaluative metaphor function.

DOI 10.14258/filichel(2024)2-12

Метафора как механизм образного переосмысления одного явления посредством другого является ведущим стилистическим приемом и ключевым способом рассуждения, категоризации и оценки мира, позволяющим объяснить абстрактные явления, а также раскрыть сущность описываемого понятия и выразить оценку. Метафоричность — главное свойство, отличающее художественное произведение, в частности поэтический текст, которое играет ключевую роль в создании образности в тексте.

Главная функция метафоры заключается в раскрытии глубинных смыслов в тексте. Функции метафор варьируются в разных типах текста: в научном — уточняющая и конкретизирующая [Алексеев, 2002; Баранов, 1992], в поэтическом тексте — оценивающая и характеризующая [Арутюнова, 1990]. Метафоры во всех типах текста выполняют эстетическую функцию, а также выражают авторскую оценку предметов, явлений, ситуаций. Поскольку понятийная сфера человеческого мышления неразрывно связана с выражением оценочных смыслов, метафора служит инструментом и механизмом выражения данных смыслов. Писатели и поэты прибегают к метафорам, чтобы с их помощью отразить свое видение мира и дать свою оценку происходящим вокруг событиям и процессам.

Вслед за А. П. Чудиновым мы опираемся на структурную классификацию метафор и рассмотрим антропоморфную и артефактную мета-

форы [Чудинов, 2004, с. 94] в их корреляции с основными тематическими направлениями творчества В. Андреева (2013), а также их роль в раскрытии аксиологического аспекта творчества поэта. Таким образом, целью данной статьи является выявление авторских оценочных смыслов в метафорах путем анализа поэтической макросистемы В. Андреева. Научная новизна работы обусловлена раскрытием оценочного компонента, актуализированного в авторских метафорах, отражающего своеобразие авторского мировоззрения, а также заключается в выявлении метафорических моделей в поэтической микросистеме (цикле стихов) автора.

Владимир Петрович Андреев — современный поэт, который относится к сибирским и уральским поэтам, чьи произведения написаны верлибром, представляющим форму вольного стиха, которая сочетает стих и прозу. Данный способ стихосложения был характерен для поэзии У. Уитмана, А. Блока, А. Фета. Таким же стилем сегодня пишут А. Ключанский (Омск), М. Вагатова (Ханты-Мансийск), Е. Касимов (Екатеринбург), В. Балабан (Челябинск). Главной особенностью свободного стиха является намеренный отказ от рифмы, слогового метра, изотонии, изосилабизма и регулярной строфики. В данном типе стиха главная роль принадлежит звучанию, которое близко к естественной речи, что осуществляется с помощью употребления многосложных слов, разговорных оборотов или, наоборот, книжных клише и штампов [Казарин, 2012; Патолятов, 2019, с. 317].

Верлибр является проявлением альтернативного поэтического курса с элементами автономной (то есть независимой от основных систем стихосложения) структуры [Ковалев, 2013, с. 17] и часто основывается на опыте англо-американского верлибра [Пустогаров, 2015, с. 142]. Поскольку в поэтическом тексте любые языковые элементы речевого уровня могут возводиться в ранг значимых и приобретать семантический характер, получая дополнительные значения [Лотман, 1996, с. 65], в свободном стихе авторы создают глубокие образы, наполненные новыми смыслами. В современном свободном стихе индивидуальные различия творческих манер разных авторов выглядят значительно заметнее, чем в стихе традиционном [Орлицкий, 1996, с. 330].

В произведениях В. Андреева философски осмыслены многие концепты языковой картины мира российского человека: ЛЮБОВЬ, РОДИНА, ПРИРОДА, ВЛАСТЬ, САМОСОЗНАНИЕ НАРОДА. Автор критически осмысливает политические, этнические и культурные процессы в стране. Так, осмысливая цифровизацию, он говорит о том, что цифровой мир подавляет человека и чужд его жизненной позиции.

Метафора сегодня считается ключевым тропом, характерным для поэтического текста, создающим образное сравнение [Блэк, 1990]. Постоянным признаком поэтического языка является его эстетическая или поэтическая функция. Метафора, выполняя эмоционально-оценочную функцию, представляет собой средство воздействия на адресата, а также основополагающий источник оценочности. Исследование глубинных смыслов, заложенных в метафоричности художественных текстов, предполагает декодирование метафор.

Метафорическое моделирование как один из наиболее верных способов восстановления процессов концептуализации и категоризации, было предложено Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff G., Johnson M.]. При моделировании происходят следующие процессы:

1. По мере того как автор интуитивно ищет образ, происходит логический процесс адаптации к представлению модели объекта. В итоге появляется метафорическая модель, которую можно объяснить.

2. Признаки, на которые указывает автор при образовании метафор, имеют большое значение, но лишь ассоциативные связи помогают «нарисовать» исходный образ предмета / объекта.

Рассмотрим оценочные смыслы и метафорические модели, которые были заложены В. Андреевым в цикл верлибров «Менситовские дубы»¹.

Метафора, выполняя эмоционально-оценочную функцию, является средством воздействия на адресата, а также основополагающим источником оценочности, поскольку в ее основе лежит сопоставление. Рассмотрим метафоры, метафорические схемы, на которых они базируются, и оценочные смыслы, встречающиеся в произведениях В. Андреева. В его произведениях встречаются все типы метафор (натуроморфная, социоморфная, антропоморфная и артефактная), но в данной статье исследуются антропоморфная и артефактная метафоры.

Антропоморфная метафора широко используется автором в сборнике «Менситовские дубы» (более 50 метафор данного типа). Такие абстрактные понятия, как правда и ложь, в произведениях автора сравниваются с частями тела человека, а именно частями головы: «затылок правды» (с. 7) (правда воспринимается как человек, который отвернулся и виден лишь затылок). В стихотворении «Наш путь» правда представлена как «крутолобая» (синоним слова «округлая») (с. 8). Вероятнее всего, автор хочет показать, что ложь обтекаема в сравнении с «прямой» правды. По мнению автора, она сильная, так как бросается в глаза.

¹ Здесь и далее ссылки на страницы даны по изданию: Андреев В.П. Менситовские дубы: Избранное. Екатеринбург, 2013.

Автор использует метафорические модели ПРАВДА — ЭТО ЧЕЛОВЕК, ЛОЖЬ — ЭТО ЧЕЛОВЕК.

Проанализируем ключевые метафоры из стихотворений «Язык детства», «Эра нулей», «Бунт высокомерного компьютера» (Владимир Андреев. Менситовские дубы: Избранное. 2013), в которых автор выражает отношение к природе и техническому изобретению человека. Поэт считает, что природа и природные явления идут на контакт с человеком, понимают его, имеют силу. Например, солнце *«также нежно, как мама, и мы с ним тихо шептались»*, *«огурцы играли ... в прятки»*, *«огурцы ... выходили навстречу»*, *«цветы были удивительно приветливы»* (с. 12). Данные метафоры представлены автором в стихотворении «Язык детства».

В стихотворении «Эра нулей» (с. 22) автор обращается к солнцу с приветствием: *«Здравствуй, Солнце...»*, его сила *«держит под контролем свое беспокойное стадо»*, оно *«понимающе кивает головой»*. По мнению автора, к солнцу можно обратиться как к личности, и оно в ответ поймет человека.

Следующие случаи употребления метафор также указывают на то, что природа для Андреева одухотворена и он воспринимает ее как личность. Например:

1. *«Идет по делам куда-то неспешно толстая с одышкою луна»*; *«Тишина по уставу сторожит и лунный свет и себя»* (Бессонница. С. 41);

2. Простор *«...встречает тебя как блудного сына»* (Священный простор. С. 44);

3. Данная метафора используется и в отношении деревьев и времен года: *«Белая сирень, словно бабушка, сердце успокаивает мое»* (с. 52); автор с сожалением пишет о том, что люди, ссылаясь на хворь, не желают *«...полюбоваться модной одеждой неприступных деревьев»* (Каприз. С. 55); В стихотворении «Осеннее» он пишет, что *«...у осени скверный характер»* (с. 30). Отдельное произведение он посвятил августу, когда на деревьях *«...возмужала кора, листья отпраздновали зрелость»* (с. 68);

4. Автор посвящает листьям целое стихотворение, в котором использует антропоморфную метафору, и наделяет их человеческими качествами; листья могут испытывать одиночество: *«Что касается одиноких листьев»* (с. 75), они подвержены предательству: *«Они не проклинают своих веток, предавших их»* (с. 75). Деревья, которые возвращают молодые побеги листьев, он сравнивает с человеческой способностью рождать и вынашивать потомство: *«где, как в чреве матери, толкается новый липкий листок»* (там же).

В результате анализа данных примеров выявляется следующая метафорическая модель, используемая В. Андреевым: ПРИРОДА (РА-

СТЕНИЯ, ЦВЕТЫ, ДЕРЕВЬЯ, ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ) — ЭТО ЧЕЛОВЕК.

В стихотворениях «Веники», «В родной избе» автор пишет о родных местах, о своем доме. Родная деревня воспринимается им как пространство, которое охраняют ангелы, поэтому *«дурные мысли и дурная кровь не живут»* в нем (с. 17). Автор воспринимает небо родной деревни как человека, который *«отдыхает от облаков»* (с. 18). Описывая жизнь в родной деревне, он рассказывает о том прекрасном времени как о райском, где они *«жили в обнимку с полями, рекой, землей...»* (с. 32). Таким образом, родина для него — это райский уголок, где можно отдохнуть, где нет никаких бед и никакого зла. Также автор сравнивает сердце поэта с зеркалом (с. 7).

Андреев «очеловечивает» и свою родную реку Волгу. Для иллюстрации можно привести пример отрывка из стихотворения «Волга».

«...О, колдовская вода бессмертной родины!

Ты и мать, и любимая.

На чужбине ты напоминаешь о себе

слезами тоски,

при встрече ласкаешь слезами любви.

... сколько раз утешала меня, развевала мои горести...

Ты угощала меня самой вкусной рыбой,

подарила в половодье лес для новой избы» (с. 66).

Метафорические модели в стихотворениях на данную тему представлены следующими элементами: РОДИНА (РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ) — ЭТО ЧЕЛОВЕК, РОДНАЯ РЕКА — ЭТО ЧЕЛОВЕК.

Посредством антропоморфной метафоры автором «очеловечиваются» следующие объекты: дом, огонь, животные. Например: *«...родительский дом сам напросился на дрова и вынужден греть чужую избу», «... выбритый огонь бросает в прожорливую пропасть детские сны...», огонь «...словно старый поэт»; «А на реке веснами ... будут плакать лягушки от неразделенной любви, ... в чьем-то доме будет сердиться муха на чисто вымытое окно; белые вьюги ... будут петь и петь о любви»* (Зола. С. 52).

Концепт РОДИНА встречается в стихотворениях «Предостережение» и «Думы о родной деревне». Автор любит свою родину и негативно относится к тем, кто равнодушен к ней, не заботится о ее будущем благополучии и не печется о настоящем. Он сравнивает их с наркоманами: *«Зачем им беспокоиться об очередной перезагрузке родины, если по венам течет героин равнодушия?!»* (с. 64). Людей, которые, не возмущаясь, продают и отдают родину, он называет *«покорными дворняжками»* (с. 64).

Часто автором используется прием, когда в одном произведении один и тот же объект описан двумя типами метафор. Благодаря антропоморфной метафоре действительность предстает через ассоциации с человеком (его телом, внутренним миром, качествами). Артефактная метафора дает возможность рассматривать объекты действительности через предметы и вещи, созданные руками человека. Например, сердце поэта описано с помощью антропоморфной и артефактной метафор. Сердце поэта «говорит всем и каждому», «люди не нуждаются в волшебном зеркале — сердце поэта» (с. 7). В первом случае сердце поэта сравнивается с человеком, который что-то говорит (антропоморфная метафора), а во втором примере оно сравнивается с таким предметом, как «зеркало».

В произведении «Мой язык» можно проследить и отношение автора к своему собственному языку. Он — *зная*, его песни, навеянные природой, передают и радость, и печаль, в нем *живут* эмоции народа, а он живет в *хрустальном перезвоне звезд* (с. 82). Концепт ЯЗЫК также описан автором с помощью двух вышеупомянутых метафор.

Когда автор пишет о компьютере, он не только выражает негативное отношение к этому предмету, но также и компьютер, по его мнению, недружелюбен по отношению к человеку. В стихотворении создано напряженное настроение: невидимый ум компьютера «заигрывает, пригласил на беседу, обзывает бедняком, не подаст руки» (с. 14, 15), «знаком, но другом не назовешь» (с. 15). В данном контексте реализуется метафорическая модель КОМПЬЮТЕР — ЭТО ЧЕЛОВЕК.

В. Андреев также описывает восприятие себя самого в настоящий момент и во временной перспективе. Писатель выражает надежду на то, что его стихи когда-то будут читать потомки. В стихотворении «Упражнения для лица» он пишет, что его «лицо — ... загадочное письмо потомкам», оно «... как надежно горящий факел» (с. 56). Он говорит о том, что в нем живет душа безымянного солдата и потому он является «желанным подарком справедливых небес» (с. 73), так как носит в себе память и печаль по тому подвигу, который был совершен солдатами. В стихотворении «О смысле вещей» он пишет: я — «путаная диаграмма» (с. 80), я — «изрешеченная мишень» (с. 80), «я — камешек без названья» (с. 82).

Антропоморфная и артефактная метафоры выполняют основную функцию — эмоционально-оценочную, выражая авторское мнение относительно различных понятий, «опредмечивание» абстрактных понятий с экспланаторной целью.

Исследовав языковой материал, представленный в творчестве Владимира Андреева, можно сделать следующие выводы.

В поэтической макросистеме В. Андреева широко используется метафора как средство оценки действительности. Использование антропоморфной и артефактной метафор зависит от контекста, определяется коммуникативной целью автора. Метафорические модели образуются в результате взаимодействия концептов ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК, АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ (ПРАВДА, ЛОЖЬ, РОДИНА) и ЧЕЛОВЕК, а также ПОЭТ и АРТЕФАКТ.

В результате анализа языкового материала поэтической макросистемы В. Андреева можно выделить основные метафорические модели, используемые автором: ПРАВДА — ЭТО ЧЕЛОВЕК, ЛОЖЬ — ЭТО ЧЕЛОВЕК (затылок правды, профиль лжи, крутолобая ложь), РОДИНА — ЭТО ЧЕЛОВЕК (родина и мать, и любимая, встречает слезами любви), ДУША — ЭТО ЧЕЛОВЕК (ходит душа в стороне знакомой), ПРИРОДА — ЭТО ЧЕЛОВЕК (луна идет по делам, лягушки плачут, вьюги поют о любви, у осени скверный характер), СОВЕСТЬ — ЭТО ЧЕЛОВЕК.

Оценка автором технического прогресса выражается посредством метафорической модели КОМПЬЮТЕР — ЭТО ЧЕЛОВЕК.

Один и тот же концепт может быть представлен в произведениях В. Андреева разными типами метафор. Например, СЕРДЦЕ ПОЭТА — ЭТО ЧЕЛОВЕК (оно «говорит» нелицеприятные слова), СЕРДЦЕ ПОЭТА — ЭТО АРТЕФАКТ (оно, как зеркало, отражает все человеческие недостатки).

Артефактные метафоры образуются с помощью ряда моделей: ЯЗЫК — ЭТО ЗНАМЯ, ПОЭТ — ЭТО ПИСЬМО, ПОЭТ — ЭТО ДИАГРАММА, ПОЭТ — ЭТО МИШЕНЬ, ПОЭТ — ЭТО ПОДАРОК, ПОЭТ — ЭТО КАМЕНЬ.

Библиографический список

Алексеев К. И. Метафора в научном дискурсе // Психологические исследования дискурса. М., 2002.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.

Баранов Г. С. Научная метафора: модельно-семиотический подход // Современные лингвофилософские концепции и метафоры. Кемерово, 1992.

Блэк М. Теория метафоры. М., 1990.

Каргаполов Е. П., Абдыжапарова М. И. Свободный стих в произведениях А. Ключанского, Н. Александровой // Столыпинский вестник. 2023 № 6. URL: <https://stolypin-vestnik.ru/stolypinskij-vestnik-6-2023>

Казарин Ю. Культура поэзии: непобедительный верлибр // Урал. 2012. № 11. URL: <http://uraljournal.ru/work-2012-11-913>

Ковалев П. А. Русский верлибр XX века и проблемы его изучения // Уральский филологический вестник. 2013 № 2. URL: <https://kpfu.ru/staff-files/F2001089788/uralskij.vestnik.pdf>

Лотман М. Ю. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.

Орицкий Ю. Б. Стихотворные идиостили мастеров русского верлибра // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022 № 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48555730_94284036.pdf

Патолятов Д. А. Метроритмическая организация верлибра и его периферия на примере поэзии Игоря Холина // Преподаватель XXI века. 2019. № 3–2. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41121615_77741372.pdf

Пустогаров А. Украинский верлибр как ключ к переводам на русский верлибра английского и американского // Вестник МГЛУ. 2015. № 11 (722). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39244337_76863839.pdf

Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. № 1 (001).

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*, Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Источник

Андреев В. П. Менситовские дубы: Избранное. Екатеринбург, 2013.

References

Alekseev K. I. *Metafora v nauchnom diskurse*. [Metaphor in the Scientific Discourse]. In: *Psihologicheskie issledovanija diskursa*. [Philosophical Research of Discourse]. Moscow, 2002.

Arutjunova N. D. *Metafora i diskurs*. [Metaphor and Discourse]. In: *Teorija metafori*. [Theory of Metaphor]. Moscow, 1990

Baranov G. S. *Nauchnaja metafora: model'no-semioticheskij podhod*. [Scientific Metaphor: Model and Semiotic Approach]. In: *Sovremennye lingvofilosofskie koncepcii i metafori*. [Modern Linguistic and Philosophical Concepts and Metaphors]. Kemerovo, 1992.

Kargapolov E. P., Abdyzhaparova M. I. *Svobodnyj stih v proizvedenijah A. Kljuchanskogo, N. Aleksandrovoj*. [A Free Poem in the Works by A. Kluchansky and N. Alexandrova]. In: *Stolypinskij vestnik*. [Stolypin Bulletin]. 2023. No. 6. URL: <https://stolypin-vestnik.ru/stolypinskij-vestnik-6-2023>

Kazarin Yu. *Kul'tura poezii: nepobeditel'nyj verlibr*. [Poetry Culture: Unconquerable Free Verse]. In: *Ural* [Ural]. 2012. No. 11. URL: <http://uraljournal.ru/work-2012-11-913>

Kovalev P. A. *Russkij verlibr XX veka i problemy ego izucheniya*. [Russian Free Verse of the 20th Century and the Problems of Its Study]. In: *Ural'skij filologicheskij*

vestnik. [Ural Philological Bulletin], 2013. No. 2. URL: https://kpfu.ru/staff_files/F2001089788/uralskij.vestnik.pdf

Lotman M. Yu. *O poetah i poezii*. [On Poets and Poetry]. St. Petersburg, 1996.

Orlickij Yu. B. *Stihotvornye idiositili masterov russkogo verlibra*. [Poetic Individual Styles of Masters of Russian Free Verse]. In: *Trudy instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. [Works of the Institute of the Russian Language Named after V. Vinogradov]. 2022. No. 1. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_48555730_94284036.pdf

Patolyatov D. A. *Metro-ritmicheskaya organizaciya verlibra i ego periferiya na primere poezii Igorya Holina*. [Metric and Rhythmic Organization of Free Verse and Its Periphery Using the Case Study of Igor Kholin's Poetry]. In: *Prepodavatel' XXI vek*. [Instructor of the 21st Century]. 2019. No. 3-2. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41121615_77741372.pdf

Pustogarov A. *Ukrainskij verlibr kak klyuch k perevodam na russkij verlibra anglijskogo i amerikanskogo*. [Ukrainian Free Verse as a Key to Translation into Russian of Free Verse of English and American]. In: *Vestnik Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Bulletin of Moscow State Pedagogical University]. 2015. No. 11. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_39244337_76863839.pdf

Chudinov A. P. *Kognitivno-diskursivnoe issledovanie politicheskoy metafory*. [Cognitive and Discursive Study of the Political Mataphor]. ШТЖ *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics]. Tambov, 2004. No. 1 (001).

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003.

Source

Andreev V. P. *Mensitovskie duby: Izbrannoe*. [Mensitovsky Oaks: Selected Works]. Ekaterinburg, 2013.

ОТ СЛОВА К ТЕРМИНУ: ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ *TERME* В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Д. С. Золотухин

Ключевые слова: метаязык, предтермин, прототермин, термин, терминология, терминосистема.

Keywords: metalanguage, preterm, prototerm, term, terminology, set of terms.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–13

В любой области научного знания всегда актуальны обсуждения терминов, выражающих научные понятия. Происходит это с разных точек зрения: обсуждается адекватность подобранной формы выражения, соответствие термина нормативным требованиям, статус терминологических единиц, их функция в передаче и накоплении знаний в процессе научной коммуникации, лексико-семантические и синтагматические отношения таких единиц внутри языковой системы, проблема перевода терминов с одного языка на другой. На метаязыковом уровне особого внимания заслуживает сам предмет научных дискуссий, именуемый как *terme* во французском языке и, на первый взгляд, как *термин* в русском языке. Актуальность и важность обращения к данной лексической единице (далее ЛЕ) объясняется прежде всего большой частотностью ее употребления в современных франкоязычных текстах по языкознанию. Так, в материалах, опубликованных по итогам Мирового конгресса по французской лингвистике (2020 и 2022 гг.) ЛЕ *terme* употребляется 1323 раза [7e Congrès mondial..., 2020; 8e Congrès mondial..., 2022]. Контекстологический анализ употребления данной единицы указывает на ее многозначность и соотнесение с разными понятиями, что делает необходимым подробное описание семантики ЛЕ не только для обеспечения корректного понимания соответствующих текстов узкой направленности, но также для усовершенствования качества перевода франкоязычных текстов на русский язык.

Отметим, что в данном исследовании мы сосредоточимся на *terme* / *термине* как ЛЕ, указывающей на слово или сочетание слов, выражающих определенное понятие какой-либо специальной области науки. При этом мы начнем с семасиологического анализа, чтобы охватить

всю семантическую структуру, содержащуюся в данной ЛЕ. Затем проведем подробный ономаσιологический анализ. В качестве материала будем опираться на основополагающие лексикографические источники (словари: *Dictionnaire historique de la langue française*, *Dictionnaire de linguistique*, Larousse, *Le Nouveau Robert*, *Trésor de la langue française*), современные статьи по лингвистике, содержащие анализируемую ЛЕ (ЛЕ [7e Congrès mondial..., 2020; 8e Congrès mondial..., 2022]). С целью проведения сравнительно-сопоставительного анализа обратимся также к ставшим «классическими» текстам франкоязычного лингвиста Ф. де Соссюра, имеющим переводы на русский язык.

Во французской лексикографии зафиксированы две ЛЕ *terme*, характеризующиеся омонимией: *terme-1* как граница / предел и *terme-2* как единица системы, в том числе и языковой.

Terme-1 используется для выражения довольно широкого понятия «предела», «границы», что объясняется этимологически: ЛЕ произошла от латинского *terminus* (1050 г.) — пограничный камень, межевой знак [*Dictionnaire historique*, 1994, р. 2104]. Семантическую структуру современного *terme-1* можно разделить на две большие части: *Terme-1.1*, обозначающий буквальный физический объект (межевой столб), указывающий на границы участка, а также архитектурный парковый элемент (статую с бюстом человека и вазоном или чашей в верхней части) или деревянный элемент оформления корабля, и *Terme-1.2*, обозначающий уже нематериальную, абстрактную границу [*Trésor de la langue Française...*]. Значения второй области семантической структуры, более актуальной для современного французского языка, можно также разделить на две внутренние части, поскольку предел, или граница, может пониматься в пространственном (например, место, где заканчивается поездка) и во временном (например, окончательный срок, конечная точка процесса) отношении [Там же]. В XI в. *terme* начинает обозначать время наступления какого-либо ожидаемого события [*Le Nouveau Petit Robert*]. Именно временной аспект семантики данной ЛЕ ложится в основу ее специализации (терминологизации) — перехода в сферу специального употребления. ЛЕ входит в терминосистему права (крайний срок выполнения обязательства: «*terme d'une dette, d'un prêt*» [*Trésor de la langue Française...*]) и финансовой сферы (назначенная дата платежа, срок выплаты). В современном французском языке *terme* ассоциируется скорее с временными характеристиками [*Dictionnaire historique*, 1994, р. 2104].

Перейдем к анализу семантики омонимичной ЛЕ *terme-2* как единицы системы с последующим указанием на взаимосвязь лексико-семантического содержания двух омонимов.

Terme-2 как «единица системы» образована также от латинского *terminus*, но тремя веками позже (1360 г.) [Там же]. Семантическая структура данной ЛЕ также делится на две части. Во-первых, *terme* обозначает единицу языковой системы (*terme-2.1*), обладающую точным значением и выражающую определенное понятие (синоним *mot* — *слово*), и единицу структурированной системы, четко отграниченную от других элементов системы и указывающую на классы объектов или объекты внутри этих классов, — то есть то, что в русском языке обозначается ЛЕ *термин*.

В рамках второй части семантической структуры (*terme-2.2*) ЛЕ *terme* отсылает к элементу, члену систем в более широком смысле, то есть не только языковых. При этом именно в этой области ЛЕ претерпевает терминологизацию и получает специальные значения в логике (простые *элементы*, связанные логическими отношениями) и математике (арифметические и алгебраические *члены*).

Связь между двумя частями семантической структуры *terme-2* вполне очевидна и основана на индуктивно-дедуктивных отношениях, на которые обращалось особое внимание в лингвистической концепции швейцарского ученого Ф. де Соссюра о языке как системе ценностей, устанавливаемой между языковыми единицами. На такие единицы, или элементы системы, во франкоязычных текстах лингвиста часто указывается с помощью ЛЕ *terme*: «значимость члена системы (*terme*) может изменяться без изменения как его смысла, так и его звуков исключительно вследствие того обстоятельства, что какой-либо другой, смежный член системы (*terme*) претерпел изменение» [Соссюр, 1999, с. 120]. Такое употребление позволяет Ф. де Соссюру активизировать все компоненты семантической структуры ЛЕ *terme* и говорить о словах, единицах языка (*terme-2.1*) как членах системы (*terme-2.2*). Концентрация семантических компонентов в одной французской единице объясняет тот факт, что в русском переводе работы «Курс общей лингвистики», синтезирующей соссюрские идеи, ЛЕ *terme* передана с помощью разнообразия эквивалентов: *компонент, название, слово, сторона, точка, член, член системы, элемент, явление* [Там же]. В современных языковедческих текстах *terme* в значении «члена» часто употребляется в сочетании *terme de la proposition* — *член предложения* [Dictionnaire de linguistique, 1994, p. 480; CMLF, 2020; CMLF, 2022].

На метадискурсивном уровне ЛЕ *terme*, употребляемая Ф. де Соссюром для указания на слова как элементы лингвистической терминологии, выражающие научные понятия, передается переводчиками, соответственно, с помощью русской ЛЕ *термин*: «Этот термин (*terme*) нам кажется неподходящим. Мы заменяем его термином (*terme*) фонология, ибо фонетика

первоначально означала и должна по-прежнему означать учение об эволюции звуков» [Соссюр, 1999, с. 37]. В современных текстах употребление ЛЕ *terme* в значении «научного термина» является самым частотным.

Таким образом, в рамках языкознания ЛЕ *terme* имеет три значения: член предложения, член системы (синоним *mot*, *élément*, *item*), языковая единица со специальным значением (синоним *unité terminologique*) [Dictionnaire de linguistique, 1994, p. 480].

Данные наблюдения подводят нас к упомянутой выше семантической и понятийной связи между двумя омонимами *terme-1* и *terme-2*. Для этого перейдем к рассмотрению данных ЛЕ с ономаσιологической точки зрения.

Известно, что разделение ЛЕ на омонимы традиционно означает разрыв очевидной семантической связи между двумя словами с тождественной формой. В случае с *terme* такая связь нарушена скорее на уровне денотатов: между межевым столбом, временной или пространственной границей, с одной стороны, и единицей языка или другой логико-математической системы, с другой стороны, действительно является не очень прозрачной. На понятийном же уровне данная связь обнаруживается гораздо легче. Со времен Г. Орема (XIV в.) во французском языке *terme* трактуется как единица, определяющая границы смысла [Rey, 1979, p. 15–20]. Согласно другому франкоязычному лингвисту — Э. Бенвенисту, научный термин представляет собой веху на дороге, по которой движется мысль ученого [Benveniste, 1974, p. 247]. Следовательно, это единица, которая выражает в языке накопленные на такой дороге научные знания. Это то, к чему стремится научная мысль с целью фиксации имеющихся результатов исследования. *Terme / термин* — конечный результат специализации слова: наблюдается постепенный переход от слова обывденного языка к научному термину, который, достигнув «предела» на этом пути, характеризуется развитой устойчивой семантической структурой и наличием устойчивой взаимосвязи с другими одновременно существующими терминами, задающими четкие границы (лимиты, пределы) его содержания. С диахронической точки зрения термин является пределом (лимитом и т. д.) специализации ЛЕ, что позволяет нам установить связь между *terme-2* как единицей системы и *terme-1* как пространственно-временного предела на основе связующих сем /*limite*/ /*dansletemps*/ /*dans'espace*/. Данные семы актуализируются и в однокоренных словах: *terminer* — *заканчивать*, *terminal* (прил.) — *конечный*, *terminal* (сущ.) — *терминал*, *terminus* — *конечная остановка*.

В русской ЛЕ *термин* семантические компоненты, ассоциируемые со временем и с пространством, обнаруживаются лишь при соотнесе-

нии ЛЕ *термин* с заимствованной ЛЕ *терминал*, указывающей на конечную точку маршрута. Значение «члена», «элемента системы» выражается ЛЕ *терм* — логико-математическая единица, описывающая какой-либо объект из предметной области предполагаемой модели исчисления [Философский энциклопедический словарь, 1983].

Однако потребность в выражении пространственно-временных характеристик *термина* как особой единицы научного языка привела логику терминоведческого мышления к созданию и употреблению таких русских ЛЕ, которые бы компенсировали ассоциации, являющиеся эксплицитными для носителей французского языка.

Так, В. Е. Брингевич, Н. В. Бугорская, С. В. Гринев-Гриневич, Л. В. Ивина, В. М. Лейчик и др. исследователи указывают на различие между ЛЕ *терминологическая система (терминосистема)* и *терминология*. *Терминосистема* характеризуется как «упорядоченное множество терминов», между которыми существуют «зафиксированные отношения» [Гринев-Гриневич, 2008, с. 15]. Такая строгая системность не характерна для *терминологий*, представляющих собой преобразования, которые могут постепенно трансформироваться в терминосистемы. В. М. Лейчик определяет *терминологию* как совокупность лексических единиц, складывающуюся стихийно. *Терминология* «обладает связанностью, но не целостностью» [Лейчик, 2012, с. 116–117], а входящие в нее лексические единицы могут быть упорядочены лишь частично. Элементы, входящие в терминологию, представляют собой не только *термины*, но и *предтермины* — постепенно терминологизирующиеся ЛЕ, «будущие термины» с точки зрения формальной или содержательной сторон. Однако чаще всего *предтермин* отличается от *термина* по своей формальной несформированности: единица, называемая *предтермином*, может быть составлена из нескольких элементов, не соответствуя требованиям, предъявляемым к сформированному *термину*. В процессе исторического развития научной отрасли *предтермин* может замениться *термином*, состоящим из одного элемента [Гринев-Гриневич, 2022, с. 75]. Единица, не соответствующая содержательным требованиям, называется *прототермином* — как правило, однословная единица, перенесенная в специальный, чаще всего «донаучный» дискурс из общеупотребительного языка. *Прототермин* соотносится не со строгим научным понятием, а со «специальным», донаучным представлением о явлениях и объектах. В отличие от *термина* и *предтермина*, *прототермин* не имеет научной дефиниции [Там же].

Резюмируя сказанное, можно заключить, что языковая и понятийная эволюция может трансформировать *прототермин* и *предтермин*

в *термин*. Совокупность образующихся *терминов* постепенно формирует целостность, структурированность и формальную и содержательную связанность — *терминосистему*. В отличие от *терминологий* как естественных образований, возникающих стихийно, *терминосистемы* представляют собой естественно-искусственные комплексы, образующиеся при целенаправленном вмешательстве субъекта [Лейчик, 2012, с. 130].

На уровне ЛЕ в данной области между русским и французским языками наблюдаем следующую асимметрию (см. табл.). Во французском языке используется ЛЕ *terminologie*, которая покрывает оба понятия, разграничиваемые в русском языке с помощью ЛЕ *терминология* и *терминосистема*, позволяющих указать на две стадии развития и два состояния комплекса *терминов* и *предтерминов*. Кроме того, *terminologie* используется для обозначения лингвистической области (учения, дисциплины), для которой в русском языке имеется еще одна ЛЕ — *терминоведение*. Специальная единица языка может обозначаться ЛЕ *термин*, *предтермин* или *прототермин*, отражающими пространственно-временные границы научных понятий на уровне формы или содержания. Во французском языке ЛЕ *terme* объединяет в себе семантические компоненты русских ЛЕ *термин*, *предтермин* и *прототермин*, а также включает в себя другие значения, в том числе омонимичные (компонент, название, слово, член, член системы, элемент и др.). Следует отметить, что во французском лингвистическом дискурсе используется ЛЕ *proto-terme*, однако она не является эквивалентом для русской ЛЕ *прототермин*. *Proto-terme* обозначает единицу общеупотребительного языка, объединяющую в себе абстрактные представления о классе более конкретных объектов — то есть архи-гипероним, который часто рассматривают в русле генезиса текстов при изучении процесса замены одной единицы на другую с переходом от простого к сложному [Lebrave, 1989, p. 110].

Справедливо будет заметить, что такое скрупулезное разграничение ЛЕ в русском языке характерно, безусловно, не для всех научных текстов. Использование ЛЕ *терминосистема*, *прототермин*, *предтермин* характерно для терминоведческих работ узкой направленности. Поэтому в большинстве случаев такая асимметрия устраняется — русскоязычные лингвисты часто используют ЛЕ *терминология* и *термин* в широких значениях, соответствующих французским *terminologie* и *terme*. При этом семантическая структура французского *terme* всегда гораздо шире — ЛЕ покрывает те значения, которые в русском языке будут выражаться разными ЛЕ, хотя и во французском языке существуют аналогичные эквиваленты с более узкими значениями: *unité*, *composant*, *nom*, *mot*, *membre*, *élément*, *phénomène* и др.

Соотнесение французских ЛЕ *terminologie* и *terme* с русскими эквивалентами

Французские ЛЕ		Русские ЛЕ			
<i>terminologie</i>		<i>терминология</i>	<i>терминология</i>	<i>термино-система</i>	<i>терминове-дение</i>
		в широком смысле	первый этап формирования системы терминов		
<i>Terme</i>	<i>Terme unité composant nom mot membre élément phénomène</i>	<i>Термин единица компонент название слово член элемент явление</i>	<i>Прототермин предтермин</i>	<i>Термин</i>	<i>Термин предтермин прототермин</i>

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что во французском языке наблюдается менее четкое разграничение терминоведческих понятий: не происходит разделение терминологической единицы и комплексов терминов ни на диахронической, ни на синхронической оси: ЛЕ *terme* и *terminologie* используются для обозначения термина и терминологии на любом этапе их развития. В отечественном терминоведении важно указание на статус термина, который может рассматриваться как собственно сформированный термин, а также как предтермин и прототермин, и статус терминологии, которая также имеет две стадии развития — собственно терминология и терминосистема как структура высшего порядка.

Данный аспект может затруднить процесс передачи франкоязычных текстов на русский язык. В этом случае переводчик может выбрать одну из двух стратегий: либо воспользоваться эквивалентом с более широкой семантикой, принятой в нетерминоведческом дискурсе языкознания, — то есть передавать *terme* как *термин*, а *terminologie* как *терминология* (или *терминоведение*, если речь идет о разделе языкознания), либо использовать прием конкретизации, уточняя статус *terme*, — то есть устанавливая, является ли *terme* в отдельном контексте *термином*, *предтермином* или *прототермином*, равно так же, как *terminologie* может являться *терминологией* или *терминосистемой*. При переводе русскоязычных специализированных текстов на французский язык имеются аналогичные стратегии: либо использование приема генерализации — то есть перевод всего разнообразия русских ЛЕ только с помощью *terme* и *terminologie*, либо сохранение терминоведческого статус-

са единиц посредством передачи данных понятий через неологизмы: *système terminologique (système de termes)* для *терминосистемы*, *préterme* для *предтермина* и *prototerme* для *прототермина* (с уточнением, что это не то же самое, что *proto-terme*).

Вторая выявленная особенность заключается в многозначности французской ЛЕ *terme* в лингвистическом нетерминоведческом дискурсе, что объясняется описанной этимологией данной ЛЕ и сохраненными лексико-семантическими связями. В этом случае в качестве переводческого инструмента может выступать только прием конкретизации (см. табл.).

Дальнейшие исследования в данной области позволяют улучшить качество научной коммуникации между франкоязычными и русскоязычными исследователями не только в области лингвистики и терминоведения в частности — понятие термина актуально для любой науки. Обсуждение уже полученных результатов в терминоведческих кругах будет способствовать интеграции разработанных отечественными исследователями более детальных и четких понятий во французское терминоведение.

Библиографический список

- Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М., 2008.
- Гринев-Гриневиц С. В., Сорокина Э. А., Матвеева Е. Е., Молчанова М. А. К вопросу об определении понятия «прототермин» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 2.
- Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2012.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Свердловск, 1999.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Benveniste E. Problème de linguistique générale II. Paris, 1974.
- Dictionnaire historique de la langue française. Le Robert. Edité par France loisirs, Paris, 1994.
- Larousse. Dictionnaire Français en ligne. URL: <https://www.larousse.fr/>
- Le Nouveau Petit Robert de langue française (version 3.2). Paris, Dictionnaires le Robert, 2009, 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Lebrave J-L. Les proto-termes dans les variantes d'écriture // Documentation et recherche en linguistique allemande contemporain. Vincennes. 1989. № 40.
- Rey A. La terminologie, noms et notions. Paris, 1979.
- 7e Congrès mondial de linguistique française, Université de Montpellier 3, France, 6–10 juillet 2020. SHS Web of Conferences. Volume 78. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2020/06/contents/contents.html>

8e Congrès mondial de linguistique française, Université d'Orléans, France, 4–8 juillet 2022. SHS Web of Conferences. Volume 138. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/08/contents/contents.html>

Trésor de la langue Française informatisé. ATILF — CNRS & Université de Lorraine. [Электронный ресурс] URL: <http://www.atilf.fr/tlfi>

References

Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedenie*. [Terminology studies]. Moscow, 2008.

Grinev-Grinevich S. V., Sorokina E. A., Matveeva E. E., Molchanova M. A. *K voprosu ob opredelenii ponyatiya prototermin*. [To the definition issues of the notion of prototerm]. In: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. [Current issues of philology and pedagogical linguistics]. 2022. No. 2.

Leychik V. M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura*. [Terminology studies: subject, method, structure]. Moscow, 2012.

Saussure F. de. *Kurs obshchey lingvistiki*. [Course in general linguistics]. Sverdlovsk, 1999.

Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. [Philosophical encyclopaedical dictionary]. Moscow, 1983.

Benveniste E. *Problème de linguistique générale II*. Paris, 1974.

Dictionnaire historique de la langue française. Le Robert. Edité par France loisirs, Paris, 1994.

Larousse. Dictionnaire Français en ligne. URL: <https://www.larousse.fr/>

Le Nouveau Petit Robert de langue française (version 3.2). Paris, Dictionnaires le Robert, 2009, 1 (CD-ROM).

Lebrave J-L. Les proto-termes dans les variantes d'écriture // *Documentation et recherche en linguistique allemande contemporain*. Vincennes. 1989. No. 40.

Rey A. *La terminologie, noms et notions*. Paris, 1979.

7e Congrès mondial de linguistique française, Université de Montpellier 3, France, 6-10 juillet 2020. SHS Web of Conferences. Volume 78. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2020/06/contents/contents.html>

8e Congrès mondial de linguistique française, Université d'Orléans, France, 4-8 juillet 2022. SHS Web of Conferences. Volume 138. URL: <https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2022/08/contents/contents.html>

Trésor de la langue Française informatisé. ATILF — CNRS & Université de Lorraine. URL: <http://www.atilf.fr/tlfi>

ОБЗОРЫ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТАТАРСКОЙ АРЕАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Л. Г. Хабибуллина

Ключевые слова: ареальная лингвистика, диалектология, метод лингвистической географии, татарский язык.

Keywords: areal linguistics, dialectology, method of linguistic geography, Tatar language.

DOI 10.14258/filichel(2024)2–14

Ареальная лингвистика изучает пространственное расположение языковых явлений, их связи, зоны распространения, ареалы языковых союзов. Возникновение ареальной лингвистики связано с применением новых методов изучения диалектов, с переходом к новой форме их описания в связи с созданием диалектологических атласов.

По мнению некоторых исследователей, основоположником тюркской ареальной лингвистики можно считать Махмуда Кашгари, а его словарь тюркских языков «Диван лугат ат-турк» («Свод тюркских слов», 1072–1074 гг.) является первым трудом по ареальной лингвистике в истории мирового языкознания [Исабекова, 2017, с. 301].

Этот словарь, составленный в XI в., охватывает многие отрасли науки, в том числе ареальную лингвистику и диалектологию. В этом труде выявляются взаимосвязи диалектных особенностей тюркских племен с их географическим местом обитания, впервые в исследовании языков применяется ареальная методика.

Фиксирование материалов по татарскому языку и их научное (в определенной степени) изучение начинается с экспедиции в Сибирь (1733–1743 гг.) под руководством профессора Г. Ф. Миллера, организованной Российской Академией наук. Г. Ф. Миллер впервые проводит работу по собиранию материалов живого разговорного татарского языка. В его объемном труде «История Сибири» приводится лексикон всех диалектов сибирских татар, предпринимаются попытки изучения истории народа на основе языкового материала [Юсупов, 2021].

Основу ареальной лингвистики составляют диалектологические исследования. «Как ни разграничивать уровни исследования и методы диалектологии, лингвистической географии и ареальной лингвистики, объектом исследования остаются диалекты, которые рассматриваются в разном освещении, но в единой перспективе исторического развития языков» [Сухачев, 1983, с. 24].

Становление татарской диалектологии как науки относится к концу XIX в. Возникновение татарской диалектологии связано с именем тюрколога А. Г. Бессонова. Свой вклад в изучение татарских диалектов и говоров внесли такие ученые, как В. В. Радлов, Н. Ф. Катанов, С. Е. Малов, Г. Ахмаров [Материалы по татарской диалектологии, 1962, с. 7].

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. татарская диалектология оформляется как наука, поднимается вопрос и предпринимаются первые попытки сравнительного изучения и классификации татарских диалектов и говоров.

Исследование диалектов татарского языка имеет богатую историю. В конце 20-х гг. XX в. начали организовываться диалектологические экспедиции Дж. Валиди, а в конце 30-х гг. — профессором М. А. Фазлуллиным.

Татарский языковед, педагог и методист М. А. Фазлуллин работал в Казанском государственном педагогическом институте, Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. Одним из ведущих направлений его научной деятельности была историческая диалектология. Под руководством проф. М. А. Фазлуллина проводились экспедиционные выезды для изучения татарских диалектов в первую очередь в пределах Татарской АССР.

Доцент Казанского Восточного педагогического института Дж. Валиди совершил поездку к каринским и глазовским татарам, одним из первых отметил удмуртское влияние на говоры татарского языка. Он собирал материалы методом анкетирования, в результате дал краткую характеристику татарским диалектам.

В эти годы видным специалистом в области ареальной лингвистики стал Л. З. Залаяй. Он на протяжении долгих лет (1939–1962 гг.) руководил сектором татарского языка в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР (ныне — Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан), преподавал татарскую диалектологию и историю языка в Казанском педагогическом институте и Казанском университете. Л. З. Залаяй организовал и возглавил 19 экспедиций, стал первым доктором филологических наук по татарскому языку, успешно защитив диссертацию по диалектологии в Институте языкознания (Москва, 1955).

Следует отметить, что А. З. Заляй одним из первых в татарском языкознании предпринимает попытки отображения языковых особенностей на карте, то есть делает первые попытки применения метода лингвистической географии. Эти достижения отражены в учебнике А. З. Заляя «Татар диалектологиясе» («Татарская диалектология»). В этом труде приводится информация по говорам, распространенным не только в Татарстане, но и в Рязани, Мордовии, Перми, Нижнем Новгороде, Башкортостане, Сибири, существенно уточняется классификация татарских диалектов. А. З. Заляй, основываясь на территориально-лингвистическом принципе, разделяет их на западный, средний и восточный диалекты.

Изучение татарских говоров методом лингвистической географии начинается в 1958–1959 гг. Вопрос о необходимости составления диалектологического атласа, издания диалектологического словаря татарского языка был поставлен еще в 1956 г. А. З. Заляем. Эти задачи были решены его учениками и последователями. Группа диалектологов Института языка, литературы и истории одной из первых среди тюркологов приступила к ареальному исследованию татарских говоров методом лингвистической географии, используя экспедиционные материалы. Благодаря методу лингвистической географии обеспечивается максимальная точность собранного материала, происходит наиболее полное и системное описание говоров, становится возможным составление географии распространения отдельных языковых явлений в сопоставлении с изоглоссами других особенностей. Таким образом, увеличиваются возможности раскрытия истории формирования отдельных диалектов.

Начальный опыт ареального исследования татарских диалектов был проведен А. Т. Махмутовой. В ее труде «Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка» (Москва, 1978 г.) описывается западная зона татарских говоров.

А. Т. Махмутова с отличием окончила восточный факультет Ленинградского государственного университета (1948). При том же университете прошла курс аспирантуры, досрочно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Особенности касимовского говора татарского языка» (1952). С 1952 г. работала в Казани в Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР; в 1961–1986 гг. была заведующей сектором языка [Казанская лингвистическая школа, 2008, с. 218].

Под руководством А. Т. Махмутовой была создана группа диалектологов, на протяжении нескольких десятков лет (1946–1986 гг.) организовано более 200 экспедиций. За довольно короткий срок на основе «Программы по собиранию материалов для Диалектологического атла-

са татарского языка» (Казань, 1959) был накоплен огромный материал по всей основной территории расселения татар. В ходе экспедиций производилась запись разговорной речи местного населения на магнитную ленту. Основным методом при сборе материала был метод наблюдения за живой речью. В результате было проведено «монографическое изучение татарских говоров в довольно обширном регионе Поволжья и Приуралья, уточнены их классификация, границы и ареалы, составлен и отредактирован двухтомный Атлас народных говоров» [Хисамова, 1984, с. 83].

Таким образом, лингвогеографический этап в татарской диалектологии заключается в фронтальном изучении всех татарских говоров на основе единой программы.

Работа по собиранию материала завершается к 1985 г., а составление и редактирование Атласа — к 1986 г. «Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» и «Комментарии» к нему издаются в 1989 г.

Изучение татарских говоров методом лингвистической географии — широкомасштабная работа. В Атласе отображено 845 сел. Во время сбора материала для «Атласа...» и его создания были обогащены и углублены лингвистические сведения по татарским говорам. «Атлас...» позволил объективно сгруппировать, определить границы распространения татарских говоров, уточнить ареалы многих языковых явлений, значимых в плане истории языка.

Создание «Атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» (Казань, 1989) стало большим достижением татарской диалектологии, итогом многолетнего кропотливого труда диалектологов ИЯЛИ АН РТ (составители: Н. Б. Бурганова, Л. Т. Махмутова, Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хайрутдинова) [Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья, 1989].

В ходе сбора материала для «Атласа...» лингвогеографический метод сочетался с монографическим. В трудах Л. Т. Махмутовой, Н. Б. Бургановой, Л. Ш. Арсланова, Г. К. Якуповой, Р. Р. Мингудовой, Ф. Ю. Юсупова, Д. Б. Рамазановой, Ф. С. Баязитовой, Т. Х. Хайрутдиновой, З. Р. Садыковой лексика говоров рассматривалась по тематическим группам, лексика отдельных говоров изучалась с точки зрения ее генетического состава, соотношения с лексикой литературного языка, происхождения, изменения и развития и др.

«С середины 80-х гг. татарские диалектологи приступают к обработке и исследованию различных лексико-семантических групп, научному осмыслению диалектной лексики, сохранившейся в татарских народных

говорах» [Казанская лингвистическая школа, 2008, с. 243]. Диалектная лексикология становится основным направлением ареальных исследований. Основная деятельность направляется на изучение диалектной лексики, фонетико-грамматических и семантических изменений различных лексико-семантических групп в синхронии и диахронии, ареальном и генетическом аспектах. Иначе говоря, ставятся вопросы исторической лексикологии, исторической диалектологии.

В этом направлении следует упомянуть труды Д. Б. Рамазановой, в которых лексико-тематические группы диалектной лексики исследованы как система (например, монографии «Термины родства и свойства в татарском языке» : в 2 кн., 1991; «Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте», 2002; «Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика», 2013); работы, посвященные исследованию названий пищи, утвари, растений [Хайрутдинова, 1993, 2000, 2004], животных, названия хозяйственных построек и инвентаря [Садыкова, 1994, 2003]; труды, в которых изучается обрядовая лексика [Баязитова, 1992, 1995].

Исследование диалектов и составление «Атласа...» подготовили почву для появления трудов по ареальной лингвистике. «Раскрываются ареалы распространения отдельных диалектизмов или групп диалектизмов, их диалектные синонимы, лексические и семантические различия. Все это, с одной стороны, еще раз подтверждает справедливость установленного диалектного членения татарского языка и, с другой стороны, обогащает и позволяет развивать дальше их ареальную характеристику в плане истории развития, диалектной синонимии и т.д.» [Рамазанова, 2008, с. 108].

Ареальная лингвистика выявляет особенности отдельных говоров и устанавливает территориальные границы между ними. Целью ареальной лингвистики является интерпретация изоглосс, изучение территориального расположения языковых особенностей. Объект исследования ареальной лингвистики — языковой или диалектный ареал. Ареальная лингвистика учитывает границы распространения тех или иных языковых явлений, изучает смежные явления.

Между диалектологией и ареальной лингвистикой существуют как общие, так и различительные стороны. Оба раздела лингвистической науки изучают отдельные языковые явления. Однако диалектология характеризуется большей глубиной изучения диалекта, а ареальная лингвистика — большим территориальным охватом. При диалектологических исследованиях выявляются диалектные особенности, требующие уточнения территории их распространения, что и осуществляет-

ся ареальной лингвистикой. Таким образом, без диалектологического изучения говоров невозможно заниматься разрешением проблем ареальной лингвистики. Для определения характера взаимоотношения между диалектами необходимо иметь представление об их специфических особенностях.

Ареальные исследования татарского языка продолжают и в настоящее время: ежегодно Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ организуются комплексные экспедиции в места проживания татар, в ходе которых производится сбор и изучение языковых особенностей, фольклорных материалов, художественного, музыкального наследия татарского народа.

Библиографический список

Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья / под ред. Н. Б. Бургановой, А. Т. Махмутовой, Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, З. Р. Садыковой, Т. Х. Хайрутдиновой : в 2 т. Казань, 1989.

Диван лугат ат-турк (свод тюркских слов) : в 3 т. / Махмуд Ал-Кашгари ; пер. с араб. А. Р. Рустамова; под ред. И. В. Кормушина. М., 2010–2016.

Зуев А. С. Отечественная историография присоединения Сибири к России. Новосибирск, 2007.

Исабекова У. К. Махмуд Кашгари — основоположник ареальной лингвистики // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 2.

Казанская лингвистическая школа: Книга первая: Казанская тюркская лингвистическая школа / сост. М. З. Закиев. Казань, 2008.

Материалы по татарской диалектологии / отв. ред. М. Х. Гайнуллин, А. Т. Махмутова. Казань, 1962.

Махмутова А. Т. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978.

Миллер Г. Ф. История Сибири (1705–1783). М.; Л. 1937.

Рамазанова Д. Б. Вопросы татарской диалектологии. Казань, 2008.

Сухачев Н. Л. Что изучает структурная диалектология / В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Л., 1983.

Хисамова Ф. М. Материалы по татарской диалектологии (рецензия) // Советская тюркология. 1984. № 5.

Юсупов Ф. Ю. В. В. Радлов и его книга «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар» (СПб., 1872). Нижний Тагил, 2021.

Жәләй А. Татар диалектологиясе. Казан, 1947.

References

Atlas tatarskikh narodnykh govorov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya. [Atlas of Tatar folk dialects of the Middle Volga region and the Urals. In 5 vols.]. Kazan, 1989.

Divan lugat at-turk (svod tyurkskikh slov). [A set of Turkic words: in 5 vols.]. Moscow, 2010–2016.

Zuev A. S. *Otechestvennaya istoriografiya prisoedineniya Sibiri k Rossii*. [Russian historiography of the annexation of Siberia to Russia]. Novosibirsk, 2007.

Isabekova U. K. *Makhmud Kashgari — osnovopolozhnik areal'noy lingvistiki*. [Mahmoud Kashgari is the founder of areal linguistics]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta Druzhy Narodov* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics]. 2017. Vol. 8. No. 2.

Kazanskaya lingvisticheskaya shkola. [Kazan Linguistic School]. In: *Kazanskaya tyurkskaya lingvisticheskaya shkola*. [Kazan Turkic Linguistic School]. Book 1. Kazan, 2008.

Materialy po tatarskoy dialektologii. [Materials on Tatar dialectology]. Kazan, 1962.

Makhmutova L. T. *Opyt issledovaniya tyurkskikh dialektov. Misharskiy dialekt tatarskogo yazyka*. [The experience of studying Turkic dialects. Mishar dialect of the Tatar language]. Moscow, 1978.

Miller G. F. *Istoriya Sibiri (1705–1783)*. [The History of Siberia (1705–1783)]. Moscow; Leningrad, 1937.

Ramazanova D. B. *Voprosy tatarskoy dialektologii*. [Problems of Tatar dialectology]. Kazan, 2008.

Sukhachev N. L. *Chto izuchaet strukturnaya dialektologiya*. [What Structural Dialectology studies]. In: *Areal'nye issledovaniya v yazykoznanii i etnografii (yazyk i etnos)*. [Areal studies in linguistics and ethnography (language and ethnicity)]. Leningrad, 1983.

Khislamova F. M. *Materialy po tatarskoy dialektologii (retsenziya)*. [Materials on Tatar dialectology]. In: *Sovetskaya tyurkologiya*. [Soviet Turkology]. 1984. No. 5.

Yusupov F. Yu. *V. V. Radlov i ego kniga "Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi. Chast" IV. Narechiya barabintsev, tarskikh, tobol'skikh i tyumenskikh tatar' (SPb., 1872)*. [V. V. Radlov and his book «Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe. (St. Petersburg, 1872)]. Nizhny Tagil, 2021. Part IV. The dialects of the Barabinsk, Tarsk, Tobolsk and Tyumen Tatars.

Zalyay L. *Tatar dialektologiyase*. [Tatar dialectology]. Kazan, 1947.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

В. С. Савельев. Функции курсива в статье Н. М. Карамзина «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице» (1802 г.). В работе рассмотрены особенности использования курсива в статье Н. М. Карамзина «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице», опубликованной им в 1802 г. в журнале «Вестник Европы». Установлено, что в тексте имеется 25 фрагментов с использованием курсива, причем в большинстве случаев курсивом выделяются слова и словосочетания, являющиеся различными членами предложения. Анализ материала позволил определить две основные функции курсива. Первая из них связана с вводом в текст «чужого слова», которое может относиться к одному из установленных типов: введение в текст номинации, неизвестной ранее автору и/или читателю; использование архаизмов и авторских неологизмов; оформление прецедентных текстов; цитирование нарративных фрагментов и прямой речи, восходящих к текстам других авторов. Вторая функция связана с акцентированием внимания читателя на коммуникативно значимых частях текста, при этом чаще всего выделяются слова, на которые падает фразовое ударение. Обнаружено, что в большинстве случаев выделение курсивом позволяет реализовать обе эти функции одновременно.

V. S. Savelyev. Functions of Italics in the Article by N. M. Karamzin *Historical memories and remarks on the way to the Trinity* (1802). The paper examines the features of using italics in the article by N. M. Karamzin *Historical memories and remarks on the way to the Trinity*, published by him in the journal *Vestnik Evropy* in 1802. It has been established that the text contains 25 extracts where italics is used, and in most cases words and phrases that are different parts of the sentence are highlighted in italics. The analysis of the material allowed us to identify two main functions of italics. The first one is connected to the introduction of a “non-author word” into the text, which may belong to one of the established types: the introduction into the text of a nomination previously unknown to the author and/or reader; use of archaisms and author's neologisms; indication of precedent texts; quoting narrative fragments and direct speech that go back to the texts of other authors. The second function is connected to drawing the reader's attention to communicatively significant parts of the text, while the words on which logical

stress falls are most often printed in italics. It has been found that in most cases, italics allows both of these functions to be achieved simultaneously.

Т. С. Карпачева. Смердяков и скопчество. В статье рассматривается образ Смердякова, героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Устойчивое в литературоведении понимание этого героя как «карикуры» или «двойника» Ивана Карамазова, на наш взгляд, недостаточно для раскрытия его роли в романе. Цель работы — рассмотреть признаки, предположительно указывающие на принадлежность Смердякова к секте скопцов, а также выяснить соотношение темы скопчества с криминальным сюжетом отцеубийства. Изучение признаков принадлежности Смердякова к скопчеству, подтвержденных историко-правовыми и религиоведческими исследованиями феномена сектантства, позволяют отметить высокую вероятность предположения. Достоевский приходит к выводу о том, что скопчество оказалось убийственным не только по отношению к потомству, но и к родителям. Более того, Достоевский предвосхищает криминологические открытия современной науки: преступник-сектант, реализуя в своих поступках внушенные ему деструктивные идеи, действуя под чужим влиянием, оказывается и преступником, и жертвой одновременно. Такого рода преступником и является Смердяков, так и не дождавшийся того, что братья назовут его братом.

T. S. Karpacheva. Smerdyakov and Skopchestvo. The article examines the image of Smerdyakov, a character of the novel by F. M. Dostoevsky's *The Brothers Karamazov*. The stable understanding in literary criticism of this character as a “caricature” or “double” of Ivan Karamazov, in our opinion, is not enough to reveal his role in the novel. The purpose of the work is to consider signs that presumably indicate that Smerdyakov belongs to the sect of eunuchs, and also to find out the relationship between the theme of eunuchs and the criminal plot of parricide. Having examined the signs of Smerdyakov's belonging to the Skopchestvo, confirmed by historical, legal and religious studies of the phenomenon of sectarianism, one could note that it is highly probable. Dostoevsky comes to the conclusion that skopchestvo turned out to be murderous not only in relation to offspring, but also to parents. Moreover, Dostoevsky anticipates criminological discoveries of modern science: a sectarian criminal, realizing in his actions the destructive ideas instilled in him, acting under the influence of others, turns out to be both a criminal and a victim at the same time. This kind of criminal is Smerdyakov, who never expected his brothers to call him a brother.

К. С. Рассказова. Топос леса в творчестве А. П. Чехова 1890–1900-х гг. Статья посвящена выявлению специфики топоса леса в произведениях А. П. Чехова в его последнее творческое десятилетие. Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра границ начала модернизма в русской литературе, их переносом с 1900-х гг. на 1880-е гг. В статье на пространственном материале демонстрируются неклассические изменения, чем и обуславливается новизна исследования. В рамках работы выделено и проанализировано 112 текстовых фрагмента с топосом леса, описаны модальности данного пространства, характерные для классической и неклассической литературы, проведен анализ модальностей топоса в произведениях А. П. Чехова. Топос леса в последнем творческом десятилетии писателя выступает в трех модальностях: живой лес, лес как символ бесхозяйственности, место нанесения вреда и лес как место наваждения. Топос во всех случаях сконструирован сложно, построен на сочетании библейской традиции, сказочной традиции и индивидуального авторского мифа. Исследование подтверждает результаты, ранее полученные нами при анализе других пространственных компонентов в произведениях Чехова данного периода, что позволяет говорить о более раннем начале процессов модернизации.

K. S. Rasskazova. Forest Topos in Chekhov's works of the 1890–1900s. The article is devoted to identifying the specifics of the forest topos in the works by A. P. Chekhov in his last creative decade. The relevance of the study is due to the necessity to revise the boundaries of the beginning of modernism in Russian literature, their transfer from the 1900s to the 1880s. The author of the article demonstrates non-classical changes using spatial material, this determines the novelty of the research. One hundred twelve textual extracts with the topos of the forest were identified and analyzed, the types of modality of this space and the characteristic of classical and non-classical literature were described, and the analysis of the types modality of the topos in the works by A. P. Chekhov was carried out. The topos of the forest in the last creative decade of the writer appears in three types of modality: a living forest, a forest as a symbol of mismanagement, a place of harm, and a forest as a place of obsession. The topos in all cases is complexly constructed and built on a combination of biblical tradition, fairy tale tradition and individual author's myth. The study confirms the results we previously obtained while analyzing other spatial components in Chekhov's works of that period, which allows us to speak about an earlier beginning of the modernization processes.

С. С. Фолимонов. Жанр исторического предания в творческой лаборатории В. Г. Короленко (на материале очерков «У казаков»). В статье рассматривается проблема использования исторических преданий и соотносимых с ними по жанровым признакам форм устной несказочной прозы в художественной иносреде. Исследование проведено на материале путевых очерков В. Г. Короленко «У казаков», которые, по признанию современников писателя, являются одним из лучших образцов в его литературном наследии. Своеобразие приемов построения повествовательной структуры «У казаков» и принципы авторской интерпретации отобранных фольклорных претекстов определяются сложной задачей, стоявшей перед литератором. На протяжении многих лет он собирал материал для исторического романа о Е. И. Пугачеве «Набеглый царь». Пытаясь найти ответы на сложные вопросы, связанные с генезисом пугачевщины, он превратил путевые очерки о Приуралье в лабораторию по моделированию эстетической концепции будущего романа. Такая установка позволила ему максимально расширить жанровый потенциал произведения, добиться иного уровня функциональности заимствованных элементов. В статье представлен подробный анализ ключевых эпизодов очеркового цикла, позволяющий сделать выводы об эффективности авторского метода и особенностях творческой лаборатории прозаика.

S. S. Folimonov. The Genre of Oral Historical Narration in the Creative Laboratory of V. G. Korolenko (based on the essays *At the Cossacks*). The article examines the problem of using historical narrations and forms of oral non-fairy prose, correlated with them, according to genre characteristics in a literary text. The study was conducted on the basis of travel essays by V. G. Korolenko *At the Cossacks*. According to the writer's contemporaries, they are one of the best examples in his literary heritage. The originality of the methods for constructing the narrative structure of *At the Cossacks* and principles of the author's interpretation of the selected oral narrations are determined by the difficult task facing the writer. For many years he collected material for a historical novel about E. I. Pugachev. Trying to find answers to complex questions related to the genesis of Pugachevism, he turned travel essays about the Urals into a laboratory for modeling the aesthetic concept of a future novel. This attitude allowed him to maximize the genre potential of the work and achieve a different level of functionality for the borrowed elements. The article presents a detailed analysis of the key episodes of the essay cycle, allowing one to draw conclusions about the effectiveness of the author's method and the features of the prose writer's creative laboratory.

Н. В. Чаунина. Детская литература Южной Якутии: жанровые, тематические, мотивно-образные особенности. Цель данной статьи — выявление жанровых, тематических и мотивно-образных особенностей современной детской литературы Южно-Якутского региона. Для анализа выбраны наиболее популярные в регионе авторы — Людмила Носкова и Татьяна Демина, не являющиеся профессиональными писателями, но активно участвующие в культурной жизни района. Материалом исследования послужили драматические, стихотворные и прозаические произведения указанных авторов. В результате проведенного жанрового, тематического, мотивно-образного анализа произведений убедительно доказана их ценность как средства формирования устойчивого интереса к чтению у юных читателей, расширения представлений о родном крае, а также осознания значимости вклада в общее культурное наследие страны мастеров слова, являющихся современниками и соотечественниками. Необходимость включения произведений писателей-регионалистов в российский литературный процесс обусловлена самобытностью их творчества, сочетающего в себе местный колорит, традиции русской литературы и фольклора и оригинальное авторское мироощущение.

N. V. Chaunina. Children's Literature of Southern Yakutia: Genre, Thematic, Motif-figurative Features. The purpose of this article is to identify genre, thematic and motif-shaped features of modern children's literature in the South Yakut region. The most popular authors in the region were selected for analysis — amateur writers Lyudmila Noskova and Tatyana Demina, who actively participated in the cultural life of the region. The material under study is the dramatic, poetic and prose works of these authors. As a result of the genre, thematic, motif-figurative analysis of the works, their value has been convincingly proven as a means of developing a sustainable interest in reading among young people, expanding ideas about their native land, as well as realizing the significance of the contribution to the general cultural heritage of the country by wordsmiths who are contemporaries and fellow citizens. The necessity to include the works of regional writers in the Russian literary process is due to the originality of their work, which combines local touch, traditions of the Russian literature and folklore, and the original author's worldview.

Г. И. Лушникова, Т. Ю. Осадчая. Эстетика и принципы неореализма в романе Дэйва Эггерса «Душераздирающее творение ошеломляющего гения». Рассматриваются основные положения и принципы эстетики неореализма, которые прослеживаются в ряде произведений современной художественной литературы, получившие особое преломле-

ние в романе современного американского писателя Д. Эггерса «Душе-раздирающее творение ошеломляющего гения», который послужил материалом для настоящего исследования. Цель статьи — проанализировать способы реализации эстетики и принципов неореализма в исследуемом романе и продемонстрировать, что неореалистические тенденции обнаруживают особую специфику в художественно-документальной прозе. Анализ показал, что в романе Д. Эггерса имеют место такие черты, как определенный тип мимезиса; совместное конструирование реальности автором и читателем; традиционные для автобиографий и мемуаров темы семьи, дружбы, ответственности; наличие романтического и реалистического мотивов; пост-ирония, соединяющая постмодернистскую иронию и глубокую искренность; создание положительного образа главного героя.

G. I. Lushnikova, T. Iu. Osadchaia. Aesthetics and Principles of Neorealism in Dave Eggers' *A Heartbreaking Work of Staggering Genius*. This article discusses the basics of neorealism aesthetics and principles, which can be traced in a number of works of contemporary fiction. These principles are specifically manifested in the novel by a contemporary American writer D. Eggers *A Heartbreaking Work of Staggering Genius* which is under study in the article. Its purpose is to analyze the ways in which the aesthetics and principles of neorealism are implemented in the novel and to demonstrate that neorealist tendencies are typical for the documentary fiction prose. The analysis has shown that the novel by D. Eggers contains such features as a certain type of mimesis; collaboration of the author and the reader in the reality construction; traditional for autobiographies and memoirs themes of family, friendship, and responsibility; the presence of romantic and realistic motives; post-irony, combining postmodern irony and deep sincerity, creating a positive image of the main character.

М. В. Батюшкина, Т. В. Чернышова. Лингвистическая экспертиза законопроекта: общие подходы. В статье рассматриваются дискуссионные вопросы лингвистической экспертизы законопроектов. Представлены результаты исследования особенностей официального определения понятия «лингвистическая экспертиза законопроекта», закрепленного в Регламенте Государственной Думы, рекомендуемых аспектов и технологических этапов экспертизы, задач, которые выполняет эксперт при проведении лингвистического (редакционного) анализа языка и стиля законопроекта. Обозначена цель лингвистической экспертизы законопроекта, а также базовые критерии экспертного лингвистического анализа: «соответствие нормам правописания и грамматики», «со-

ответствие стилю (жанру)», «логичность изложения», «достоверность фактического материала», «отсутствие графических ошибок и недочетов». С учетом круга рекомендуемых задач дана иллюстрация процедур, осуществляемых на разных этапах экспертизы законопроектов. В заключение в соответствии с критериями, предъявляемыми к законодательным текстам, рассмотрены примеры типичных ошибок в их оформлении.

M. V. Batyushkina, T. V. Chernyshova. Linguistic Examination of the Bill: General Approaches. The article covers controversial issues of linguistic examination of bills. The results of the study of the official definition of “linguistic examination of the bill” concept, enshrined in the Rules of the State Duma, recommended aspects and technological stages of the examination, the tasks that an expert performs while conducting a linguistic (editorial) analysis of the language and the style of a bill are presented. The purpose of the linguistic examination of the bill is outlined, as well as the basic criteria for expert linguistic analysis: “compliance with the norms of spelling and grammar”, “compliance with the style (genre)”, “logical presentation”, “reliability of the material under study”, “absence of graphic errors or minor mistakes”. Taking into account the range of recommended tasks, the authors provide some illustration of the procedures carried out at different stages of the examination of the bill. In conclusion, in accordance with the criteria for legislative texts, examples of typical errors in the text design are considered.

Д. А. Бабак, С. А. Осокина. Языковая специфика устойчивых сочетаний слов в англоязычных медицинских текстах. В статье рассматриваются языковая специфика и особенности употребления устойчивых сочетаний слов (фразеологизмов) в медицинских текстах на английском языке. Источниками для отбора материала послужили тексты статей, инструкций и аннотаций к лекарственным препаратам на английском языке. Рассмотрены критерии определения устойчивости сочетаний слов и классы фразеологизмов на основе анализа научной литературы по изучаемой проблеме. Анализируются такие характеристики устойчивых сочетаний, как семантическая слитность, переосмысленность, фиксированность, воспроизводимость. На основе количественного и статистического методов анализа сделан вывод о том, что наименьшим по количественному составу и наибольшим по частоте употребления в медицинских англоязычных текстах является класс устойчивых сочетаний слов, представляющих собой формульные клише, лишённые переосмысленности и метафоричности, но представляющие собой фиксированные сочетания слов, воспроизводящиеся в проанализированных текстах без изменений.

D. A. Babak, S. A. Osokina. The Linguistic Distinction of Fixed Collocations in English-Language Medical Texts. The article examines the linguistic distinction and peculiarities of usage of fixed collocations, or phraseological units in medical texts in the English language. The texts of articles, instructions and descriptions to medicines in English have served as source material. The criteria for determining the stability of word combinations and classes of phraseological units are considered based on the analysis of scientific literature on the studied problem. The characteristics of fixed collocations such as semantic fusion, reinterpretation, stability, recurrence are analyzed. Based on quantitative and statistical methods of analysis, it is concluded that the smallest in number and the largest in frequency of use in medical English-language texts is a class of fixed collocations representing formulaic clichés devoid of reinterpretation and metaphoricity, but which by nature is fixed collocations recurring in the analyzed texts without changes.

Н. В. Кожанова. Тенденции использования англо-американских заимствований в немецких текстах объявлений о вакансиях. В статье рассматриваются тексты объявлений о вакансиях с точки зрения использования в них англо-американских заимствований. Отмечается, что особенно много заимствований наблюдается в рекламе, в том числе и в текстах объявлений о вакансиях, которые принято относить к рекламным текстам. В результате исследования выявлено, что англо-американизмы активно используются как в заголовках объявлений о вакансиях, так и в самих текстах объявлений. В статье также отмечается, что не только заголовков нередко представлен английским обозначением профессии, но и сам текст объявления о вакансии полностью прописывается на английском языке. Сделан вывод о том, что в процессе заимствования происходят обоюдные процессы: английский язык сохраняет влияние на орфографию, произношение и словообразование заимствованных лексических единиц, но одновременно они подвергаются влиянию немецкого языка, так как заимствования часто трансформируются под воздействием формальных и функциональных средств немецкого языка.

N. V. Kozhanova. Trends of the Use of Anglo-American Borrowings in German Job Advertisement Texts. The article considers job advertisement texts with regard to the use of Anglo-American borrowings in them. It is widely accepted that the use of English borrowings can provide the texts with some special status by making them more prestigious. It is stated in the article that a significantly great number of borrowings may be observed in the sphere of advertisement including job advertisement texts. The conducted research allowed to come to the conclusion that Anglo-American borrowings are

used in the headings of job advertisement as well as in the body of the text. The article also points out that not only the heading is often represented by an English name of a profession, but also the whole advertisement text is written in English. In conclusion, it is worth mentioning that while borrowing mutual processes take place: the English language retains influence on spelling, pronunciation and word building patterns of the borrowed lexical units but at the same time they undergo the influence of the German language because the borrowings are very often transformed affected by formal and functional means of the German language.

В. А. Черноусов, О. М. Акай. Актуализация использования игровых сленгизмов при переводе видеоигр. В настоящей работе активно исследуется вопрос об актуальности употребления сленга в игровой локализации. В прошлом, когда «пиратский» перевод был более распространенным явлением, эта практика была приемлема, однако впоследствии использование игрового сленга иногда рассматривалось как недостаток профессионализма или некомпетентность переводчика. Исходя из полученных данных, отношение профессионального сообщества к этому явлению меняется. При анализе крупных официальных проектов было выявлено употребление неоднозначных лексических единиц, которые нельзя отнести к нормативной лексике, что подтверждает актуальность и тенденцию к их использованию. Учитывая диахронический характер явления, данное исследование предполагает последовательный и продолжительный анализ проблемы, поскольку в настоящий момент можно получить лишь данные по употреблению сленговых слов и выражений в уже вышедших играх, а также учесть отношение самих переводчиков и других специалистов к практике их употребления в переводе.

V. A. Chernousov, O. M. Akay. Actualization of Game Slang Usage in Videogame Localization. In this paper, the relevance of the use of game slang in game localization is studied. Traditionally, such practice may be considered as some lack of professional skills or incompetence of the translator. In the past, when fan-made translation was more common, this practice was quite acceptable. However, according to the data obtained, it is evident that the attitude of the professional community is not so radical in this matter. While analyzing large official projects, the use of ambiguous lexical units that cannot be attributed to normative vocabulary was revealed, which confirms the relevance and tendency of their use. The advantages and disadvantages of this approach to the adaptation of computer games are studied. Implementing the diachronic nature of the phenomenon, the author speaks about a consistent and long-term analysis of the subject, since at the moment it is possible to

obtain only data on the use of slang words and expressions in released games, as well as take into account the attitude of translators and other experts to the practice of their use in translation.

И. И. Шакалов. Адаптивные ситуации в медиадискурсе молодежной политики. Цель статьи — установление смысловой структуры речевого воздействия в медиадискурсе молодежной политики. В качестве основного использовался социоречевой метод анализа публикаций традиционных и новых медиа, предполагающий исследование обусловленности социальными факторами речевой формы медиадискурса и состава коммуникативно-речевых действий в нем. Адаптация ключевых сообщений к разным группам молодежной аудитории — важнейшая задача по реализации коммуникативной стратегии. В ходе исследования выделено четыре типа адаптивных ситуаций — ценностная, деятельностная, эмоциональная и коммуникативная. У каждой из них своя адаптационная цель и речевые действия по их достижению: у первой — принятие молодежью культурных норм, традиционных нравственных ценностей; у второй — достижение ориентации в обновляющейся ситуации, выбор адекватного текущим запросам общества способа социального поведения, а также творческой самореализации; у третьей — эмоциональная поддержка социальных действий; у четвертой — выработка адекватной целям и запросам аудитории формы речевого поведения.

I. I. Shakalov. Adaptive Situations in the Media Discourse of Youth Policy. The article discusses the issue of the peculiarities of the influence of media discourse which provides media support for the communicative strategies of youth policy. The task of strategic communication is to adapt key messages to different audience groups. The analysis revealed four adaptive situations — axiological, activity-based, emotional and communicative. Each has its own goal setting. The author of the article is convinced that adaptive situations, “charged” with a target orientation, can be considered as strategies. Media communication contributes to the achievement of the following adaptation goals: the adoption of cultural norms and traditional moral values by young people, and, at the same time, attitude to the changing environment, the choice of a way of social behavior adequate to the current needs of society, creative self-realization. The results obtained can be used both in scientific discourse and in the process of optimizing communication in the sphere of state youth policy.

М. И. Абдыжапарова, Т. В. Федосова, Т. Ю. Сомикова. Актуализация оценочных смыслов в антропоморфной и артефактной метафо-

рах поэтических текстов Владимира Андреева. Исследование посвящено анализу оценочного компонента антропоморфных и артефактных метафор в поэтических текстах современного российского поэта Владимира Андреева, отражающих характер взаимодействия человека с окружающей действительностью. В ходе анализа выявлены способы репрезентации различных явлений в авторской картине мира с позиций современных когнитивных исследований, а также изучены доминантные метафоры и метафорические модели, характерные для его творчества, и определены их функции. В ходе анализа сделаны следующие выводы: В. Андреев одушевляет и превозносит природу, оценивая ее исключительно положительно, а объекты технического прогресса, такие как компьютер, порицает и подчеркивает их враждебность через обращение к негативно-оценочным средствам выразительности. Также с помощью метафор поэт раскрывает свое отношение к самому себе, к родине, к свободе и переменам в обществе, что характерно для авторов, пишущих верлибром, поскольку в их произведениях поднимаются общественно значимые темы.

M. I. Abdyzhaparova, T. V. Fedosova, T. Yu. Somikova. Actualization of Evaluative Meanings in the Anthropomorphic and Artifactual Metaphors of Vladimir Andreev's Poetic Texts. This research is an analysis of the evaluative component of anthropomorphic and artifactual metaphors in the poetic texts of modern poet Vladimir Andreev, which reflect the nature of a human interaction with the world around. The analysis allows us to reveal the ways of representing various phenomena in the author's worldview from the standpoint of modern cognitive research, as well as to study the dominant metaphors and metaphorical schemes characteristic of his texts and determine their role and function. The analysis resulted in the following conclusions: V. Andreev personifies and extols nature, expressing a positive evaluative meaning, and condemns objects of technical progress, such as the computer, and emphasizes their hostility, expressing a negative evaluative meaning. Also, with the help of metaphors, the poet reveals his attitude towards himself, towards his homeland, towards freedom and changes in society, which is typical of the authors writing in free verse, since their poems often raise publicly significant topics.

Д. С. Золотухин. От слова к термину: особенности французской лексической единицы *terme* в сравнительно-сопоставительном аспекте. В статье описываются лексико-семантические особенности французской единицы *terme*, выражающей понятие научного термина. Данная частотная единица рассматривается в системе лексико-семантических и понятийных отношений с другими единицами французского языка,

использование которых не ограничивается языковедческой областью, а также в сравнении с русскими лексическими единицами, применяемыми для выражения соответствующих и смежных понятий. На основе словарных дефиниций и контекстных употреблений в статьях по языкознанию демонстрируются многозначность и омонимичность данной единицы. Указывается на первостепенность пространственно-временных характеристик в понятийной структуре, с которой соотносится семантическая структура *terme*. На основе анализа русскоязычных терминоведческих текстов и перевода франкоязычных текстов Ф. де Соссюра показывается сложность в передаче данной единицы на русский язык, в связи с чем предлагаются такие переводческие стратегии, которые бы учитывали асимметричность французской и русской метаязыковых систем.

D. S. Zolotukhin. From Word to Term: Features of the French Lexical Unit *terme* in the Comparative Aspect. The article describes the lexical and semantic features of the French unit *terme* which expresses the concept of a scientific term. This unit with high frequency is considered inside the system of lexical-semantic and conceptual relations with other units of the French language, the use of which is not limited to the linguistic field, as well as in comparison with Russian lexical units used to express corresponding and related concepts. Based on dictionary definitions and contextual usage in articles on linguistics, the polysemy and homonymy of this unit is demonstrated. The primacy of spatio-temporal characteristics in the conceptual structure correlated with the semantic structure of *terme* is indicated. Based on the analysis of Russian-language texts on terminology and the translation of F. de Saussure's French-language texts, the difficulty in translating this unit into Russian is shown, and therefore, translation strategies are proposed in order to take into account the asymmetry of the French and Russian metalinguistic systems.

А. Г. Хабибуллина. Краткая история становления татарской ареальной лингвистики. Ареальные исследования являются ценным источником для выявления исторических взаимосвязей между родственными и неродственными языками. Благодаря подобным исследованиям обнаруживаются древние особенности, которые показывают становление и функционирование литературного языка. Ареальная лингвистика тесно связана и с другими науками, особенно с диалектологией, историей народа и этнографией, так как комплексное изучение говоров методом лингвистической географии позволяет выяснить вопросы возникновения и развития татарских говоров, некоторые проблемы, касающиеся этногенеза татарского народа. В статье изучается процесс фор-

мирования татарской ареальной лингвистики как науки в ее историческом развитии, при этом не ставится цель описать нынешнее состояние данной отрасли языкознания.

L. G. Habibullina. A Brief History of the Formation of Tatar Areal Linguistics. Areal studies are a valuable source for identifying historical relationships between related and unrelated languages. Thanks to such studies, ancient features are revealed that show the formation and functioning of the literary language. Areal linguistics is closely connected with other sciences, especially with dialectology, the history of the people and ethnography, since a comprehensive study of dialects by the method of linguistic geography makes it possible to clarify the issues of the origin and development of Tatar dialects, some problems related to the ethnogenesis of the Tatar people. The article examines the process of formation of Tatar areal linguistics as a science in its historical development, while not aiming to describe the current state of this branch of linguistics.

НАШИ АВТОРЫ

- АБДЫЖАПАРОВА, Марина Илларионовна** — кандидат филологических наук, доцент Ханты-Мансийской государственной медицинской академии.
E-mail: mabdyzhapsarova@mail.ru
- АКАЙ, Оксана Михайловна** — доктор филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: o.akay@spbu.ru
- БАБАК, Дарья Анатольевна** — аспирант, ассистент кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков Алтайского государственного университета.
E-mail: awell@list.ru
- БАТЮШКИНА, Марина Владимировна** — кандидат педагогических наук, консультант Законодательного Собрания Омской области; член научно-методического совета Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (Москва).
E-mail: soulangeana@mai.ru
- ЗОЛОТУХИН, Денис Сергеевич** — кандидат филологических наук, исследователь лаборатории истории лингвистических теорий Университета Париж Ситэ (Франция).
E-mail: denzolutukhin@gmail.com
- КАРПАЧЕВА, Татьяна Сергеевна** — кандидат филологических наук, доцент Московского городского педагогического университета.
E-mail: tatiana-karpacheva@yandex.ru
- КОЖАНОВА, Наталья Викторовна** — кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: n.v.kozhanova@mail.ru
- ЛУШНИКОВА, Галина Игоревна** — доктор филологических наук, профессор Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Ялта).
E-mail: lushgal@mail.ru
- ОСАДЧАЯ, Татьяна Юрьевна** — кандидат педагогических наук, доцент Севастопольского государственного университета.
E-mail: osadchaya_ta@mail.ru
- ОСОКИНА, Светлана Анатольевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, перевода и иностранных языков Алтайского государственного университета. E-mail: osadchaya_ta@mail.ru

- РАСКАЗОВА,
Кристина
Сергеевна** — младший научный сотрудник лаборатории исторической географии и регионалистики Тюменского государственного университета.
E-mail: k.s.shelemekha@utmn.ru
- САВЕЛЬЕВ,
Виктор
Сергеевич** — доктор филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
E-mail: alfertinbox@mail.ru
- СОМИКОВА,
Татьяна
Юрьевна** — кандидат филологических наук, доцент Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск).
E-mail: t_somikova@ugrasu.ru
- ФЕДОСОВА,
Татьяна
Викторовна** — кандидат филологических наук, доцент, доцент Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: Tatyana.fedosova@gmail.com
- ФОЛИМОНОВ
Сергей
Станиславович** — кандидат филологических наук, доцент Саратовской государственной юридической академии.
E-mail: kruzo72on@yandex.ru
- ХАБИБУЛЛИНА,
Лениза
Газинуровна** — доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань).
E-mail: valievalg@mail.ru
- ЧАУНИНА,
Наталья
Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент Технического института (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова (Нерюнгри).
E-mail: chaunin@mail.ru
- ЧЕРНОУСОВ,
Виталий
Анатольевич** — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: vitalis812@gmail.com
- ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна** — доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chernyshova@filo.asu.ru
- ШАКАЛОВ,
Илья Игоревич** — кандидат социологических наук, доцент, генеральный директор Фонда развития Краснодарского края.
E-mail: shakalov_ilya1@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРИСЫЛАЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 45 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения — до 25 тыс. знаков с пробелами, другие материалы — до 10 тыс. знаков с пробелами). Для аспирантов — объем не более 20 тыс. знаков с пробелами.

2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т. д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf — True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.

3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.

4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.

5. Библиографическое описание научных изданий (Библиографический список) оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания — учебное пособие, монография, сборник и т. п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Издания на иностранных языках располагаются после изданий на русском языке. Ненаучные издания (нормативные документы, архивные и др. материалы) указываются в отдельной рубрике «Список источников» в конце списка литературы.

6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка. При цитировании изданий на иностранных языках цитата дается на языке оригинала (при необходимости — с переводом автора статьи). Если цитата дана на русском языке в неавторском переводе, то в библиографическом списке указывается не иноязычный оригинал, а источник, в котором был опубликован перевод. Интернет-источники с изменчивым контентом без указания конкретного материала (кроме электронных изданий, поддающихся библиографическому описанию), блоги, форумы и т. п., а также авторские комментарии помещаются в подстрочных примечаниях (сносках). Ссылка на источник приводимого в качестве иллю-

стративного материала фрагмента чужого текста дается после примера в круглых скобках: *Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках* (Независимая газета. 01.02.2016).

7. Статьи следует отправлять в редакцию через электронный портал «Научные журналы АлтГУ» по адресу: <http://journal.asu.ru/pm/information/authors>. К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**

8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и. о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и. о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы и References.

Примечания

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).**

3. Все материалы публикуются в журнале бесплатно.

Периодическое издание

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

№ 2 • 2024

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер ПИ № ФС77–81381 от 16.07.2021 г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Технический редактор Т. Б. Беломестнова
Подготовка оригинал-макета: О. В. Майер

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс с 36795 в каталоге Урал-Пресс
Цена свободная

Подписано в печать 20.06.2024.
Дата выхода издания в свет 28.06.2024.
Формат 60×84/16. Гарнитура Minion 3. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 12,3. Тираж 500 экз. Заказ № 363.

Издательство Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 6б
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.
Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 6б